

М.А.Демин

Коренные народы Сибири в ранней русской историографии

Санкт-Петербург - Барнаул

1995

Министерство образования Российской Федерации
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Барнаульский государственный педагогический университет
Алтайский краевой институт повышения квалификации
работников образования

М. А. Демин

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СИБИРИ В РАННей РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве
учебного пособия для студентов
исторических факультетов высших
педагогических учебных заведений

Санкт-Петербург-Барнаул
1995

Печатается по решению редакционно-издательского
совета Барнаульского государственного
педагогического университета

Рецензенты:

кафедра отечественной истории Алтайского гос. ун-та:

В. И. Соболев, доктор ист. наук, профессор
(Новосибирский гос. пед. ун-т);

И. Л. Афанасьев, кандидат ист. наук, доцент
(Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена)

Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии: Учебное пособие. Санкт-Петербург-Барнаул: Изд-во Барн пед. ун-та, 1995. 197 с.

В учебном пособии рассматривается процесс накопления исторических представлений о коренных народах Сибири, начиная с первых письменных известий и до 70-х годов XVII в. В работе анализируются летописные тексты, документальные и другие материалы, большое внимание уделяется контактам пришлого и автохтонного населения.

Книга рассчитана на студентов исторических факультетов, исследователей и учителей истории, а также на широкую читательскую аудиторию.

ISBN 5-88210-071-2

© Издательство Барнаульского
государственного педагогического
университета

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5	
Глава I. ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КОРЕННОМ НАСЕЛЕНИИ ЗАУРАЛЬЯ (до 80-х годов XVI в.)		9
§ 1. Древние и раннесредневековые авторы о северо-восточ- ных областях и народах Евразии	9	
§ 2. Сведения о сибирских аборигенах в русских письмен- ных памятниках XII-XVI вв.	19	
Игра и самоядь древнерусского свода	19	
Новгородские летописцы о походах в Ігру	24	
Автохтонное население Приуралья и Северо-Западной Сибири в сфере влияния Москвы	28	
Церковно-книжная традиция изображения языческих на- родов	33	
"О человеке незнаемых в Восточней стране"	35	
Ігорский дорожник	42	
Представления о народах Западной Сибири в Россий- ском едином государстве в доермаковский период	45	
§ 3. Зарубежные европейские сочинения XIII-XVI вв. об обитателях северо-восточных земель	50	
Глава II. КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИО- ГРАФИИ С КОНЦА XVI ДО 70-Х ГОДОВ XVII в.		62
§ 1. Сибирские аборигены в документальных памятниках . .	65	
Обзор источников	65	
Занятия и материальная культура	69	
Социальная структура и религиозные воззрения. Сибир- ские древности	75	
Автохтоны и русские	85	

I. В. Народные обряды Сибири в литературно-истори-	
ческих сочинениях	
Сбор материалов	108
Религиозные элементы культуры	111
Религиозные сочинения	116
Соевые обряды народов	122
Монгольско-русские	129
I. В. Информации авторов об автономном населении Сибири	137
 ВАКУЧИЧЕВИЧ	
БОЛДИНАНИЧ	144
Симон Соколович	148
 Список сокращений	196

ВВЕДЕНИЕ

В учебном пособии рассматривается первоначальный период на-
копления исторических представлений о коренных народах Сибири в
отечественной историографии. Изложение начинается с известий античных и раннесредневековых авторов об обитателях окраины ойкумены, которые оказали определенное влияние на последующую, в том числе русскую историческую мысль.

В I главе приведены сведения о населении северо-восточных территорий, содержащиеся в "Повести временных лет", новгородских, московских, вологодско-пермских, устюжских летописных сводах, сказании "О человеке незнаемом в Восточной стране" и других средневековых письменных памятниках, отмечена зависимость исторических материалов о зауральских аборигенах от особенностей провинциальной системы мышления и практики взаимоотношений русских земель с жителями Огры, многовековой историографической традиции и жанровой специфики литературных произведений.

Во II главе представлен обзор документальных источников, включающих информацию о хозяйстве, социальном устройстве, верованиях и других сторонах жизнедеятельности коренных обитателей Сибири. Предметом специального изучения стала также тема автохтонных народов в сибирских летописях и других литературно-исторических сочинениях конца XVI-первых шести десятилетий XVII в.

Большое место в работе уделено контактам пришлого и местного населения, взаимоотношению различных социокультурных начал, образу аборигена и этнической терминологии в документальных и нарративных источниках. Рассмотрение этих сюжетов важно в контексте остро дискуссионной проблемы по оценке природы и значения межэтнических связей, общих признаков и особенностей российской колонизации и результатов ее воздействия на коренные сообщества Сибири.

ТERRITORIALНЫЕ рамки темы охватывают прежде всего Западно-Сибирскую равнину (Зауралье в широком смысле этого слова). Именно в этих землях происходили контакты русских людей с представителями сибирских народов в доермаковский период. Здесь устанавливались и утверждались первые формы проживания аборигенов в составе Российского государства. К этому региону тяготеет и большинство литературно-исторических описаний первых шести десятилетий XVII в. Вместе с тем было бы сложно выявить особенности исто-

риографии сибирских автохтонов без привлечения материалов из других областей Сибири. В связи с этим нами использованы некоторые документальные источники, характеризующие политику Московской державы на обширных просторах Северной Азии, затрагивающие социальное устройство, материальную и духовную культуру восточносибирских автохтонов и их взаимоотношения с пришлым населением.

Верхняя хронологическая граница тома (до 70-х годов XVII в.) определяется донаучным характером сведений о народах в данное время. В последние десятилетия XVII-начале XVIII в. появляются специальные географо-этнографические описания и этнографические чертежи Сибири, элементы исследовательского подхода станут присущи путевым запискам российских посланников в Джунгарию и Китай и трудам самобытного тобольского "изографа" С. У. Ремезова. Впоследствии в сочинениях В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, работах участников академических экспедиций и других авторов оформятся научные принципы и методы народоведения, будет систематизирован и обобщен обширный материал о прошлом и настоящем сибирских автохтонов.

Развитие исторических представлений в средневековье и раннее новое время рассматривается в пособии не с точки зрения "зачатков", "истоков" или "предыстории" собственно научной исторической мысли, как иногда принято в литературе, а в качестве важнейшего самостоятельного периода познания аборигенных культур Сибири со своей внутренней логикой мировидения, идеологической направленностью и менталитетом.

Обратим внимание на условность использованных в тексте терминов "русский" ("русская историография", "русские люди") и "коренной" ("аборигенный", "автохтонный").

Отечественная русская историография на начальных этапах, как известно, существовала в рамках более широкой древнерусской общности, из которой вышли также украинская и белорусская национальные исторические школы.

Употребляя понятие "русские люди" по отношению к служилому сословию Сибири конца XVI-XVII в., надо иметь в виду неоднородный этнический состав переселенцев за Уралом, включавший не только выходцев из различных собственно русских земель, но и из других областей и стран Восточной и Западной Европы. Они несли свою культуру и традиции, особое миропонимание, но находясь на службе Московского правительства, выражали интересы и осуществляли политику Российской государства.

Термин "коренные народы" применяется в соответствии с двумя основными критериями, разработанными современной этнографической наукой. Это, во-первых, формирование и постоянное проживание предков народа на данной или сопредельной территории со временем вхождения в состав Российской державы, и, во-вторых, сохранение традиционной системы жизнеобеспечения и отраслей хозяйства, непосредственно зависящих от окружающей среды¹. При этом надо учитывать, что за длительный период истории дорусской Сибири происходили сложные этнические процессы, имели место ассимиляция и миграция населения, смена культур и их носителей.

Источниковую основу работы составляют разнообразные письменные памятники, включая летописные тексты, хронографы, агиографические сочинения, документальные и другие материалы, в которые вкраплены хотя бы фрагментарные данные о народах Сибири, позволяющие восстановить общую картину формирования представлений о коренных обитателях края. Нами использованы и иностранные, главным образом, западные произведения. Представляя зарубежную историческую мысль, наблюдения и обобщения некоторых европейских писателей и путешественников о сибирских аборигенах, органично влились в русло отечественной историографии и стали ее неотъемлемой частью. К тому же многие известия иностранных авторов базировались на сообщениях из нашей страны и находились в зависимости от местных информаторов.

В учебном пособии приведены обширные выдержки из различных источников. Студенты получают возможность непосредственно обратиться к подлинным материалам, ощутить неподдельную красоту средневековых текстов, подвергнуть их самостоятельному анализу и, может быть, предложить свои суждения по рассматриваемым проблемам.

Научная литература по теме обширна, хотя сводные монографические исследования по ранней русской историографии коренных народов Сибири отсутствуют. В трудах С. В. Бахрушина², В. Г. Мирзоева³, Л. М. Горюшкина и Н. А. Миненко⁴ заложена теоретическая и фактологическая база сибирской историографии, обоснованы различные подходы и принципы ее изучения. Однако большинство специальных историографических сочинений основывается на материалах истории русского, а не автохтонного населения края. Из монографических исследований, посвященных историографии аборигенных народов Сибири большой интерес представляют работы В. Н. Иванова⁵, З. Д. Титовой⁶ и Л. М. Дамешека⁷, хотя хронологически и тематически они от-

личаются от темы настоящего исследования. Изучение историографии коренных сибиряков в настоящее время немыслимо без фундаментальных трудов по источниковедению Н.И. Оглоблини⁸, А.И. Андреева⁹, М.П. Алексеева¹⁰, Н.А. Минченко¹¹, истории этнографии и археологии А.Н. Пыпина¹², С.А. Токарева¹³, М.О. Коссона¹⁴, Л.П. Лашука¹⁵, В.Ф. Иванова¹⁶, Л.Р. Кызласона¹⁷, А.И. Мартынова¹⁸, этнографии Л.П. Потапова¹⁹, З.Д. Соколовой²⁰, Г.И. Пелих²¹, Н.А. Томилова²², В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной²³, Е.А. Алексеенко²⁴, Л.В. Хомич²⁵ и многих других, археографии и истории книжности Е.И. Дергачевой-Скоп²⁶ и Е.К. Ромодановской²⁷, по отдельным сюжетам рассматриваемой темы Д.Н. Анучина²⁸, А.И. Плигузова²⁹ и других авторов³⁰.

Данная работа, на наш взгляд, имеет смысл, во-первых, в источниковедческом аспекте, так как в ней обобщен большой корпус разнородных источников, во-вторых, и прежде всего - в историографическом, поскольку впервые представлено систематическое изложение процесса формирования исторических представлений о сибирских аборигенах в большом хронологическом диапазоне, выявлены основные проблемы и тенденции развития отечественной историографии автогенного населения в эпоху накопления источников и первых опытов их осмыслиения, в-третьих, возможно, в методологическом плане, ввиду того, что предпринята попытка проследить взаимодействие разнородных этнокультурных начал, возникновение и трансформацию этнических стереотипов и отражение этих явлений в историографии.

Автор будет признателен за все замечания и рекомендации, касающиеся как фактической и теоретической стороны, так и учебно-методической направленности работы. Отзывы можно направлять по адресу: 656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55, Барнаульский педагогический университет, лаборатория исторического краеведения.

Глава I

ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КОРЕННОМ НАСЕЛЕНИИ ЗАУРАЛЬЯ (до 80-х годов XVI в.)

§ 1. Древние и раннесредневековые авторы о северо-восточных областях и народах Евразии

Истоки многих современных представлений о природе, обществе и человеке восходят к античной эпохе. Историческая мысль на протяжении столетий также испытывала влияние греческих и латинских авторов¹. Рассказы древних писателей о "варварских" народах привлекали внимание многих поколений книжников, путешественников, исследователей, пытавшихся подтвердить или опровергнуть эти сообщения, отделить достоверные известия от легендарных мотивов.

Одним из первых сведения о населении северо-восточных областей приводит полулегендарный Аристей, грек из города Проконнесса. Отрывки из его поэмы "Аrimаспей", написанной предположительно в последней трети VII в. до н. э.² или несколько позже³, сохранились по переложениям более поздних авторов. В них рассказывается, как вдохновленный Аполлоном Аристей совершил путешествие в отдаленную страну исседонов, которые отличались длинными косматыми волосами. С их слов, он узнал о существовании многочисленных и доблестных воинов аримаспов. Они имели по одному глазу на прелестном челе и владели богатыми стадами коней, овец и быков. За ними проживали стерегущие золото грифы и обитавшие за северным ветром Бореем - гипербореи⁴.

У греческого историка и географа второй половины VI-начала V в. до н. э. Гекатея Милетского население окраин ойкумены характеризовалось сказочными чертами. Это пигмеи (карлики), которые при жатве пользовались топорами и вели войну с журавлями, скиаподы, люди с огромными ступнями, и гипербореи⁵.

Вообще богатая мифологическая фантазия человека античной эпохи породила к жизни не только яркие образы богов и героев, но и не менее замысловатые и фантастические рассказы, содержащие,

впрочем, и реальные элементы об обычаях и нравах действительных и вымышленных народов⁶. Так, согласно "Александрийским пословицам" Плутарха, савроматы на пирушки продавали своих дочерей, горные массагеты занимались любовью прямо на дорогах, а у амазонок ни одна девица не вступала в брак, пока не убьет врага. Исседоны поедали трупы своих родителей, покрывая затем черепа золотом, а бакхирии в случае неизлечимой болезни отдавали себя на растерзание собакам⁷.

Греческий историк и путешественник Геродот (V в до н.э.), признанный еще в древности "отцом истории", побывал в Северном Причерноморье, собрал исторические предания, а также географические и этнографические данные об отдаленных местностях Евразии. По его описаниям, за плодородной страной скифов располагалась "земля твердая как камень и неровная"⁸, которую чаще всего отождествляют с отрогами Урала⁹. В этом краю, у подножия высоких гор, по рассказам дошедшими до Геродота, жили плосконосые и лысые от рождения аргиппей. Соседи считали их священным народом, не чинили никаких обид, а приходили к ним разрешать споры или искать убежище¹⁰.

К востоку от плеших аргиппев обитали исседоны, славные своей справедливостью и равноправием женщин с мужчинами. На поминальных пиществах они ели мясо жертвенных животных, смешивая его с изрубленным на куски телом умершего, а на ежегодных больших жертвоприношениях для возлияний использовали золоченные чаши из человеческих черепов¹¹.

О населении, распространявшемся "по направлению к северному ветру", согласно Геродоту, ничего определенного не известно, кроме не внушивших ему доверия сказаний аргиппев и исседонов, переданных через посредство скифов. За высокими непроходимыми горами, по слухам, проживали "козлоногие" мужи, за ними - люди, спящие в течение шести месяцев, а также одноглазые аrimаспы и стерегущие золото грифы, а на "самых отдаленных окраинах" - гипербореи¹². Аrimаспы нападали и вытесняли с мест обитания исседонов¹³ и похищали золото у грифов¹⁴. Предание рисовало стерегущих золото грифов в виде крылатых существ с телом льва, змееподобной шеей и с головой орла; они добывали в подземных шахтах драгоценный металл и упорно оберегали его от врагов¹⁵.

О легендарных аримаспах и грифах упоминает в "Прометея Прикованном" знаменитый древнегреческий драматург Эсхил:

Кусливых бойся грифов, Зевса бешеных
Собак, и бойся одноглазых конников
Из рати аримаспов, у Плутонова
Потока золотого обитающих¹⁶.

Сцены борьбы аримаспов со стерегущими золото грифами часто изображались на аттических краснофигурных сосудах, предназначенных для вывоза в Северное Причерноморье¹⁷.

О полумифических обитателях северо-восточных областей сообщали, обычно основываясь на "Аримаспеи" Аристея и "Истории" Геродота, Гелланик Лесбосский, Дамаст Сигейский, Страбон, Павсаний, Плиний, Диодор и другие древние авторы¹⁸.

Большую популярность у античных писателей имело сказание о стране гипербореев, помещаемой, как правило, в отдаленной северной ме гности, за высокими Рилемскими (Рифейскими) горами, куда не проникал холодный ветер. Отсюда наиболее распространенная греческая этимология связывала наименование жителей этого чудесного края с территорией, расположенной за пределами обиталища бога северного ветра - Борея. Природные условия там, по мифологической традиции, отличались благодатным, теплым климатом и плодородной почвой, дважды в год приносящей плоды. В этой божественной стране жили счастливые люди, не знавшие раздоров и тяжких трудов, а предававшиеся бесконечной радости праздников, пению, музыке и танцам. Они обладали удивительным долголетием, не страдали от болезней и дряхлости и, лишь сполна насытившись жизнью, бросались с прибрежной скалы в море, принимая "самый счастливый вид погребения"¹⁹. По преданию, в земле гипербореев побывал преследовавший керинейскую лань, знаменитый греческий герой Геракл²⁰.

Геродот допускал, что окраины ойкумены щедро наделены "редчайшими и драгоценными дарами природы"²¹. Однако он сомневался в достоверности легендарных сообщений о населении северо-восточных областей, ствергая, например, возможность того, что "люди рожда-

ются одноглазыми. Имея прочие природные свойства такие же, как у остальных людей²⁰. На "нравность писателей и любовь их к сказкам" при изображении неизвестных народов указывал и Страбон²¹.

В новейшей историографии возобладало мнение, что в античных сочинениях нашли отражение антические сказания скифов, содержавшие отголоски реальных сведений о первобытном населении Евразии²². В литературе неоднократно предпринимались попытки отождествить упомянутые древними авторами отдаленные территории и народы с определенным географическим ареалом и даже связать с конкретными археологическими культурами²³.

Немецкий ученый и путешественник А. Гумбольдт, посыпавший 1829 г. в Южной Сибири, полагал, что аrimаспы и грифы занимали территории Русского Алтая и отсюда снабжали золотом европейских скифов и греческих античных колоний²⁴. Советский археолог С.И. Руденко, рассматривавший проблему географической локализации различных групп скифского и сакского населения, помещал аргиппеев в лесостепной зоне Западной Сибири, исседонов - в отрогах Тянь-Шаня к северу от реки Или, аrimаспов - в верховьях Иртыша, а стерегущих золото грифов - в районе Рудного Алтая²⁵. Немецкий географ Рихард Хеннинг поселял исседонов в Западной Сибири, полагая, что они выполняли роль торговых посредников между скифами и племенами, добывавшими золото. По его убеждению, широко распространенные в античных временах вымыслы о сибирских аборигенах имели целью устрашить чужеземных купцов от поездок в выгодные для торговли районы²⁶. Н.В. Полосьмак, анализируя новые и известные археологические материалы, обратила внимание на важную роль образа мифического орла или грифона в пазырыкской культуре Горного Алтая. Его изображения являлись своеобразным символом народа и покрывали одежду, оружие, конскую упряжь, сосуды, многочисленные украшения. Это обстоятельство, по заключению Н.В. Полосьмак, подтверждает гипотезу тех исследователей, которые связывали аристеевских грифов с Алтаем и носителями пазырыкской культуры²⁷.

Другие ученые выражают сомнения по поводу достоверности известий древних авторов о северо-восточных народах. Так, Л.А. Ельницкий указывает на сходство эпизода о борьбе аrimаспов со стерегущими золото грифами с рассказом о воинственных североиндийских

племенах, совершивших походы на верблюдах через пустыню и похищавших золото у муравьев величиной с собаку³⁰. Широкое территориальное распространение этих легендарных мотивов ставит, по его мнению, под вопрос реальность существования исседонов, аrimаспов и грифов³¹. Хотя в одной из последних работ он допускает историчность исседонов и аrimаспов (ариаспов) и возможность их географической локализации³². По мнению И. В. Куклиной, исседонов Аристей действительно встретил в Средней Азии, в известиях об аrimаспах переплелись реальные и легендарные черты, а грифы и гипербореи полностью являются продуктом мифологического творчества³³.

Г. И. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский отметили близость "полурного" цикла греческих и латинских писателей с аналогичными сюжетами древнеиндийской и древнеиранской литературы. По их предложению, эти мотивы типичны для скифской традиции, которая своими корнями уходит в общеарийскую мифологию. В свою очередь древние прия расскажи о странах Севера заимствовали у предков финно-угорских народов, с которыми они длительное время, до переселения в Среднюю Азию, Индию и Иран, находились в тесном контакте³⁴. При этом Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский не отрицают, что скифские сказания - это лишь один из источников античных повествований о гипербореях³⁵. Н. В. Полосьмак отметила совпадение преданий о "блаженной обители" в греевнегреческих и древнекитайских текстах, что подтверждает активную роль "варварского" населения евразийских степей в создании мифологических образов³⁶.

А. Ф. Лосев, напротив, полагал, что гиперборейская легенда является плодом греческой мифологии, тесно связанной с культом Аполлона. По его мнению, в гиперборецах выражалось идущее из глубины веков представление греков об идеальном царстве, которое не имеет четких географических или этнических характеристик и локализуется не только на северо-востоке, но и в других удаленных и даже прилегающих к Греции местностях³⁷.

Обратим внимание на то, что сам Геродот отличает сказания о гипербореях от сообщений об аргипсеях, исседонах, аrimаспах и грифах. Он уверен, что скифы не знали рассказов о гиперборейских людях и сомневается в существовании таких преданий у исседонов, на чьи свидетельства ссылается Аристей³⁸. В дошедших до нас фраг-

ментах из "Ариадной", в которой приходи́т восторг версия о размещении в неизведанных пространствах гипербореев. они также стоят несколько ото́двинутыми от других групп полулегендарного населения, не вступая с последними во взаимную борьбу³⁹.

Таким образом, современный уровень исследований не позволяет определенно говорить о месте возникновения античного "полярного" цикла и тем более об этнографической локализации страны гипербореев. Что касается сообщений древних авторов о других сообществах "заскифского" наследия, то, несмотря на продолжающиеся дискуссии, большинство ученых упрощает в возможности установить их этническую принадлежность и границы расселения.

Сказания о гипербореях близки к популярному у греческих и римских писателей мифу о золотом веке, который иногда развертывался не во времени, а в пространственном отдалении от античной цивилизации. При этом "блаженны́я обители" помещалась где-то на краю земли за непройденными горами и суровыми морями⁴⁰. Воображение легко переносило такие оазисы социальной гармонии и вечного счастья в недосягаемые для европейцев районы Зауралья с неизвестным населением.

Подводя итог, отметим, что в античных письменных памятниках тесно переплелись как достоверные географические и этнографические данные о северо-восточных областях Евразии, так и устные предания, сюжеты "варварской" и греческой мифологии. Последующая, в том числе и отечественная, историческая мысль воспримет обе эти традиции: легендарные образы и фантастические мотивы будут длительное время уживаться с фиксиацией действительных событий и реальных представлений о сибирских аборигенах⁴¹.

Сказания и мифы античности получили развитие в позднезэллинистическом романе о жизни и приключениях Александра Македонского - "Александрии", версии которого имели большую популярность в средние века как на Востоке, так и позднее в Западной Европе, и на Руси.

По переводу на современный русский язык "хронографической" редакции "Александрии" проследим за путешествием великого полководца в "неведомые земли", где он встретил диковинных людей и сказочных животных. Достигнув области, обильной пропастями, и пе-

рекалив за семь дней через широкое и глубокое ущелье. участники похода обнаружили в густом лесу гигантских пожирателей яблок с длинными шеями и руками. Далее, в степном краю жили дикие великаны. "коренасты, косматы, краснокожи", внешне напоминающие львов, и безволосые могучие люди, высотой в четыре локтя, а толщиной - в два. Опоясанные кожами, без копьев и стрел, с одними кольями, они вступали в битву и лишь с помощью огня отряду Македонского удалось рассеять противника.

В другом месте, у полноводного потока, путешественники изложили косматого, как вепрь, мужчину, ужасающего вида. "И велел я, раздев женщину, подвести ее к нему, чтобы он ее пожелал". - будто бы пишет Александр своей матери Олимпиаде, "а он, отташив ее в сторону, начал пожирать. Когда же бросились на него воины, то заплопатил по-своему, и, услышав его, вышел на нас из болота весь род его - мужей около десяти тысяч... И повелел я зажечь болото их. И, увидев огонь, обратились они в бегство. Преследуя их, связали мы четыреста мужей, но все они умерли без пищи. И разум у них был не человеческий, а лаяли, как псы"⁴².

Странствуя, любители приключений встретили невидимых бесов, охранявших деревья со сладким и приятным соком, птиц с человеческими лицами, разговаривающими по-гречески, безголовыхолосатых людей, которые изъяснялись на особом человеческом языке, одевались в шкуры и питались рыбой и огромными грибами, а также немало других чудовищ⁴³.

Легендарная традиция в освещении обитателей неизвестных земель находит продолжение в своеобразной энциклопедии раннего средневековья "Этимологиях" испанского церковного деятеля и писателя Исидора Севильского (ок. 560-636 гг.): "Мы слышали о чудовищных физиономиях народа, живущего в отдаленных восточных краях; иные не имеют носов, лицо у них плоское и бесформенное, у других верхние губы столь выпячены, что они спят, закрываясь ими от солнечных лучей; иные, наконец, говорят, лишены дара речи и объясняются знаками"⁴⁴.

В средние века на осмысление рассказов о коренном населении Зауралья, проникавших с востока Европы, сильное влияние оказывала христианская система мышления, библейские догматы о происхождении

и классификации народов. Противопоставление в сознании средневекового человека божественного и сатанинского начал, земной жизни и небесной, добра и зла порождало и другую диаду - "свое-чужое", "занемое-не занемое", "христианское-языческое"⁴⁵. Такой подход превращал не только географические⁴⁶, но и этнографические представления в разновидность этических понятий, придавал религиозно-моральную окраску знаниям о народонаселении, разделял человечество на правдников, проинищенных учением Христа, и язычников пребывавших в неверии и грехе.

Античный образ окраин земли как прекрасной страны сказочно го богатства и социальной гармонии, идеализация жизни первобытных народов некоторыми древними писателями вытеснялись в условиях за силья типологии противоположной оценкой северо-востока как средоточия вечного холода и нищеты с диким языческим населением.

Негативное восприятие чужой христианству культуры канонизировалось авторитетом библейских текстов. Так, повествуя о кончине мира и пришествии антихриста, "Апокалипсис" Иоанна Богослова предречет, что сатана для опустошения земли поднимет против Божьего царства Гогу и Магогу. Уже в ранних толкованиях Библии под Гогом и Магогом понимали "полунощные, отдаленные" языческие народы, которых лишь "божественная десница удерживает... от овладения вселенной"⁴⁷.

Однако средневековый провиденциализм не мог ни остановить ни полностью подчинить себе развитие исторических познаний, тем более, что завеса непроницаемости, многие столетия скрывавшая о европейцев Зауральские земли, начинает с образованием Древней Руси постепенно рассеиваться.

Библейские Гога и Магога находят аналогии в коранических персонажах Йаджуджи и Маджуджи, которые "распространяют нечестие на земле". Согласно священной книге мусульман, Зу-л-Карнайн (Македонский) оградил с помощью Аллаха людей от этих существ огромной стеной, залив щели расплавленным железом⁴⁸.

Послекоранические предания по мере расширения географических представлений мусульман помещают становища Йаджуджи и Маджуджи все далее на северо-восток, вплоть до Ледовитого океана. Самы они рисуются в черных тонах: тело гигантских размеров покрыто волосами

ным покровом; два глаза расположены на лице, два - на груди; уши так велики, что достигают плеч, а то и спускаются еще ниже, и служат вместо одежды; речь напоминает неприятный свист. Каждую ночь они подрываются под стену, сооруженную Зу-л-Карнайном, но утром Аллах уничтожает подкоп. Перед концом света эти существа вырвутся на волю, погубят множество людей, опорожнят все большие водоемы, а затем станут покушаться на небеса. Тогда Аллах покончит с ними, закупорив носы, рты и уши с помощью полчища червей⁴⁹.

В мусульманских географических трактатах IX-X вв. встречается рассказ Саллама ат-Тарджумана ("переводчика") о поездке на поиски страны Яаджуджа и Маджуджа. Он был послан в путешествие по велению халифа ал-Васика, которому привиделось во сне, что стена, запирающая страшные народы, оказалась разрушенной⁵⁰.

Большинство исследователей считают, что восточные авторы связывали сооружение Зу-л-Карнайна с Великой Китайской стеной⁵¹, однако есть и другие мнения, в частности, что имелся в виду один из горных проходов Урала⁵².

Путешественник начала X в. Ахмед ибн-Фадлан был убежден, что население, отгороженное от остального мира преградой и воротами, проживало на севере. Оно питалось огромной рыбой, регулярно припывающей к их берегам⁵³. Согласно анонимному персидскому произведению конца X в. "Худуд ал-алам" ("Худуд ал-alem")⁵⁴, к северу от границы кочевания кимаков заканчивались обитаемые районы мира и начиналась местность, где из-за сильного холода люди не могли существовать⁵⁵. По сообщению другого писателя, жители северных окраин не появляются в более южных странах из-за опасения занести туда страшные холода⁵⁶. На карте знаменитого арабского географа середины XII в. ал-Идриси на север от земли кимаков располагалась "страна Яаджуджи и Маджуджи", а на восток - "море мрака"⁵⁷.

Сведения о "стране мрака" попадали в литературу Востока, главным образом, через посредство мусульманской волжской Булгарии⁵⁸. В них немало как традиционных книжных мотивов и фольклорных сюжетов, так и реальных свидетельств о народах Восточной Европы и Зауралья. Однако эти материалы, доходившие преимущественно по пересказам западных писателей, были известны на Руси вплоть до XVIII в. очень плохо⁵⁹.

В работе нидерландского хорватийского ученого Бируни содержатся известия, повторяющиеся в сочинениях других арабо-персидских авторов, о жителях земель, расположенных за "седьмым климатом" (т.е. за самым северным географическим ареалом). "Наиболее отдаленной (областью), где живет еще многочисленное население, является область Пра (вероятно, это Югра русских источников. - М.Д.)... (Люди ходят туди), имея при себе волокуши (сани), на которых они тащат продовольствие по снежным равнинам. Тащат их или сами (идущие), или собаки их. Другое (приспособление для движения) делается из кости. Они это привязывают к ногам, проходят длинные пространства в короткое время"⁶⁰.

Восточные источники IX-X вв. утверждали, что "Йура - народ дикий, живет в чащах, не сносится с другими людьми из-за страха перед злом, которое те могут причинить...; вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха, ведь они охотятся на этих зверей, питаются их мясом, одеваются в их шкуры"⁶¹.

Магрибский путешественник XIV в. ибн Баттута вслед за ранними авторами подробно сообщает о немой торговле с охотниками за пушиным зверем: "Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал у "мрака". Каждый из них оставляет там те товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят... (известное количество) соболей, белок и горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же не доволен им, то оставляет его. Т.е. жители "мрака", набавляют его (своего товара), часто же убирают свой товар, оставляя (на месте) товар купцов. Так (происходит) купля и продажа их. Те, которые ездят сюда, не знают, кто покупает у них и кто продает им, джинны (духи) ли это или люди, и не видят никого"⁶².

По заключению А.П. Ковалевского, известия о Севере в мусульманских сочинениях являются записью устных рассказов местных жителей Волжской Булгарии и соседних областей. Даже классические сюжеты о странствиях Александра Македонского обрастили здесь северными мотивами и в таком виде доходили до восточных авторов⁶³. Б.Н. Заходер, напротив, полагал, что северный цикл в арабо-пер-

сийских географических трактатах основан на книжной традиции и непосредственных наблюдениях путешественников⁶⁴.

Таким образом, к моменту появления на Руси первых письменных произведений в европейской и восточной литературе уже содержались свидетельства, хотя далеко не всегда достоверные, о населении северо-восточных земель. Русские средневековые книжники восприняли не все накопленные до них материалы и предложенные ранними авторами толкования, испытав сильное воздействие христианской идеологии. Используя географическое положение страны, древнерусская историография опиралась прежде всего на собственные познания о пограничных территориях. Формируя свой образ коренного населения Урала и Сибири.

§2. Сведения о сибирских аборигенах в русских письменных памятниках XII-XVI вв.

Югра и самоядь древнерусского свода

Сведения о северном приуральском, а возможно, и сибирском населении включены уже в первые летописные своды Древней Руси, дошедшие до нашего времени. В "Повести временных лет" (по Лаврентьевскому списку) под 1096 г. содержится рассказ, услышанный летописцем в 1114 г. в Старой Ладоге от новгородца Гюрги Роговича о походе его "отрока" за данью в Припечорский край. Оттуда он отправился в землю Югорскую: "Югра же людье есть языкъ немъ, и сосѣдять с Самоядью на полуночных странах"¹.

Термин "Югра" впоследствии прочно войдет в древнерусскую этнogeографическую лексику. Словопроизводные от него сохранились в топонимике европейской Руси и Севера, например, полуостров Югорский, Югорский шар (пролив, отделяющий остров Вайгач от материка) и др. Еще в конце XIX в. Югорскими горами называли северную часть Урала². Происхождение понятия остается до конца не выясненным. З. П. Соколова и В. А. Туголуков предполагают связь этнонима с самоназванием предков хантов, манси и венгров еще в период существования единой угорской общности³. В дальнейшем, возможно, через

посредство коми-зырян это наименование перешло в древнерусский язык⁴.

Югра (в транскрипции "угра") присутствует и во вводной части Лаврентьевской летописи, в которой перечисляются потомки Иафета, одного из сыновей Ноя, спасшегося "по потопе". Здесь угра представлена наряду с такими преимущественно прибалтийско-финскими и приуральскими "языцами", как меря, мурома, весь, мордва, заволжская чудь, пермь, печера, янь, литва, зимиогола, корсь и др.⁵.

Таким образом, "Повесть временных лет" под юграй имеет в виду определенную этническую группу, расселявшуюся в отдаленной местности на северо-восток от Новгорода. Более конкретно локализовать территорию обитания югры, печеры, самояди и связать их с современными народами неоднократно пытались позднейшие исследователи⁶. Одни из них вслед за В.Н. Татищевым и Г.Ф. Миллером помешали летописную югу к западу от Уральского хребта⁷. Другие учёные предполагали, что она проживала по обоим склонам Северного Урала⁸. Третьи, поддерживая обстоятельные "Исследования, служащие к объяснению древней русской истории" А.Х. Лерберга, искали ее в Западной Сибири⁹.

Скорее всего названная в Лаврентьевском списке югра, по крайней мере известная в начале XII в. ее часть, расселялась из окраин европейского континента, входя в круг тех этнических сообществ, с которыми на Руси поддерживались эпизодические контакты. Согласно "Славянской хронике" Гельмонда (60-70-е гг. XII в.), "унгарию" даже причисляли в странах Запада к древнерусским землям¹⁰. Слово "Югра" имело и топонимический смысл, означая обширный северо-восточный регион, границы которого по мере роста русского государства отодвигались все далее на восток. В ходе расширения представлений европейского населения о своих соседях значение термина претерпевало изменения и в дальнейшем он вытесняется более конкретными географическими и этнографическими понятиями.

По поводу отождествления югры с современными этносами также существуют различные точки зрения. А. Дмитриев настаивал на том, что это был самостоятельный народ, отличный как от самодийцев, так и от обских угров, и ассимилированный последними к началу XVIII в.¹¹ Другие авторы доказывали генетическую преемственность югры с манси, третьи - с хантами. Более обоснованным представля-

итой суждение, что летописная югра стала основой для формирования как манси, так и хантов¹².

У исследователей нет единого мнения и относительно этнической принадлежности древнерусской печеры. По одной гипотезе так называли локальную группу коми-зырян, по другой - предков ненецкого народа. Согласно концепции Б. О. Долгих, под печерой в отличие от тундровой самояди имели в виду лесных европейских ненцев¹³.

Разночтение вызывают и попытки определить территорию расселения и этимологию летописной самояди. Новгородцы, видимо, услышали этот термин от северо-восточных аборигенов, выделив его среди других этнонимов, может быть, благодаря сходству с русским выражением, вызывавшим необычные ассоциации, которые, впрочем, не противоречили общим канонам христианского средневековья о людоедстве "нечестивых" язычников. Даже в XVII в., повествуя об увиденных Колумбом каннибалах, хронограф использует для их обозначения отарое понятие "самоядъ". вкладывая в него соответствующую смысловую нагрузку¹⁴. В современной науке отсутствует общепринятое объяснение этого названия: оно трактуется как лопарское "самз една" ("самаедна") - земля саамов, либо производится от этнонима "сомату" ("самату") - собственного имени одной из групп энцев; существуют и другие версии¹⁵.

По предположению Б. О. Долгих, самоядью древнерусский автор называл европейских тундровых ненцев¹⁶. Трудно объяснить, но до конца XIV в. в других отечественных источниках, за исключением "Повести временных лет" упоминаний о самояди не встречается.

Посланец Гюрги Роговича, со слов югры, поведал о: "дивном чуде", третий год наблюдаемом в северных краях: "...Суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тех кличь велик и говорь, и съкнут гору, хотяще высъчиши; и в горѣ той просъчено оконце мало, и тудъ молвят, и есть не разумѣти языку ихъ, но какъ на желѣзо, и помавают рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли секиру, и они даютъ скорою (меха. - М.Д.) противу. Есть же путь до гор тѣхъ непроходим пропастью, съыгом и лѣсом, тѣм же не доходим ихъ всегда; есть же (путь. - М.Д.) и подаль на полуношии"¹⁷.

1114 годом. В Старой Ладоге летописцу сообщили, что "и суть и е^т мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на п^р лунощныхъ странахъ, спаде туча, и в той тучи спаде вѣверица млда, якы толперво рожена (и из той тучи выпала белка молоденька будто только что родившаяся. - И.Д.), и възрастъши, и расходит по земли, и пакы бываеть другая туча, и спадаютъ оленци малиный, и възрастаютъ и расходятся по земли"²⁴.

На основании изложенного эпизода нередко утверждалось о давних, устойчивых связях жителей северорусских областей с уральским и даже сибирским населением²⁵. По словам Н.М. Карамзина, "отдаленный хребет гор Уральских... сделался как бы границею России, новгородцы нашли способ получать естественные, драгоценные произведения Сибири чрез своих югорских данников"²⁶.

Очевидно, что по крайней мере со второй половины XI в. ("суть и еще мужи старии") выходцы из Руси проникали в угорские самодийские земли. Однако сам характер летописных материалов, наполненных фольклорными мотивами и прямолинейными богословскими параллелями, трудности в речевом общении ("Юgra же людье ес^т языкъ немъ") говорят скорее об эпизодических контактах, чем о регулярных связях. Не случайно, известие о "немом торге" приведено не по рассказам древнерусских купцов или дружинников, а со ссылкой на предания югры.

О плохом знакомстве с "полунощными" территориями свидетельствует и то, что летописец с полным доверием отнесся к сообщению ладожан о выпадении из тучи маленьких оленей и белок, отражавшее му, вероятно, устные предания северных аборигенов. Того же, "к^т сему вѣры не иметь" он, как и после слов посланца Гюляты Роговича, отсылает к авторитету старинных текстов - в данном случае, хронографу, передающему сказания из византийской Хроники Иоанна Малала о чудесных явлениях, связанных с падением на землю различных предметов²⁷.

Подводя итог, отметим, что в "Повести временных лет" ярко запечатлен интерес древнерусских книжников к населению северо-восточных областей. Однако в распоряжении первых русских летописцев было еще очень мало достоверных сведений, позволявших удовлетворить это любопытство. Отдаленные местности рисуются им

Речь идет о так называемом "немом торге" - товарообмене с отдаленными северными аборигенами¹⁸. Летописец Переяславля Суздальского, восходящий к летописным сводам начала XIII в., поясняет, какая "скора" предлагалась для продажи: "соболи, куница, белка"¹⁹. Сходный сюжет мы уже встречали в арабо-персидских географических сочинениях. Первоисточником всех этих известий, по мнению ряда ученых, являлись устные рассказы коренных жителей Приуралья и соседних областей²⁰.

В исследовательской литературе высказано предположение о связи летописных торговцев пушниной с тундровыми автохтонами, этнически отличавшимися как от самодийского, так и от угорского населения и получивших в ненецком эпосе название "сиртя" ("сиирти")²¹.

Летописец так прокомментировал сообщение "отрока" Гюряты Роговича: "Си суть людь заклепении Александром. Македоньским царемъ, (который)... взыде на восточныя страны до моря... и видѣ ту человѣкъ нечистыя от племене Афетова, их же нечистоту видѣвъ: и даху скверну всяку, комары, и муhy, котки (кошek. - М.Д.), змиѣ, и мертвѣцъ не погрѣбаху, но ядяху, и женъскыя изворогы (выкидыш. - М.Д.) и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убося, еда како умножаться и осквернять землю, и загна их на полуночныя страны в горы высокия; и богу повелѣвшю, сступишася (сомнѣлись. - М.Д.) о них горы великия, токмо не ступишася о них горы на 12 локот, и ту створишася врата медяна, и помазашася сунклитом (легендарное вещество, предохранявшее от разрушения огнем и мечом. - М.Д.)... В последняя же дни... изидут и си сквернии языцы, иже суть в горах полуночных, по повеленю божию"²².

Здесь мы имеем дело с характерным для средневековой учености приемом интерпретации фактического материала, когда объяснение непонятным явлениям стремились найти в Священном Писании или трудах церковных иерархов. В данном случае толкование, восходящее к Библейскому мотиву о Гоге и Магоге, заимствовано из "Откровения Мефодия Патарского" - анонимного произведения середины I тыс. н.э., приписываемого Мефодию, епископу города Патар в Ликии²³.

Красочными фольклорными образами насыщен еще один рассказ о северо-восточных землях, помещенный в "Повести временных лет" под

преимущественно в загадочных и живописных тонах. Обращает на себя внимание и стремление рассматривать известия из северных земель в контексте всемирной истории, увязывать новые явления с библейскими сюжетами и другими каноническими материалами. Для обозначения приуральских и сибирских автохтонов еще не выработана специальная терминология: это те же "люди" и "языцы", хотя порой и наделены фантастическими признаками. Термин "языцы", вероятно, передавал представление средневековых авторов о языке как основной отличительной черте того или иного этноса.

Несмотря на наличие фантастических черт и аналогии со страшными библейскими племенами северное население в "Повести временных лет" не воспринимается как нечто враждебное и угрожающее. Это, видимо, объясняется особым "оптимистическим" мироощущением жителей Древнерусского государства, когда на первых порах еще не существовало четкого разграничения на "своих" и "чужих"²⁸, а этиническая лексика имела преимущественно нейтральный или доброжелательный оттенок²⁹.

Новгородские летописцы о походах в Йгру

Тему северо-восточных аборигенов, затронутую в "Повести временных лет", продолжают новгородские летописи, которые не только обогащают фактическую базу, но и содержат несколько иной взгляд на события в приуральских и сибирских землях.

Древнейший Синодальный список Новгородской Первой летописи (XIII-XIV вв.) под 1187 годом содержит одно из ранних упоминаний о сборе дани с коренных жителей Приуралья в пользу Новгорода "изъени быша пучерьскими и югърскими (по Воронцовскому и Комиссионному спискам: "пучерьскими и югорскими даньницами") в Печере, других за Волокомъ, и паде головъ о сте къметьства" (по Академическому и Толстовскому спискам: "сто доброименитых")¹.

В 1193-1194 гг. новгородцы совершили новый поход, закончившийся для них серьезной неудачей. "Въ то же лѣто идоша из Нового рода въ Йгру ратью съ воеводою Ядреемъ; и придоша въ Йгру и възяша городъ, и придоша къ другому граду, и затвориша въ градѣ, стояща подъ городомъ 5 недѣль; и высылаху къ нимъ Йгра, лѣстьбо-

рикуше (говаря. - М.Д.) тако. яко "копамъ сребро и соболи и ина узорочья (драгоценные вещи. - М.Д.), а не губите своясь смърдь и спои дани", а лъстяще ими, а вое копаче. И яко скопиша вое и мислаша из города къ воеводѣ: "помди въ городъ, поемъ съ собою 12 муж вячшихъ (старших по положению. - М.Д.)"; и иде въ городъ воинода, поимя съ собою попа Иванка Легена и инѣхъ вячшихъ, исъкоши я на канунъ святыхъ Варвары; и выслаша пакы, и поясша ихъ 30 муж вячихъ, и тѣхъ исъкоша и потом 50. И яко изнемогоша голодомъ, стояли бо бяху 6 недѣль, слушающе лъстьбѣ ихъ, и на празднину снятого Николы вылѣзъше из города. исъкоша вся; и бѣ туга и беда останку живыхъ; бѣ бо осталося ихъ 80 муж. И не бяше вести черезъ всю зиму въ Новгородъ на не, ни на живы, ни на мъртвы; и печяло-вихуся въ Новгородъ князь и владыка и вѣсь Новгородъ².

В источнике представлен один из аспектов (насколько он являлся преобладающим - судить трудно) взаимоотношений Новгородской республики со своими северо-восточными соседями - военные экспедиции с целью сбора дани. Походы сопровождались насилием ("изъвиши быша"), осадой и взятием укрепленных пунктов ("възяша городъ") и большими потерями ("исъкоша вся") с обеих сторон. Состав взимаемой дани был довольно разнообразен: "сребро и соболи и ина узорочья".

Некоторые исследователи определяют действия Новгорода в отношении аборигенных народов как колониальный разбойничий грабеж, принудительные карательные меры, хищническую дофеодальную эксплуатацию³. Не затушевывая насильтвенной стороны политики русских властей в пограничных рубежах, отметим, что спектр взаимных контактов мог быть значительно шире. Археологические материалы, в частности, указывают, что с XII в., возможно, не прерывался торговый обмен Новгорода, а затем и других русских областей с Югом⁴. По предположению В.А. Могильникова, в конце XII-XIII в. новгородцы стали селиться в Зауралье, образуя временные торговые фактории, о чем свидетельствуют находки русской керамики на отдельных памятниках Нижнего Обь-Иртышья⁵.

С.В. Бахрушин высказал мнение о конкуренции за пушные богатства Югры между администрацией Новгородского государства, снажившей военные экспедиции-набеги для сбора дани, и частными

предпринимателями, стремившимися установить с коренным населением "прочные связи"⁶.

"Югра" выступает в летописном тексте как этнический и тонимический термин, интерпретации которого мы касались выше. Несмотря на то что городские авторы, как и их предшественники в "Повести временных лет", выделяют югру среди других групп приуральских аборигенов, однако в повествованиях о походах русских дружин за данью этические различия среди местных жителей были для летописцев явлением, не требующим особого внимания. Показательно, что Четвертая Новгородская летопись, почти слово в слово повторяя сообщение Синодального списка о столкновении в 1187 году, переименовывает печенегов в пермских⁷.

Для оценки характера взаимоотношений Новгородской феодальной республики и северо-восточных автохтонов важно, что югра называла себя смердами, выплачивающими дань ("не губите своих смердов своей дани"). Не касаясь дискуссии по поводу трактовки понятия "смерд", отметим, что оно выражало определенную форму подчиненности, но не сравнимую со степенью зависимости такой, например, категории, как холоп.

Горько переживая трагические последствия похода 1193-1194 гг. ("и печяловахуся... въесь Новгородъ"), летописец однако не пользуется применительно к югре отрицательные религиозно-этические стереотипы или библейские аналогии. В этом смысле более светский практический взгляд Новгородской летописи, не обремененный авторитетом книжной традиции, отличается от богословской назидательности "Повести временных лет".

В последующие столетия жители северных областей Руси продолжали движение на восток за Камень, облагали данью и завязывали торговые связи с местным населением, расширяя географические и этнографические представления о Сибири. При этом характер летописных сообщений не претерпел существенных изменений: повествования по-прежнему упоминали, главным образом, о крупных военных действиях.

Под 1364-1365 гг. Четвертая Новгородская летопись описывает как воеводы Александр Абакумович и Степан Ляпа совершили удачное путешествие в Югру. Половина их отряда промышляла в устье Оби,

ри", а остальная рать "воеваша" выше по течению реки. Добыча, видимо, оказалась столь весомой, что в следующем году "Югорши" заложила каменную церковь святой Троицы⁸. Существование осо-
бого "Югорщины", под которой имеют в виду купеческую корпорацию, индустриализировавшуюся на торговле с Югой⁹, свидетельствует о важ-
ной роли в экономике Новгорода северо-восточного фактора.

Влиятельнейшие семейства новгородских бояр - Гюратиничи (спомним "отрока" Гюрата Роговича), Мишиничи (потомки того Миши, который сражался "пеш" со шведами под началом Александра Невского) были, по мнению В.Н. Бернадского, деятельнейшими участниками организаторами экспедиций в Приуралье и Северо-Западную Сибирь, разделяли свое могущество и умножали богатство с помощью "югорской дани"¹⁰.

Частную торговлю с аборигенами отдаленных местностей вели однородные люди и из других областей Руси. Так, согласно "Житию Дмитрия Прилуцкого", в 70-е годы XIV в. он дважды давал благословление своему брату, Переяславскому купцу, на путешествие в Поганские человечки, еще зовут Йгра и Печера, идти же живутъ ли и Самоядъ". Тот разбогател на этом предприятии, однако третий раз, не предав значения предупреждению монаха, погиб от югорских людей¹¹.

После Яжелбицкого договора 1456 г. между Новгородом и Москвой великим княжеством походы новгородской рати в Югу зачиной прекращаются¹². Последнее такое событие, завершившееся упоминай неудачей, относится летописью к 1445 г. Трехтысячный отряд под руководством воевод Василия Шенкурского и Михаила Яковлева отправился за сбором дани: "...И поимавше югорских людей ого, и жонъ ихъ и дѣтей, и расположившаяся; онъ же, Югрици, отъяще над ними облѣсть. а рѣя тако: "Мы хотимъ вамъ дань даять, а хотимъ счастися, и указати вамъ станы и островы, уречища"; в то время скопившееся и ударившееся на острогъ на Васильевъ, и ого добрых людей, дѣтей боярских и удалых людей избиша 80; и малостно слышати убѣнье ихъ"¹³.

Об эволюции этнографических представлений средневековых авторов свидетельствует использование летописцем XV в. различных терминов для обозначения территориального пространства Зауралья

("Югра") и самих аборигенов ("югрии", "югорьские люди"). Обращает на себя внимание упоминание в источнике об укрепленном поселении ("Васильев острог"), воздвигнутом русскими на какой-то период времени для проведения операций с местным населением. Остроги вероятно, служили и перевалочной базой для дальнейшего продвижения в глубь Сибири. Путь на восток новгородцы узнавали от коренных обитателей края. О важности таких топографических данных для русских отрядов говорит обещание "югриец" наряду с предоставлением дани "навести" пришельцев на неизвестные "стани и острова уречища".

Таким образом, успехи северной Руси в освоении новых территорий в немалой степени зависели от отношений с автохтонными этносами. Военные насильственные действия ("и поимче югорьски людей много, и жонъ ихъ и дътей"), принудительный сбор дани, надумать, не способствовали установлению взаимопонимания и в конечном итоге препятствовали закреплению Новгорода в Зауральских землях.

Аutoхтонное население Приуралья и Северо-Западной Сибири в сфере влияния Москвы

По мере возвышения Московского княжества оно стало составлять серьезную конкуренцию восточной политике Новгорода, постепенно поставив ее под свой контроль. При этом в борьбе за сферу влияния на Урале и в Западной Сибири московские князья практиковали не только военные средства и походы за пушниной, а использовали более широкий арсенал методов и приемов.

В последней четверти XIV в. духовные и светские власти Москвы способствовали устюжскому митрополиту Стефану, развернувшему активную миссионерскую деятельность среди вычегодских язычников и основавшему в 1383 г. на Выши Пермскую епархию. По заключению С. Е. Бахрушина, Стефан Пермский выступал не только "апостолом зырян" но и проводником московского политического и экономического влияния на новые территории¹.

Москва поддерживала расположенный на востоке страны Велико Устюг в его жестокой борьбе с Новгородом за торговые пути в П

юрокий край и Нижнее Приобье. Летописи не раз сообщают, как "затянувшись новогородцы с устьюжаны, и изъимаша новогородцев, кто идил на Югру и ограбиша их"².

Благодаря покровительству московских князей, из своего родового гнезда Соли Вычегодской пермский предприниматель Аника Строганов в первой половине XVI в. наладил товарообмен с западносибирскими туземцами³. Позднее Строгановы оказали существенную поддержку в организации экспедиции Ермака.

Первая Софийская летопись XV в., перечисляя "земли иноязычные" и "мнози языцы", попавшие в орбиту действий Пермской духовной митрополии называет под 1396 г. среди прочих этнических групп южного и Северного Урала югру, печору, vogуличей и самоедъ⁴.

Под 1465 г. Устюжский летописный свод первой четверти XVI в. упоминает о походе по приказу великого князя Ивана III воеводы Беликого Устюга Василия Скрябы за Камень с целью приведения южного населения под руку Москвы: "Они же шедше, да Югорскую землю иоонали, и полону много вывели, и землю за великого князя иишли. А князей югорских - Калпака да Течика - к великому князю иину Васильевичу и на Москву привели, и князь великий их пожаловал югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и им всю землю Югорскую, а Скрябу пожаловал"⁵.

Источник упоминает о типичном впоследствии приеме русской администрации, когда представители аборигенной аристократии "жалились" их же собственными землями с одновременным возложением на них обязанностей по сбору ясака в великокняжескую казну. Летописец называет югорских владетелей по аналогии со стратификацией южного феодального общества "князьями". Позже, стремясь поддержать приниженное положение на социальной лестнице сибирской знати, документы введут в оборот уменьшительное "князец".

Под 1467 и 1481 годами Устюжская летопись фиксирует походы в vogулич. "Вогулич воевали", попутно пограбили и встретившихся томских "тотаров"⁶.

В 1483 г. московские воеводы Федор Курбский Черный и Иван Итиков-Травин во главе объединенного войска нескольких русских ищущих отправились "на vogульского князя, да и в Ёгру на Обь никую реку". В Зауралье, при впадении реки Пелым в Тавду, произ-

зашло столкновение с мансийскими силами: "На том бою убили ус жан 7 человек, а вогуличь паде много, а князь вогульский Юм убежал". Далее русская рать следовала вниз по Тавде и Тобо обошла слева владения Тюменского ханства ("мимо Тюмень") и втосьлась в "Сибирскую землю" - в татарские улусы в нижнем тече Тобола. Продвижение отряда летописец характеризует краткой, емкой фразой: "воевали, идучи, добра и полону взяли много". Территории Сибирского юрта воеводы спустились по Иртышу и Об Югру "и князей югорских воевали и в полон вели"?

Результатом этого похода явилось признание отдельными мордвы, сибирскими и, вероятно, хантыйскими владениями зависимости от Москвы, сводившейся, впрочем, к нерегулярной уплате дани в великой жескую казну.

31 декабря 1484 г. в центре Пермской епархии Усть-Воротынь представители русских властей и обских угров совершили процессия заключения мира⁸. Кодские и югорские "князья" клялись "лихъ мыслити, ни силы не чинити... а государю великому князю правити во всем" и "дань давати"⁹. В том же 1484 г. Югорская земля впервые включена в официальный титул великого князя московского¹⁰. После смерти в 1505 г. Ивана III Югра в числе прочих сопредельных территорий по завещанию досталась его старшему сыну Василию¹¹, хотя подлинного подчинения зауральских народов достичь не удалось вплоть до экспедиции Ермака и последовавших за нею событий.

Под 1499-1500 гг. летописи сообщают о походе в "Угорскую землю и на Гогуличи" большого отряда под командой великокняжеского воеводы Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Иванова-Бранденбургского. Русская дружина без потерь со своей стороны обложила дикоцкие жителей: "Они же, шедше (по Архангелогородскому летописцу: "ходивше на лыжах пеши зиму всю"), города поимаша и землю воеваша и князей, поимав, приведоша с собою на Москву; а князей и земских людей к роте приведоша по их вере за великого князя: а иных князей и многих людей Югричъ и Гогуличъ тамо послаша"¹².

Разрядные книги, уточняя территорию действия московской армии в 1499-1500 гг., выделяют среди обширных угорских владений

иальных хантыйских "княжества": Коду ("послал князь великий ь орокую землю на Куду")¹³ и Обдорию ("из Ляпина встретили с Одона на оленях югорские князи")¹⁴. В этих же материалах употреблялся типичный для последующего времени этноним "остяк" ("А с Вальрем Ивановым... 100 человек арян (предки удмуртов. - М.Д.). тар и остыков")¹⁵, которым обозначали несколько коренных сообществ Западной Сибири и Урала.

Московское правительство, судя по документу, стало привлекатьaborигенное население для проведения военных предприятий, в том числе и против своих же сородичей. К такой практике русские власти будут прибегать и в дальнейшем. Обратим внимание на встречающиеся в источниках "города" ("грады") - укрепленные поселки склик угров. Согласно трактовке современных исследователей, они являлись административными, торговыми, религиозными и военнообитательными центрами территориально-родовых общин. Община-городок была основной структурной единицей у хантов и манси в дорусский период. Несколько таких формирований составляли "княжество".

В летописном повествовании о походе 1499-1500 гг. показаны кие широко распространенные впоследствии в Сибири способы подчинения подвластных народов, как взятие заложников-аманатов из числаaborигенной знати ("и князей, поимав, приведоша с собою на окну"), и принятие присяги (шерти) на верность Российскому государству сообразно местным языческим обычаям ("к роте приведоша их вере"). Очевидно, что организация подобных акций требовала предварительного знакомства с религиозными обрядами коренного населения.

Верования сибирских автохтонов в какой-то мере были, безусловно, известны русским людям и использовались властями для утверждения взаимных соглашений, о чем свидетельствует, в частности, запись шертования кодских и югорских "князей" в ходе заключения, упомянутого выше, усть-ымского договора 1484 г.: "А мир их ков: подкинувше елку в жерьдь протолсту, протесав на четыре, а да послали медведно, да на медведно покинули две сабли острием вверх супротивно, да на медведно же положили рыбу да хлеб А мы поставили вверх елки крест; а югричи по своему жабу берегите-

ну... да под жабою над нами, как почнут ходить вокруг елки в солон, дръжати две сабли, подкнүв елку остреи вниз. Да чело стоячи, приговаривает: "кто съсь мир изменить, по их праву казни". Да обойдуть триж[ды], да наши поклоняются кресту, а он полдень. А после того всего с золота воду пили; а приговор также: "кто изменить, а ты, золото, чуй"¹⁷.

Завершая рассмотрение зауральских сюжетов, эпизодически падавших на страницы новгородских, московских, вологодско-псковых, устюжских летописных сводов, отметим, что сибирские эти интересовали средневековых писателей не сами по себе, а прв всего как объекты северо-восточной политики русских государственных образований. В центре внимания находился внешний ход событий действия дружин в Югре, военные успехи и поражения, взятие и увод аманатов. Авторы обычно не задумывались над причинами исходящего или результатами воздействия Руси на внутренний сaborигенов. Погодные рамки изложения хроники текущей жизни, правило, не оставляли места и для богословсконаиздательской пропаганды или религиозно-этических оценок язычников.

У летописцев XII-XV вв. было еще немного данных о коренных сибиряках, скрывавшихся от постороннего взгляда в "непроходимых местах и стремнинах"¹⁸. Своеобразие миропонимания людей того времени и жанровые особенности произведений также, вероятно, не соответствовали проявлению любознательности о событиях, лежавшим легко за пределами собственно русских земель.

Тем не менее вслед за всеобъемлющей югрой источники употреблять более конкретные названия зауральских народов, территориальных и государственных образований. Это vogуличи, моедь, Пельмь, Тюмень, Сибирь, позднее - Кода, Обдора, остыки. Центральное устройство автохтонных обществ представлялось летописцем еще очень смутно. Однако сословная неоднородность была подмечена и зафиксирована терминами, употреблявшимися для обозначения кой феодальной иерархической лестницы: "люди" - "земские люди", "князь" ("князья з детми"). Самобытность материальной и духовной культуры сибирских аборигенов тоже находилась еще вне сферы интересов средневековых писателей. Но, когда дело лилось дипломатических акций или религиозной полемики православия,

иич" Гном. Христианские авторы проявляли осведомленность о традиционных обрядах "неверных человек".

В реальной действительности связи русских и Зауральских территорий были, очевидно, шире, чем они отразились в скучих свидетельственных летописных текстов, и не сводились к военно-пушной экспедиции, и включали длительную практику в какой-то степени взаимоизучения обменных операций, предполагали знакомство и освоение традиций, хотя, вероятно, и внешних черт культурных проявлений.

Церковно-книжная традиция изображения языческих народов

В средневековой русской литературе при описании языческих ярдов важное значение, как отмечалось выше, имели религиозно-этические каноны и библейские догматы. Особое место провиденциальные мотивы занимали в агиографических, житийных произведениях, религиозных наставлениях, а также в тех летописных сюжетах, которые восходили к церковным текстам, либо были связаны с деятельностию православных организаций. Так, в рассказах о походах ярких отрядов в Зауральские земли, военных столкновениях и сбоях дани коренное население упоминается без всяких отрицательных предположений, но в случае с убийством епископа Пермского Питирима "огуличи" получают эпитет "безбожные"¹.

В "Слоне о житии и учении святаго отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа", написанного Епифанием Премудрым вскоре после смерти святителя в 1396 г.², клеймятся неверные "иноязычники" — они поклоняются "идоломъ... жрутъ жертвища", служат "глухимъ миромъ", молятся "издолбенымъ болваномъ", верят в "кудесы и въ луконанья, и въ чарованья, и бѣсованья и въ прочаа прелести дьяволъския"³.

Согласно христианской традиции о единородности всех людей, творения, обличая язычников, не рассматривает их как существа недобро и искони низшего порядка. По его мысли, эти "человѣцы" въличны дьяволом, но, познав слово Божие, они оставят "идольни жрѣты" и "прелести кумирьские" и вольются в число праведной, ти человочества⁴. О том, что принятие православия не приводило

к быстрому искоренению языческого быта, миссионеры узнали о⁴ скоро.

Отныне выполнение новокрещенными христианами своих обязанностей становится постоянной заботой церковных властей. Так, послании от 1501 г. митрополит Симон требовал от мирян покончить с богослужениями по "древнему и татарскому обычью", расстаться с "кумирами", "болванами" и "идолами", обручаться только по церковному обряду и соблюдать другие православные нормы⁵.

Первая Софийская летопись XV в., описывая кончину Стефана Пермского и отдавая долг его христианскому подвигничеству, рисует "неверных человек" в духе богословско-книжной традиции. В рассказе присутствуют и некоторые действительные этнографические черты, касающиеся верований языческих народов: "молящиеся идолом, огнём и каменю, и Золотой бабе и кудесником и въльхом и древи". Никоновский летописный свод первой половины XVI в. добавляет к этому фрагменту поклонение "солнцу... волом, козам"⁶. Культ солнца, водной стихии, священных камней и деревьев, почитание ветвей будет в дальнейшем не раз отмечено у многих этносов Урала и Сибири⁸.

Обратим внимание на упоминание о Золотой бабе, которую, по очерченной в тексте территории, летописец помещает в район верховий рек Камы, Вятки, Северной Двины, Печоры и их притоков. Впоследствии образ этого легендарного божества, относимого далее на восток, в малодоступные пределы Западной Сибири, становится довольно популярным в отечественной и особенно западноевропейской литературе, а также в русском и аборигенном фольклоре⁹.

Никоновская летопись, вслед за агиографическими произведениями, повествует о миссионерской деятельности русской православной церкви в Уральском регионе: "И учаще вере Христове и обращавше от идолоучения, крещаше во имя Отца и Сына и Святаго Духа, кумиры их, скрушая, огнем пожигаше; ... исперва же многа озяния и раны и гонения претерпе от них. По неколице же времени грамоте изучи Пермьской, и поставляше попы и дьяконы, и ставляше и славляше в них Бога Прымьским языком"¹⁰.

Преобладание в русских летописных текстах конкретно-сюжетных сюжетов не могло ослабить значения господствующей христианской мифологии.

и иллюгии. Усиление религиозного влияния Москвы, постепенно расставшая миссионерская активность православной церкви на востоке страны сопровождались упрочением провиденциально-морализаторской темы. Впоследствии традиционная богословская концепция имеет свое продолжение и развитие в Сибирских летописях XVII в.

"О человеке незнаемом в Восточной стране"

Первым русским развернутым описанием коренного населения восточно-Западной Сибири считается сказание "О человеке незнаемом в Восточной стране"¹. В историографии неоднократно поднимался вопрос о происхождении, источниках и датировке памятника, предпринимались попытки установить индивидуальное авторство, изучались содержащиеся в тексте сведения о сибирских аборигенах². Сочинение можно рассматривалось в связи с новгородским летописным циклом о Уральских землях³, хотя и по форме, и по содержанию оно заметно отличается от хроникальных сообщений русских летописей.

В последние годы всестороннее исследование, включая археографический и текстологический анализ и публикацию списков этого произведения, предпринял А.И. Плигузов⁴. По его заключению, первая редакция сказания сложилась в 1483-1484 гг. в пермской властичной канцелярии в результате опроса пленных манси и, возможно, неких участников походов в Зауралье. Вторая редакция, дополненная как реальными, так и легендарными деталями, возникла, по мнению А.И. Плигузова, также в администрации пермского епископа Филиппа не позднее начала XVI в.⁵.

В сказании повествуется о восьми (во второй редакции – девяти) сообществах "незнаемых человек", живущих в "Восточной стране". При этом действительные этнографические и географические названия перемежаются с традиционными книжными сюжетами и фольклорными мотивами.

Одна из самодийских групп – "зовома каменская". Она "облежит про Шгорьские земли, а живут по горам по высоким. А ездят на оленех (вторая редакция: "на оленех и на собаках"). А платие ног оленине и соболине. А ядят мясо оленине, да и собачину, и бобровую сыру ядят. А кровь пьют всякую, и человечю. Да есть у них

таковы люди лекари. У которого человека внутри не здраво, и о брохо режут, да нутро вынимают и очищают, и паки заживляют⁶.

Под каменскими "человечами", вероятно, имелись в виду дорские или юрацкие ненцы, кочевавшие по восточным предгорьям Урала и полуострову Ямал. Упоминания о каменской (каменной) са яди встречаются в русских источниках XVII-XVIII вв.⁷. С жителем этих мест русские люди познакомились давно, поэтому сообщения их питаний, одежде и средствах передвижения отличаются большой долей достоверности. В описании чудодействий сибирских "лекарей" исследователи видят рассказы аборигенов о необыкновенных способностях шаманов⁸, одной из основных функций которых было, как известно, лечение больных. Сохранились позднейшие свидетельства о том, что ненецкие шаманы нарости и чирья срезали ножом или откусывали зубами и даже вскрывали живот заболевшего человека⁹.

Далее в тексте приводится предание северных жителей ("сюют, самоеды же старые люди") о перемещении усопших в загробный мир: "...Видали з горы подле море мертвых своих: идут, плачут за ними идет великий человек, поганяя их палицею железной"¹⁰.

Другое объединение самодийцев - "малгонзеи" - проживало "морем", за Йгорскую землю: "А ядят мясо оленине да рыбу, да собою друг друга ядят. А гость к ним придет, и они дети свои калают на гостей, да тем кормят. А которой у них умрет, и снедают. А в землю не хоронят ("а своих тако же" - добавляет первая редакция). А люди резвы, не велики в возрастом (т. е.ростом М. Д.), плосковиды ("плодовиты" - по Архивному изводу второй редакции), носы малы ("но резвы вели и стрелцы скоры и горазды" уточняет вторая редакция), а ездят на оленех. А платье носят больше и оленине. А торг у них соболи"¹¹.

Д. Н. Анучин под малгонзейами понимал ненцев-юраков¹². По мнению Г. Д. Вербова, поддержанного другими исследователями, источником сообщается о лесных энцах-монкаси, обитавших в ме речье Турухана и среднего и верхнего течения Таза¹³. В самом начале XVII в. в северо-западной части их земель был "зарубленный русский город Мангазея"¹⁴.

В рассмотренном эпизоде наряду с фантастическими, возмозможными мотивами о людоедах, питавшихся мертвецами и потчевав-

той мясом своих младенцев, присутствуют реальные антропологи чес характеристики аборигенов, сведения о занятиях, транспорт-предметах, пище, одежде, а также дана положительная оценка их боевым навыкам ("стрелцы скоры и горазди").

Недалеко от владений малгонзеев, "вверх Оби рекы великия", про произведения располагает землю Байд. Ее заселяли "человеки промышлявшие соболя и проживавшие в землянках ("в земле"): идет мясо соболиное. А иного у них некоторого зверя нет, опричь или. А носят платие все соболиное, и рукавиши и ногавиши, а иного иного платья, ни товара у них нет"¹⁵.

Д.Н. Анучин выдвинул гипотезу, согласно которой область Байд именем "великим градом", о котором речь пойдет ниже, помещена в предгорьях Алтая и верхнем течении Оби¹⁶. Локализовать не-правильные известия сказания на территории Южной Сибири пытались ино-ученые¹⁷. Специальные изыскания, однако, убедительно дока-зали, что сообщения памятника не выходят за пределы северных районов Сибири. В данном случае, это, вероятно, бассейн реки Туру-гана еще в XVII в. обитала энецкая группа Бай¹⁸.

Полностью свидетельства сочинения носят в большей степени характерный характер, хотя Д.Н. Анучин и его последователи стремились выявить в них действительную этнографическую основу, осо-бенностями бытового уклада коренного населения Зауралья, в искажен-ном виде дошедшие до русского автора, либо интерпретированные им по единичной книжности.

Во второй редакции сказания сообщается о линной самоеди, имеющей склонность к линьке или смене кожи: "Лете месяцъ жи-ли мори, а на суше не живут того ради, занеже тело на них лаетъ. И они тот месяцъ в воде лежат, и на берег не смотрят на". В изложении текста английским путешественником XVI в. Джонсоном, эти люди имеют особый язык и "один месяц в они проводят в море и не выходят на сушу и не живут на ней в течение этого месяца"¹⁹.

В рассказе о линной самоеди исследователи склонны видеть от-ражение как книжных баснословий и самодийских и угровских легенд, так и реальные данные об охотниках за морским зверем²⁰, либо, смешанные с наблюдениями о самих животных (тюленах и т.д.)²¹.

Можно предполагать, что в этом эпизоде, как и в ряде других речь идет не о самодийских группах, у которых зверобойный морск промысел наблюдался крайне редко, а о предшествующем им населении, известном в преданиях ненцев как сиртя (сиирты). Они были ассимилированы пришедшими на Север предками ненцев, энцев и нгасан и оказали существенное влияние на формирование этих этносов. В отличие от самодийцев древнейшие обитатели евразийско-Приполярья не знали оленеводства, а промышляли охотой на морских животных и диких оленей²⁴.

"Иная самоедъ" - "по пуп мохнаты до долу, а от пупа вве как и прочии человеци. А ядь их рыба да мясо. А торг их соболи песцы (вторая редакция: "и пижи", т.е. шкуры молодых оленей. М.Д.), да олени кожи"²⁵. По мнению Д.Н. Анутина, в этом отрывке содержится информация о меховом костюме северных охотников и рыболовов, нижняя часть одежды которых обшивалась длинным мехом²⁶.

Следующий сюжет посвящен "человечам", ежегодно на два месяца уходящим из жизни: "Умирают тако: как которого где застанет в месяцы, той тут и сядет. А у него из носа вода изойдет, как потока, да вмерзнет к земли... Так на всякий год оживают и умирают"²⁷. Вероятно, здесь воплощена вечная для человечества тема смены жизни и смерти, угасания и воскрешении живых творений. в литературе отмечена связь легенды о засыпающей на зиму самоеди ненецким эпосом. В одном из самодийских преданий говорится о ядрах, которые с наступлением холодов обхватывали руками ствол дерева и умирали так до весны²⁸. В то же время еще авторы XVII века обратили внимание на то, что жители Севера в полярную ночь надо укрываться в занесенные снегом жилища и для непосвященных не уходят из жизни на всю зиму²⁹.

Красочными художественными образами отличается рассказ о единственном покинутом "граде" и загадочных обитателях подземного царства: "Вверх той же реки Оби, в той же стране есть иная самоедъ. Ходят по подземелью иной рекой, день на ночь, а ходят с опущенными головами и выходят на озеро. Оно, дей, свет как и у нас над тем озером, стоит, дей, град велик над ним, а посада нет. И коли поидут в граду тому, ино, дей, шум велик слышети в граде том, как и в трех градех. И как приидут в него, ино людей в нем нет, ни ш

никоторого, ни иного чего животна. Толико в всяких дворех ясти и ити много ишего, и товару всякого, како и кому надобе. И что ко-
му надоби, и он положит цену противу того, да возмет, и прочь от-
ойдет. А кто что без цены возмет, и как прочь отъидет, и товар
изгинает у него, и обрящется (оказается. - М.Д.) паки в своем мес-
це. И как прочь отходят к себе, и шум паки слышети, как и в про-
ни градах"³⁰.

Известный нам по арабским источникам и "Повести временных
р." немой торг. видимо, к началу XVI в. превратился в литератур-
ный трофей, обросший книжными и фольклорными мотивами, а также
написанный нравоучительные сентенции о честности и справедливости
"А кто что без цены возмет, и как прочь отъидет, и товар изгинает
нею" .

Помимо литературных ассоциаций³¹, эпизод о чудесном подзем-
ном "Граде" можно сопоставить с распространенными от Белого моря
и Гиппи историческими преданиями самодийцев о сииртя, живущими
под землей и избегающими всяких контактов с человеком³².

Другая сказость, представленная в сочинении "О человечех нез-
ванных", - "без голов, рты у них межи плечми, а очи в грудех".
или "Инерху рты, рот на теляни... А коли едят, и они крошат мясо
и рыбу, да кладут под киверь или под шапку. И как почнет ясти,
они плечими движут вверх и вниз. А немы, не говорят"³³.

Сказания о людях "без голов" и других фантастических существах
перевеликли, как отмечено выше, еще древние писатели. Впос-
ледствии легенды о баснословных народах, населяющих отдаленные
части ойкумены, получат широкое распространение в средневековой
литературе. Так, древнеисландский трактат о великанах, опираясь
на "Этимологию" Исидора, сообщает о циклопах, кинокефалах (песиг-
тиях), агафирсах, гипподах, амазонках и других мифических соз-
наниях, пределния о которых восходят к античной эпохе³⁴. Отелло из
именитой трагедии В. Шекспира, повествуя о превратностях своей
мысли, упоминает "о людях, которых плечи выше головы"³⁵.

Сказочные царства и народы часто локализовались в труднодос-
ступных северо-восточных областях³⁶. В скандинавских сагах, напри-
мер, финны представлялись колдунами и волшебниками, а назование
индика (Белого моря и Ледовитого океана) обычно трактуется как

"Колдовской залив"³⁷.

Сходные фантастические рассказы бытовали не только в Европе и в других частях света. Англичанин Уолтер Рэли, отправив в конце XVI в. на поиски изобилующий золотом призрачной Эльдо, услышал в бассейне реки Ориноко предания о богатырском и "звайпанома", удивительным образом перекликающимися с легендами сибирских самоедах. У этих силачей "головы не выше плеч... за... на плечах, а рты посреди груди и... меж плеч у них рисающие щиты, длинные волосы"³⁸. Сам путешественник уверил достоверности записанных им баснословных историй, поскольку младенец в тех краях подтверждал их правдивость. Во времена экспедиции Христофора Колумба индейцы рассказывали о земле Бахио, жили люди с одним глазом посреди лба и каннибали с собачьими глазами: "захватывая кого-нибудь в плен, они отрубают ему головородные органы и высасывают из жил его кровь"³⁹.

Повествования о "дивых людях" или "дивовищах" имели широкое хождение и на Руси. Вспомним популярную в средние века "Алекрию", описывавшую среди прочих чудовищ безголовых волосатых дедов, одетых в шкуры и питавшихся морской рыбой⁴⁰. Большую известность в русских землях имели списки перевода "Христианской трафии" византийского купца VI в. Космы Индикоплова, сопровождавшиеся лицевыми изображениями баснословных творений⁴¹. "Сказание об Индийском царстве", распространявшееся на Руси с XIII или XIV в., посвящено сказочному краю, в котором обитают "люди нем" также "люди пол лса да пол человека, а иные... в персех (т. груди) - И.Д.) очи и рот, а во иной земли... люди верху рты ки, а иные... люди скоты ноги имъюще. ...А иная... люди песья..."⁴²

О диковинных народах русские книжники охотно писали и до конца XVII в. Так, "Русский хронограф" редакции 1617 г. приводит обширное извлечение из польской хроники о различных фантастических существах, населявших отдаленные земли ("главы у них веши, а тело лягушего зверя" и пр.). В разделе об открытии Америки хронограф сообщает: "Нашли остров диких людей, ходят на ноги у них как лапы, а толь велики, что может весь человек на ню покрытися"⁴³. Об ужасных чудовищах "на восточном море"

также в "Китомографии" 1670 г.: "Человечы... дикия, волосы и ноги кирпичи. Есть еще остров, а в нем человечы песцы главы. Человеческие и страшны зраком"⁴⁴.

В одном из сборников XVII в. рассказывается о разных "чудесах" людей, разбросанных по свету: "...У иных песцы головы, а у иных глаза, а на грудех зубы, а на локтях очи, а иные о двух рогах, а иные по шти рог на главах носять, а у иных по шти и рога у рук и у ног..." При этом античная легендарная традиция синтезировалась с историческими познаниями последующих веков: "Люди именем живут в далних землях Татарских и имеют по одному глазу в руку, и воются с грифы за жемчуг и злато". Ответ, откуда появлялись эти странные существа, автор описания давал в духе канонической богословской литературы: "...Все те люди на вселенную пошли от единаго человека, рекше Адама, и за умножение грехов тако учинилися..."⁴⁵

Другая версия о происхождении "дивовиц", представленная еще "Повести временных лет", восходила к библейским мотивам о Гоге и Гоге или кораническим Иаджуджи и Иаджуджи. Так, в "Казанской орфе" середины 60-х годов XVI в. упоминалось о "сыроядцах", упомянутых А. Македонским за "великия горы"⁴⁶. Позднее в России появились лубочные картинки с изображением "странных и ужасных" из которых "находаша" великий полководец⁴⁷.

Таким образом, мировая мифология и литература при описании иных членностей часто обращались к преданиям о фантастических народах. Это объясняется особенностями сознания человека того периода, убежденного в реальном существовании мистического, колдовского мира, наполненного "чарами" и "кошнями" сверхъестественных духовенных сил⁴⁸. Дань этой традиции, вероятно, отдал и соавтор сказания "О человечех незнаемых в Восточней стране".

При анализе произведения необходимо учитывать и развитое самобытное мифологическое творчество языческого населения северной Европы⁴⁹. К устным рассказам жителей Приуралья и Сибири также воходят многие легендарные этнографические сюжеты в русско-мусульманских и западноевропейских сочинениях⁵⁰. В сказках и эпиках встречаются, например, человекообразные существа головы с глазами и языком или ртом на груди⁵¹.

Название одного из родов тундровых энцев Лодоседа (Тида в буквальном переводе означает "без плеч". Самодийские легенды происхождении Лодоседы рисуют представителей рода как странных и диких, совершающих необычные поступки. Исследователи объясняют эту особенность фольклорного цикла тем, что в нем жених известия о приполярных первопоселенцах, отличных по языку и культуре от пришлых самодийцев⁵². Наличие подобных сюжетов в рассмотренном нами произведении подтверждает предположение, что его составители включили исторические предания жителей Севера о предшественниках под именем сииря.

Сказание "О человеках незнаемых в Восточней стране" существует о знакомстве русских людей с устным народным творчеством и некоторыми обычаями зауральского населения, понимании чеченской и культурной неоднородности обитателей северо-восточных территорий. Сходство природной среды и условий жизни не помогают зафиксировать специфические черты в хозяйстве, материальной и духовной культуре отдельных групп самоедов.

Вместе с тем расширение контактов и накопление информации жителями Сибири в доермаковский период не сопровождалось однозначным изживанием легендарных образов и механическим заполнением "белых пятен". На осмысление нового материала накладывали отпечаток жанровые особенности литературных произведений, господствовавшие религиозно-мировоззренческие стереотипы, многовековые ториографические традиции и сюжеты аборигенного и русского клора.

Югорский дорожник

К рубежу XV-XVI вв. относятся дошедшие до нашего времени называемые дорожники - путеводители по Руси, другим странам, ластиям, включавшие элементы землеописания. Не так давно опубликованный А.И. Плигузовым Пермский дорожник обозначал маршрут Урал, "до йогуличь", через Усть-Ую и Пермь Великую.

"Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби", известный также как Югорский дорожник⁵³, содержится в сочинении австро-дипломата Сигизмунда Герберштейна, который в качестве пос

Сурагского дома дражды, в 1517 и 1526 гг., побывал в России⁴ и обширные "Записки о Московии", впервые опубликованные в 1543, неоднократно переиздавались на основных европейских языках и в течение целого столетия оставались самим популярным на Западе письменением о нашей стране⁵.

По словам Герберштейна, он дословно перевел и вставил в свой путеводитель доставленный ему русский текст дорожника. Происхождение источника, видимо, надо связывать с новгородской торговой корпорацией, прокладывавшей дорогу на Урал в суровых приполярных областях с выходом в Ледовитый океан в обход более удобного и kostного, но подвластного Москве южного пути по Сухоне, Северной Движе и Вичегде⁶.

Ниццале дорожник подробно передает торговый маршрут из центральной части страны в верховья Печоры, к устью р. Щугор. Сведения о местном населении, контакты с которым стали повседневнойностью, в тексте не приводятся.

Послед за тем описываются земли, куда составители путеводителями не проникали, а пользовались устными рассказами, слухами либо индами. На восток от Печоры вплоть до Каменного пояса (волынского хребта) и в районе Пустозерска обитали "разнообразные многочисленные народы, которые называются одним общим именем самими..."⁷. Речь шла об европейских ненцах, в составе которых документы более позднего времени выделяли шесть основных родов⁸. "Эти народы", сообщает далее Йогорский дорожник, - не приходят в Москвию, ибо они дики и избегают сообщества и сожительства с другими людьми"⁹. В этой фразе, пожалуй, довольно точно отражено уже начавшееся представление русских людей о северо-восточных аборигинах: у них чужой европейцам образ жизни ("они дики"), свое общество" и установить с ними полноценное взаимодействие очень трудно.

За Камнем по р. Сосьве, согласно "Указателю пути...", проживали котуличи, а по Оби - vogуличи и югричи (предки современных манси и хантов). "Господа князья югорские", по данным дорожника, имели богатой пушиной местностью в районе Ерома (вероятно, первое поселение на р. Туре, расположенное близ основания горы Камни русского Верхотурья¹⁰) и Тюмени и, "как говорят", платили

дань великому князю московскому¹⁰.

Этими краткими сведениями ограничивается более или менее первый рассказ о коренных обитателях Западной Сибири. Раньше люди познакомились с ними уже давно, периодически собираясь и вели торговые операции, никакими сверхъестественными качествами зауральские жители не обладали и большого интереса средневековых авторов не вызывали. Другое дело - фантастичные народы, о которых не одно столетие живописали иностранные и чественные книжники, и слагались многочисленные фольклорные сказки.

По словам Йгорского дорожника, "на горах за рекой Обью" жит таинственная страна Лукоморье. Там живут необыкновенные люди, которые каждую осень умирают, а весной, "наподобие лягушек", вают вновь. На период зимней спячки они оставляют в определенном месте свои товары для обмена. Однако их торговые партнеры, злодочные грустинцы и серпованцы, не всегда совершают справедливые сделки, в результате чего возникают частые раздоры и войны. Разнообразные изделия приносят в Лукоморье с верховий Оби и "черные люди, не владеющие общепонятной речью", которых обзывают с торговцами-индусами¹². Черными людьми русские исповедники XVI в. называли и податное население Сибирского юрта¹³.

За Лукоморьем обитали еще более удивительные существа: "одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у них собачьи головы, третья совершенно лишена шеи и вместо головы у них грудь или (у других) длинные руки, но без ног". Там же, в реке, водилась рыба "совершенно человеческого вида"¹⁴. В низовьях Оби, в области Обдора, источник помещал Золотую Бабу (Старуху), которая держала двух детей - сына и внука, и издавала постоянный трубный звук.

Сам Герберштейн сильно сомневался в реальности "невероятных и весьма похожих на басню" сообщений путеводителя, хотя "вседовская молва" утверждала правдивость этих сведений¹⁵.

Обратим внимание на сходство ряда сюжетов легендарной чудесной страны Йгорского дорожника и рассказа "О человеке незнаемых в Восточной стране" (о немом торге, умирающих и оживавших людях, о других существах, о людях с лицом на груди и людях-рыбах). И. П. Алешин

иная мысль, что составитель "Указателя пути..." использовал сведения о сибирских самоедах. М. О. Косвен не видел оснований для этого предположения и полагал, что элементы этнографической фантастики в обоих произведениях преимущественно заимствованы из земных трактатов¹⁶.

Начиная уже говорили о том, что предания о диковинных странах и людях широко распространялись у разных народов с глубокой древности. Не чужды они были как русской книжности и фольклору. И народному творчеству коренного населения Урала и Сибири. Помимо, наложение местных легенд на сформированную в ходе длительной инволюции и в результате воздействия различных факторов картину мира человека средневековой Руси и привело к созданию тех явлений обитателей Сибири, той амальгамы реальных впечатлений смысла, что встречена нами на страницах письменных памятников из XV начала XVI в.

Представления о народах Западной Сибири в Российском едином государстве в доермаковский период

В ходе продвижения за Камень русские люди продолжали накапливать информацию о Зауральском населении. Наряду с югрой и самонами в источниках появляются vogуличи, остыки, ряд этнотерриториальных и государственных образований.

Самоедами (самоядью) называли предков современных ненцев, якутов и их союзни, которые в период, предшествующий походу Ермака, и пошли, обитали на обширных просторах тундры, лесотундры и притайги. В европейской части они занимали территорию между Белым Морем и отрогами Урала, проникая иногда и в более западные районы¹. В Сибири ненцы расселялись вплоть до Енисея и левых притоков реки Пасыны - Пуры и Агапы². Кочевья энцев до конца XVII контролировали преимущественно бассейны Турухана, Нижнего и Среднего Тая и низовья Енисея³. Нганасаны как особый этнос сложились во второй половине XVII-начале XVIII в. на полуострове Таймыр⁴.

Ненцы в XVI в. чаще всего называли vogуличами (вогуличами, угуличами). Этимология этого термина обычно связывают с языком и производят от слов "вэгул", "логул", что переводится как

"шикий", "грязный", либо "вогуль", которое в сочетании "лезь гиль" означало человека с косматыми волосами⁵. Они проживали западных отрогах Урала по Чусовой, Косьве, Вишере, Печоре и восточных склонах по Тагилу, Тавде, Сосьве, Лозье, Пелыму, Ко и некоторым другим рекам⁶.

Восточнее манси на пространствах Средней и Нижней Оби от устья до впадения Тыма и Васюгана по Нижнему Иртышу, Демьян Конде, Северной Сосьве и другим местам обитали родственные ханты⁷. Это слово, восходящее к самоназванию локального объединения угров, утвердилось в литературе лишь в советское время. Предков хантов в XVI в. обозначали на Руси как прежним термином "югра", так и новым - "остяки".

Происхождение этнонима "остяк" имеет два распространенных толкования. Первое связывает его с самонименованием однотипных групп в Нижнем Приобье ("ас" - большая река, Обь, "я люди")⁸. Другое - с тюркским словом "уштак", которым называли личные немусульманские народы⁹. В русских документах XVI в. это понятие употреблялось не только по отношению к хантам и к селькупам, кетам и реже - манси, камским башкирам и барабским татарам¹⁰.

Территория, обозначаемая словом "Югра" в XVI в. сужается бассейна Северной Сосьвы, Сыгвы и Ляпина¹¹. Согласно "Книге ошому Чертежу", составленной в 1627 г., на основе более ранних источников, Югра располагалась "по Сысве и по Сосве" между Ишимской Обдорией и "Сибирью"¹².

Таким образом, по мере расширения этногеографических представлений русских людей широкое собирательное понятие "Югра" постепенно уступает место более конкретным этнонимам и топонимам. Однако нет достаточных оснований для утверждения, что уже в документах всегда отличают вогулов от остальной массы (югры)¹³. Близость культуры хантов и манси приводила к тому, что в XVII в. служилые люди иногда не могли определить их этническую принадлежность¹⁴. В более раннее время это сделать было сложнее и не только в силу фрагментарности контактов представителей русских земель с жившими в непосредственном соседстве хантами и манси, но и учитывая позднее окончательное оформление

шкою той, их извимные связи и миграционные процессы¹⁶.

Несколько источники затруднялись четко размежевать зауралье и этими, термин "югра", наряду с "вогулами" и "остяками". Использоваться в отечественных памятниках вплоть до начала XVII в., а в иностранных – и позднее. Так, в дипломатических документах 80-х гг. XVI в. подчеркивалось, что владения великого князя составляют "...Югра, и Кондинский князь, и Печорской князь. Вогуличи и Остяки..."¹⁷ Один из последних случаев применения понятия в практике служебного делопроизводства относится к 1610 году, когда в указе передавалось содержание челобитья Орильских хантов, что "Югорская де земля им подмоги не да-

и в том де им нужа великая..."¹⁸ Слово "югричи" присутствует в приложенной летописи XVII в., однако к моменту создания проявления оно явно вышло из употребления и встречается в тексте "одинадцати"¹⁹ при пересказе царской грамоты Строгановым от 1574 г. об учреждении Югорского наместничества говорилось в указе царя Ивана Грозного, датированного 29 ноября 1681 г.²⁰. К этому времени земли Югры уже почти как столетие были включены в состав великого уезда и других российских административных округов. Недолгим было наместничество, как отметил А. Дмитриев, стало не земельной территориальной единицей, а почетным званием в служебных чинах бояр, окольничих и думских дьяков²¹. В настоящее время Югра приобрел популярность среди хантыйской и мансийской культуры – возник историко-публицистический журнал "Югра", учрежденная ассоциация "Спасение Югры" и т. д.²².

Кроме изванных выше этнических групп, источники XVI в. отмечают по Конде, Пельму и нижнему течению Сосьвы мансийское Печорине, а в бассейне Северной Сосьвы, Сыгвы и Куновата хантыйско-Ляпинское "княжество". В Нижнем Приобье – хантыйские Обдорию (Обдор) и Коду (Куду), по Тазу и Турухану – самодийскую Мангазею. Другие территориально-племенные образования. В 1515 г. Обдорские и Кондинские земли вслед за Югрои были включены в официальный титул великого московского князя²³.

Русские письменные памятники сообщают о существовании в конце XVI в. в Западно-Сибирской равнине не только первобытных,

и государственных формирований. Это объединение татарских племен в междуречье Тавды и Туры, и по Среднему Тоболу с центром Чинге-Туре (Тюмени). Первоначально оно входило в сферу влияния золотой Орды, а затем власть в Тюменском ханстве сосредоточившись у династии Шейбанидов, потомков пятого (младшего) сына Джучи.

"Государь всея Руси" Иван III установил с ними союзнические связи²⁵, в результате чего московские воеводы в 1483 г. следом "мимо Тюмень" и вторглись в соседние татарские, а затем угорские земли²⁶. В дальнейшем ввиду изменения политической ситуации в бирском юрте предпринимались враждебные вторжения "ис Тюмени Пермский край, в ходе которых, например, в 1505 г. "на Каме речков вывели и высекли"²⁷.

Шейбаниды вели ожесточенную борьбу с представителями местной сибирско-татарской знати - тайбугидами (тайбугинами), не связанными с родом Чингисидов. В 1495 г. тайбугин Мамет (Махмет) основал политический союз татарских улусов по нижнему Тоболу, среднему Иртышу, который по имени главной ставки Сибирь (Кал-Искер) стал называться Сибирским ханством. В его состав в начале XVI в. были включены шейбанидская Тюмень, степные районы Башкирии, Прииртышья, Зауралья и Северного Казахстана с тюркоязычным населением и отдельные угорские территории по Иртышу и Оби. Это не прочное политическое образование подвергалось нападения со стороны ногайских и узбекских орд²⁸.

Московское правительство внимательно следило за события на восточных рубежах страны. Однако установлению контактов Русского государства с Сибирским юртом мешало лежавшее на Волге Казанское ханство, попавшее в сферу политического влияния Османской империи. С падением Казани в 1552 г. тайбугинские правители Сабак-братия Едигер и Бекбулат признали вассальную зависимость от ковского великого князя с выплатой ежегодной дани. Они обязались "давати государю со всякого черного человека по соболю, да дару государеву (даруге, царскому представителю. - М.Д.)... по бешеному человеку по сибирской; а черных у себя людей сказали 30 тысяч человек"²⁹. Впрочем, дань из Сибири привозили не регулярно и в полном объеме³⁰.

Ниупричиная нестабильность и внешние давления привели в 15в.¹ к падению государства Тайбугинов. Опираясь на поддержку узбекских и ногайских властителей Сибирским ханством овладел шейбаид Кучум. При нем установившиеся отношения с Россией расстроились, и затем приобрели враждебный характер.

Посточным писателям название местности "Сибирь", лежащей ² на то в среднем течении Иртыша было известно уже во второй половине XIII первой половине XIV в.³¹. В "Сборнике летописей" ("Джами'и тарихийх"), составленном в самом начале XIV в. под руководством Галил ад-дина, упоминаются области Ибира и Сибира³². Секретарь огурчакского правителя ибн Фадлаллах Эломари, по рассказам купцов и участников дипломатических поездок, записал не позднее середины XIV в., что прилегающие к Башкирской земле "страны Сибирская и Чулыманская" являются "сердцем Севера", в отличие от Ибира, расположенной на "окраине Севера"³³. В начале XIV в. о "стране Сибирь" упоминают и европейские источники³⁴.

Русские авторы начали употреблять этот термин только с начала XV в.³⁵ Под 1406 г. Симеоновская летопись сообщает: "Тое же anno царь Шадибок убил царя Тахтамыша в Симбирской земли". Установленный летописный свод уточняет: "...Уби Тактамыша в Сибирской земли близ Тюмени..."³⁶. Речь шла о гибели известного в нашей истории юлдоордынского хана Тохтамыша, которому вскоре после Куминской битвы, в 1382 г., удалось взять и разорить Москву и ряд других городов.

В официальный титул русских государей Сибирь стала включаться в середине XVI в.³⁷. Русские дипломатические документы, пытались закрепить за Москвой право на новые владения, первоначально были по пути перечисления всех крупных этнических, территориально-племенных и государственных образований: "и Сибирская земля ия, и Ирги, и Кондинские Князи Конды большие и Конды меньшие, и Чулыманский Князь, и все Князи Сибирского Государства, и Вогуличи и Онтичи по Оби по великой реке"³⁸. К концу 80-х гг. XVI в. была выработана и более универсальная формула, сохраняющая, слизко, идеи этнотERRиториального разделения Западной Сибири: "Обдорский, Кондинский и вся Сибирские земли и Северные страны Повеличья"³⁹.

О возникновении термина "Сибирь" существует несколько версий. Одни авторы усматривали его родство с русским словом "сев" и доказывали его славянское происхождение⁴⁰. Другие исследователи производят топоним от монгольского "шибир", "шибер", что в переводе означает "лесная чаща", "лесной народ"⁴¹ или "болотистое место"⁴². Третий - от монголо-буддийской легендарной горы Сы или Сумыр, на вершине которой, по преданиям, находилась Полярная звезда⁴³.

Г.Ф. Миллер с большой долей сомнения предполагал, что появление "Сибирь" появилось в России из языка приуральских коми-зы или коми-пермяков⁴⁴. Ряд ученых считают, что термин возник местной западносибирской основе, а не привнесен извне russkими или монголами. Сторонники этой гипотезы связывают возникновение слова с самоназванием одной из этнических групп, населявших сопоставленное Прииртышье с конца I тыс. до н.э. Таким этносом могли быть предки обских угров, носившие имя "сипыр" или "сабир", которое встречается в фольклоре, топонимике и генеалогии хантов-манси⁴⁵.

Таким образом, к широким просторам Северной Азии топоним "Сибирь" стал применяться только после русского продвижения в Урал в конце XVI-XVII в. До этого им обозначали политическое разование и территорию, занимавшие лишь часть Западно-Сибирской равнины, преимущественно в районе нижнего Тобола и среднего Иртыша. Не случайно, в рассмотренном выше сказании конца XV в. "О ловцах незнаемых...", повествующем о самодийском Севере, термин "Сибирь" не встречается, хотя он почти столетие как был известен русским летописцам.

§3. Зарубежные европейские сочинения XIV-XVI вв. об обитателях северо-восточных земель

Конфессиональная принадлежность ранней русской историографии не могла полностью изолировать книжную культуру от внешнего мира в той или иной степени воспринимались исторические сюжеты и античности и европейского средневековья⁴⁶. Уже в "Повести временных лет" использовались хроники Георгия Амартола, Иоанна Мале-

"История Мефодия Патарского" и другие, главным образом, византийские источники.

В дальнейшем связь русской и европейской книжности не прерывалась, получив дополнительный импульс в XVI-XVII вв. в связи с многосторонним преодолением культурной разобщенности Западной и Восточной Европы, становлением издательского дела и другими факторами.¹ И хотя многие значительные зарубежные сочинения, касавшиеся нашей темы, получают известность на Руси с запозданием, их влияние на отечественную историческую мысль многограново и неоднозначно.²

Некоторые из них непосредственно попадали в нашу страну, периодически и включались в космографии, хронографы и другие рукописные, а позднее и печатные сборники. Иностранцы являлись авторами ряда серьезных работ о Московии, без знакомства с которыми трудно было представить образованного человека как на Руси, так и на Западе. Впоследствии произведения древних и средневековых писателей наряду с местными материалами составили фундамент формирующейся русской исторической науки. Это произошло во многом благодаря тому, что в Санкт-Петербургской Академии наук трудилось немало зарубежных ученых, которые перенесли на русскую почву познания, полученные на родине.

Таким образом, рассматривая отечественную историографию коренного населения Сибири, нельзя исключить сведения европейских (и в значительно меньшей степени - восточных) сочинений, поскольку через всевозможные каналы они вливались в русло русской исторической мысли. Да, и сами труды иностранных авторов обaborигенных Северной Азии обычно основывались на сообщениях из нашей страны и в какой-то мере отражали взгляд русских информаторов на описываемые события.

К началу XIII в., а возможно, и более раннему времени относятся первые попытки прояснить актуальную и ныне проблему происхождения и этнической истории финноугорских народов, предпринятые поиски прародины венгров - издьяр. Их предки в конце IX в. приблизились в бассейн Среднего Дуная, о чем сообщала и "Повесть временных лет" ("идоша угри мимо Киев... Пришедшее от єъсгора").³ Согласно хронике Готтона Фрейзингенского, переселенцы были гунами

"ужасными" и "звероподобными". питались сырьм мясом и пили чело веческую кровь⁵.

Получив подтверждение в стариных текстах ("по писаниям древних"), что где-то на востоке по-прежнему остаются "в заблуждении неверия" их соплеменники, венгерские миссионеры в 30-е гг. XIII в., вероятно, трижды совершали поездки для розысков "Великой Венгрии".

По словам одного из путешественников доминиканского монаха Юлиана, достигшего, по всей видимости, южных пределов Среднего Приуралья, он встретил воинственных язычников, родственных по языку венграм. Они вели дикий образ жизни ("как звери"), не возделывали землю, а потребляли конское и волчье мясо, лошадиное мясо и кровь. Эти люди не имели никакого представления о Боге, не почитали и идолов. Они были "богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах"⁶.

От монгольского посланника Юлиан услышал, что "за страной татар" проживали многочисленные великаны с огромными головами. Они стремились вырваться из своей страны для опустошения всех царств и народов⁷. Это предание, несомненно, восходит к уже известному нам сюжету о библейских Гоге и Магоге или кораническим Наджуджи и Маджуджи.

Монах-францисканец Плано Карпини руководил первой европейской миссией, направленной к монголам вскоре после их нашествия Центральную Европу. Со слов завоевателей, он записал сведения о землях мордвинов (мордвы), билеров (булгар), баскарт (башкир), паросситов (финноугорского населения Перми и Вятки)⁸. За областью паросситов обитали самогеды, которые "живут только охотами; платки и платье их также сделаны только из шкур зверей"⁹. Интересно, что это сообщение Карпини сделано в то время, когда в русских летописях после первого упоминания самоедов в "Повести временных лет" этнический термин почти на триста лет вышел из употребления.

В книге путешественника принесена дань и фантастическим представлениям о народах Севера. Согласно повествованию, монголы, которые воины достигли местности "над океаном, где нашли неких чудес", которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голо-

ния была человеческая, а лицо - как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же направлялись к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили¹⁰. М.П. Алексеев был убежден в устных, а не письменных источниках этой легенды и усматривал в ней отзвук китайского «казаний»¹¹.

Бокоря после возвращения Карпини путешествие в Монголию в 1245 г.¹² совершил другой дипломатический посланник Гильом де Рубрук. По его данным, в "северной стране" жили скотоводы киргизы, догонявшие на костяных лыжах птиц и зверей, оренгай и другие бедные народы¹³. Керкисов в литературе обычно отождествляют с финно-угорскими киргызами, а оренгаев - с забайкальскими лесными уральцами¹⁴. О чудовищных людях Северной Азии, известных путешественнику из сочинений римского писателя Солина и испанского Диодора, оно информаторы-монголы ничего не знали, и Рубрук выскакивал изображение и реальному существованию этих персонажей¹⁵.

Известный итальянский путешественник Марко Поло отправился в Монголию и Китай в 1271 г. и много лет находился на службе у императора хана Хубилая. По возвращению он сообщил об умелых кузнечиках, промышлявших, возможно, на территории Западной Сибири. Известны такого "снаряда, который промаха не даёт"¹⁶. От "великих влады" обитатели этих мест проживали в землянках, хотя сооружали и настоящие постройки¹⁷.

Говорится располагалась "темная страна" (буквально: "область, которая направлена Тьмой"). По словам Марко Поло, ее насыльники никогда не подавляются, у них нет царя, и живут они "как звери", добывая одни ценную пушину в "удивительно" большом количестве¹⁸.

К началу XIV в. относится одно из ранних европейских упоминаний о Сибири (Sibir). В письме венгра-францисканца Иоганки, по миссионерской целью в Баскардии (Башкирии) говорится: «Встречено о послом из "страны Сибирь, которая окружена Северным морем". По сведениям католического монаха, в этой местности из-за сурового мороза и обильных снегопадов возможно передвижение только в индивидуальных упряжках. Жители Сибири снимают с умершего человека волни и колу с лица и почитают эти реликвии "как домашнего ба-

га". Однако они верят и в силу христианского божества, призывают в случае необходимости к себе на помощь¹⁸.

В сообщении миссионера, вероятно, переплетены рассказы о селении лесостепной полосы Западной Сибири, где в районе нижнего течения Тобола и Иртыша помещались земли Сибирского юрта, со схами о северных территориях и данными о коренных обитателях Ула, признававших распространявшиеся христианские верования наряду с языческими культурами.

О "стране Сибирь" рассказывает в начале XV в. и пленный варский солдат Иоганн Шильтбергер, более тридцати лет скитавшийся по просторам Великой Тартарии. По его описанию, не отличающей конкретностью и достоверностью, в Сибири жили кочевые дикие люди, обросшие волосяным покровом и питавшиеся собаками, листьями, зерном и "всем, чем придется". В качестве транспортных животных использовались собаки, которых летом запрягали в повозки, а зимой — в сани. За территорией Сибири, по убеждению Шильтбергера, располагалась безлюдная местность, простирающаяся до окраин небес: "...Никто не может... пройти через эту пустыню или житней, по причине (водящихся там) диких зверей и гадов"¹⁹.

1418 годом датируется сообщение "Хроники Констанцского сената" Ульриха Рихенталя о жителях лежащей за "Русью" области "Улугой старухи": "Они поклоняются Золотой старой бабе... И внебыт среди себя господина и их занятия — соболь, птица и мясо". Известие, по заключению Д. К. Бегунова, было получено автором хроники от участников русского посольства в Констанце и относилось к территории Северного и Среднего Приуралья²⁰.

От первых сведений европейских путешественников и писателей о населении Урала и Сибири обратимся к "Трактату о двух Сарматах" профессора Krakowskого университета, доктора медицины Михаила Меховского (1457-1523). Автор этой историко-географической работы в России никогда не был, однако его небольшое сочинение, впервые опубликованное в 1517 г., сыграло важную роль в пересмотре традиционных взглядов на северо-восточные земли и народы и приобрело широкую известность²¹.

Меховский поставил перед собой задачу критически пересмотреть противоречивые и неправдоподобные известия предшественников.

историков и географов о Северной Евразии, а также писания современных ему "очковтирателей". В их произведениях, по его словам, "тое Тамо, как в полночь", встречаются подробности, "как будто виданные во сне", прямые домыслы и "никуда негодные басни"²².

По заключению польского автора, в отдаленных областях нет многоглазых, двуглавых, псоглавых и прочих чудовищ, а обитают "люди, или подобные, но живут редко, разрозненно, на расстоянии друг от друга и в малом числе". Меховский отвергает рассказы писателей о том, что на севере лежат благодатные земли с умеренным климатом. Где люди здравствуют в мире и согласии, долго и счастливо, питаясь изумительной на вкус амброзией. При "проверке на опыте" оказывается, что приполярные страны страдают под бременем сильнейших морозов, а "жители Югры еще совершенно лесные звери и ведут малую жизнь в том холодном краю"²³.

Подчёркивая с утверждением о существовании на северо-востоке "Фабричного" края, краковский профессор напротив подчёркивает "дикий и звероподобный" характер материальной и духовной культуры жителей этих мест. Они не возделяют полей, не имеют четырехгодичной смены и денег, не употребляют хлеба и вина, а ведут примитивный образ жизни в шалашах и землянках, одеваются в шкуры животных, питаются рыбой и дичью, а пьют только воду. Не отличаясь языком, они "коснут в язычестве и идолопоклонстве", хотя преуспели в рыбной ловле и охоте, промысле морских животных и изготовлении кожаных изделий²⁴.

Меховский опровергал еще одну традиционную легенду о наличии за Скифия и Сарматией богатых золотых и серебряных рудников, за которую вели борьбу различные мифические существа. Вопреки древним авторам, он утверждал что грифы никогда не встречались ни в Уралье, ни в других частях света, а жителям Югры и соседних областей известны залежи драгоценных металлов²⁵.

Автор трактата подверг критике "выдумки и невежественное болваноплоние" о "блаженной обители" на северо-востоке, где в действительности население влачило "жалкий" способ существования в суровой климатической среде. Именно природно-географические факторы определили, по его мнению, уровень жизниaborигенов Урала и Финири: "...Леса, покрывающие эти страны, сделали людей дикими и

звероподобными". Сыграло свою роль и различие в религиозных ве-
ваниях. В результате дунайские венгры-христиане "более культу-
и во всех отношениях более богаты", чем "идолопоклонники и ди-
ри" в Югре. Что касается других северных народов, как, наприм
преуспевших в цивилизации скандинавов, то польский автор не с-
тал их происхождение позорным: "Трудно... отрицать то, что соз-
но природой и нельзя противиться мировому порядку"²⁶.

Таким образом, легендарным преданиям о загадочных обитателе
окраины ойкумены Матвей Меховский противопоставил более реал-
тичную позицию всесторонне образованного человека эпохи Ренесс-
са. Он провозгласил "повседневный опыт" и здравый смысл критер-
ии признания подлинности историко-географических взорваний. Од-
ко в полном согласии со своим веком он еще не был свободен от-
ры в злых духов и демонических призраков, набрасывавшихся на ч-
ников в северных странах, а также от убеждения в заведомой неп-
оценнности и дикости язычников по сравнению с христианами.

Зарубежные европейские писатели и картографы XV-XVI вв.
сировали на территории Западной Сибири ряд этнических групп,
территориально-племенных и государственных образований, не выхо-
дя как правило, за пределы представлений русских летописей. Это-
ра, самоеды, vogуличи, татары, калмыки, Обдория, Кондория, Ма-
зяя, Сибирь, Тюмень²⁷.

Характерной чертой коренного населения Зауралья считалась
языческая вера и общая отсталость. Все они "дикие и боязливые"
"совершенные варвары", коснеют в язычестве и идолопоклонстве,
шены "всякой культуры [и] образования"²⁸. Однако огромный и
очень плохо известный аборигенный мир северо-восточных окраин
си все же не представлялся европейцам единым и безлиским массивом.
По мнению М. Меховского, жители Югры разнятся от обитателей
седних территорий своим "языком и наречием"²⁹. Другие авторы
очень определенно, но уверенно указывают на "свой особый я-
зык" или иной группы автохтонов³⁰.

На страницах иностранных произведений даже после критиче-
ских работ М. Меховского и С. Герберштейна присутствовали фантастич-
ные сюжеты о сибирских народах. Итальянский путешественник Ри-
чард Барберини, посетивший в середине XVI в. Москву, записал у

енний, по его словам, от разных лиц (хотя, возможно, просто за него вымышленный у Герберштейна) рассказ о лукоморах, которые так фантастичны, что на полгода погружаются в глубокий сон, о лягах рыбах и чудоищах со звериной головой и глазами на лбу³¹. Альвардо Гаванини в компилятивном "Описании Европейской Сарматии" 1578 года повествует о выплачивающих дань Московскому князю чудоищах, серпоновцах, лукоморцах, а также передает легенды об обитавших в подземных пещерах людях-великанах со звериной щетиной и обрубленными головами³². Неизвестный венецианский путешественник середины XVI в. был убежден, что за пределами Руси водились пигмы — покрытие чешуей люди-рыбы, издающие вместо членораздельной речи гогот и наводящие ужас своим свирепым видом и странным мяча-нико стрипами (серпоновцы)³³. Античные гипербореи, живущие за Арктическими владениями Московии, фигурируют в сочинении итальянского инженера XVI в. Франческо Тьеполо³⁴.

Именно из Бергамо даже подвел теоретическое обоснование под существование на земле диковинного населения: "Что не античные или казаться нелепым: как в каждом отдельном народе бывают люди чудоищи (уроды), так и в целом роде людском бывают чудоищами народы"³⁵.

В западноевропейской литературе поднимался вопрос о генетической близости обских угров и дунайских венгров-мадьяр³⁶. И Медициний, отвергнувший многие традиционные взгляды, поддержал иронию Юлия о родстве югров, гуннов и венгров. По его заключению, унгары (венги) — это не кто иные, как вышедшие с "северного края Гиппин" племя, и у них до сих пор "один и тот же язык, та же речь, то же пение... произношение"³⁷.

Герберштейн пытался практическим путем подтвердить версию о родстве языка Зауральских угров с венгерским, однако ему не удалось осуществить свой замысел. Сказалась известная замкнутость финно-угорских обществ Северо-Западной Сибири. Подолгу живя в Москве вплоть до широкими связями, он не смог познакомиться ни с одним представителем этих народов³⁸.

Мирочин, Герберштейна и других авторов волновала не столько научная проблема этногенетического родства угров, сколько политическая коллизия вокруг судьбы венгерского королевства, обострив-

шияся ввиду ослабления страны во второй четверти XVI в. и территориальных претензий Османской державы и ряда европейских держав. По словам Герберштейна, московиты похваляются бывшими завоевательными походами югры во главе с Аттилой. "так как подданные некогда опустошили большую часть Европы". Дипломат сался, что Москва заявит свои права не только на владения дуки Паннонии (Венгрии), но и Моравии и Польши, будто бы тоже падавшие в зависимость от югры³⁹.

Нас не должно удивлять внимание политиков к событиям такого прошлого. Для утверждения государственного престижа, решения наследственных и территориальных споров в средние века огромное значение придавали традиционным нормам, историческим прецедентам и первородству. Достаточно вспомнить "Сказание о гнездах Великих" и "Послание о Мономаховом венце", декларировавших ко-византийское происхождение русских царей, или теорию союза-Москва", связывавшую московитов с внуком библейского Иосифа⁴⁰.

Вопрос о происхождении самих аборигенов Сибири для европейцев, как и отечественных, авторов XV-XVI вв. оставался совершенно неясным. Античные и раннесредневековые версии их, как правило, уже не устраивали, а новые трактовки еще не были выработаны. Миховский, правда, отмечал, что в отличие от югры "страшный тарский народ" является населением "новым", прившим с восходом в Азиатской Сарматии не искони, как утверждали некои "очковтиратели", а триста или немного более лет⁴¹.

Самые общие сведения мы находим у иностранных писателей занятиях и материальной культуре коренного населения Урала и Сибири. Как и ранее, их завораживало пушное изобилие края⁴². Так в "Книге о московском посольстве" (1525 г.) римского историка Джевио (Иовия Новокомского) жители северо-восточных окраин предстают, со слов русского толмача Дм. Герасимова, как преданные владельцам несметных пушных богатств, которые в прошлые времена выплачивали за железный топор столько соболиных шкур, сколько могли протащить через его отверстие⁴³. Участник чрезвычайного посольства в Москву 1576 г. Даниил Принц на основании сведений полученных от "многих достойных веры людей", заключает, что

тии Перми, Устьюзии (район Великого Устюга) и Сибири занимаются исключительно охотой с помощью метательных копий и "в этом испытании так опытны, что очень редко промахнутся на расстояние более одного носа"⁴⁴. Согласно известиям немца-опричника Г. Штадевера в Вологде были построены специальные каменные палаты для хранения драгоценных металлов и шкурок соболей, полученных "от самоди и из Сибири"⁴⁵.

Данные о поселениях и жилищах жителей Зауралья у западноевропейских письоров фрагментарны и однотипны. Обычно подчеркивался одинаковый образ жизни коренного населения - "нет у них домов или постоянных жилищ, но всегда разъезжают кругом в санях, по снегам лесам, промышляя звериною ловлею" (Р. Барберини)⁴⁶. При этом не отмечено наличие двух типов построек: наземных - "живут они на санях, в шалаши, сделанных из ветвей" (М. Меховский)⁴⁷, ни же им не имеют [над собою] ни крыш, ни каких-либо иных жилищ, кроме саней и особых лачуг" (Франческо Да-Колло)⁴⁸. "у них нет дома и только палатки из оленевых шкур, которые они подпирают бревнами и шестами" (С. Бэрроу)⁴⁹, "жизнь проводят в палатках" (А. Фиришин)⁵⁰, и землянок - "ведут жалкую жизнь в лесах и подземельях" (М. Меховский)⁵¹.

Именно оседлость, по представлениям европейцев, существенным образом отличила цивилизованные западные страны от полукочевых народов Сибири, азиатских и юнорусских степей. У последних, по словам английского мореплавателя середины XVI в. Ричарда Джонсона, сильным ругательством считалось: "Я хотел, чтобы ты только долго оставался на месте, что мог бы нюхать свои собственные испражнения, как это делают христиане"⁵².

Для передвижения сибирские автохтоны, по свидетельству зарубежных письоров, использовали оленей и собак, питались "рыбой и мясом" (М. Меховский)⁵³, мясом зверей, змеями и червями (А. Дженнингс)⁵⁴, рыбой, животными и людьми в сыром виде (неизвестный китайский автор)⁵⁵, а одевались исключительно в шкуры диких зверей. Граф. Барберини, встречавшийся в Москве со "звероловами" "народами Сибирских Татар", оставил описание их одежды. Это меховые тулузы, шапки, "камзолы и исподнее платье" из оленевых шкур с лягушими рукавами, но отверстием для рук в нижней части наряда.

вв. мало что могли добавить к заключению путешественников прошествующего времени о том, что жители Севера живут "без царей", отдельных высказываниях европейских писателей содержатся, вероятно, отголоски античной идеализации первобытных народов. Так итальянский гуманист Помпоний Лет. посетивший в 70-х годах XV века области Русского государства, писал, что народ Югры "очень счастлив, хотя и терпит сильные морозы"⁵⁷. Другой итальянец Франческо Да-Колло, побывавший в Москве в 1518-1519 гг., отмечая "Свою жизнь они считают блаженной и находят, что лучше ее быть не может"⁵⁸.

Несколько более подробны известия западных путешественников и писателей о религиозных верованиях обитателей северо-восточных земель. Духами-покровителями, согласно повествованию, были и полнены различные местности и предметы, небесные и земные стихии. Аборигены поклонялись "первой попавшейся вещи" (А. Контарини) "солнцу, луне, звездам, лесным зверям и чему попадется (М. Меховский)⁵⁹, "солнцу, Венере, лесам и змеям, как святыням" (Да-Колло)⁶⁰, "солнцу или красному лоскуту, подвешенному на шею (А. Джэнкинсон)⁶¹.

Английский мореплаватель Сти芬 Бэрроу, достигший в 1556 году Новой Зеили, осмотрел жертвенные места ненцев на острове Вайгач. "Число... самоедских идолов... было более 300... У многих из них глаза и рты были вымазаны кровью, они имели грубо сделанный облик мужчин, женщин и детей... Некоторые из их идолов были не иным, как старыми кольями с двумя, тремя нарезами, сделанными юношами". Спутник Бэрроу Ричард Джонсон описал "дьявольские обычия печенежских ненцев, включая подробное изложение ритуала шаманской камлания"⁶².

Большую популярность на Западе приобрели рассказы о Золотой бабе, обраставшие новыми красочными подробностями. Даже боровшийся с "баснословием" М. Меховский, опираясь на материалы "старейшего историка", счел возможным поведать об идоле "Золотая старуха". По его словам, это божество "весьма чтут" и подносят ему различные приношения живущие где-то за Вяткой язычники: "Если нет личного дара, то бросают перед идолом звериную шкуру или хоть пояс, вытянутый из одежды, и, склонившись с почтением, идут да-

С Герберштейн, передавая сообщение Югорского дорожника о золотой бабе, отнес его к числу не внушающих доверия⁶⁶. Тем не less в низменных Оби, в Обдории многие географические карты XVI века показывают рисунки этого мифического изваяния⁶⁷. На ранних экземплярах изображалась одиночная фигура женщины с жезлом и (или) пеником в руках. Позднее появляется сложная композиция, включавшая фантастичный, часто далекий от суровых сибирских условий пейзаж с группой туземцев, поклоняющихся своей богине в богатой длинной ходе. В надписи на карте России А. Дженкинсона (1562 г.) говорится "Златы баба, то есть золотая старуха, свято почитается жителями обдории и Югории. Жрец спрашивает у этого идола совета, и им делать, или куда переселиться, и чудно сказать: сам идол дает предварительные ответы вопрошающим и следует верное исполнение".

Но не должно удивлять довольно большое число известий о северо-восточных областях в произведениях западных авторов XI-XIV, а особенно XV-XVI вв. Порвав раньше Руси с замкнутостью средневекового общества, вступив на путь великих географических приключений и восприняв идеи Возрождения, европейские писатели, дипломаты, путешественники проявляли большой интерес к Северной Азии и Индии, морскому пути в Ледовитом океане, природным богатствам находившимся новых территорий. Однако в силу ограниченных возможностей прямого знакомства с зауральскими землями европейская историография нередко попадала в зависимость от слухов и домыслов своих покровителей. Следует иметь в виду, что московские власти пытались ограничить сбор сведений и проникновение зарубежных конкурентов за Камень.

Заметное влияние на западноевропейских книжников имели традиции, в том числе античные представления об окраинах ойкумены. Большое внимание при описании промысловых навыков, бытового дела и религиозных верований аборигенов уделялось экзотическим фантастичным, подчас не лишенным фантастической окраски. Вместе с тем и в Европе развитие социально-экономической и общественной жизни, распространение новой гуманистической идеологии способствовало постепенному отказу от прежних стереотипов и выработке новых идей, основанных на реальных фактах и наблюдениях.

Глава II

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ С КОНЦА XVI В. ДО 70-Х ГОДОВ XVII В.

После похода во владения Кучума казачьей дружины Ери первой половине 80-х годов XVI в.. последующих действий польственных войск, строительства в Зауралье постоянных ру укрепленных поселений начинается совершенно новый период в о нии и исследовании Сибири. На смену эпизодическим контактам ходят долговременные разносторонние, хотя и не всегда бес ликтные отношения пришлого населения и аборигенов.

В 1586 г. трехсотенный отряд ратных людей под командов В. Сукина и И. Мясного поставил на месте старого татарскогокрепления Чимги-Туры русскую крепость Тюмень. В следующем год далеко от бывшей ханской ставки - Кашлыка (Искера) письменны лова Данило Чулков заложил будущую столицу Сибири - город больск.

С разгромом в 1593 г. Пельмского и Кондинского "княже основанием Пельма, Березова (1593 г.), Сургута (1594 г.), об ка (1595 г.) ясаком было обложено угорское население Средн Нижней Оби, а также окрестные самодийцы. Племенное объеди селькупов, известное в источниках под названием "Легой орды главе с враждебно настроенным "князцом" Воней уступает ру воеводам после строительства в 1596 г. в их землях Нарым острога.

Окончательному закреплению за Россией татарских улусо юге Западно-Сибирской равнины способствовало сооружение в 15 на Иртыше Тарской крепости, которая становится опорным пунк борьбе с бывшим сибирским "салтаном" Кучумом и другими ста воинственными соседями¹.

В области расселения энцев, на реке Таз, в 1601 г. был кончено возведение города Мангазеи, сыгравшего заметную роль в продвижении северным путем в глубь "златокипящей" пушиной точной Сибири.

Обивение южной дороги на восток способствовало строительство
именинин на реке Кети, а затем и города Томска. В начале XVII
предование отряды русских людей вышли на Енисей. В 1619 г. был
запущен Енисейский острог, который на долгие годы становится важ-
нейшей российской колонизацией в Северной Азии.

В первые десятилетия XVII в. служилые и промышленные люди по
имени и Подкаменской Тунгуске и Ангаре продвигались "встречь
мины" по посточносибирской тайге, заселенной тунгусами-эвенка-
ми и баскайне средней Лены с нижним Алданом и Вильям - тюркоя-
нами и якутами. К 30-м годам как северным путем из Мангазеи, так
именно из Енисейска землепроходцы проникли на "великую реку" Ле-
ну. В 1622 г. енисейским казачьим сотником П. Бекетовым в центре
якутской земли был поставлен острог, который несколько раз менял
 свое расположение и со временем получил название Якутска.

В 40-х годах русские отряды по Лене спустились к Ледовитому
океану и морским путем достигли бассейнов Яны, Индигирки, Алазеи
и Колымы, заселенные юкагирами и якутами. В 1638-1639 гг. группа
людей во главе с Ив. Москвитиным по Алдану, Мае и Улье впервые
попали в Тихому океану, встретившись с эвенами-«ламутами» Охотско-
го побережья. В 40-х годах служилые люди добрались до территорий
коряков и чукчей, а от них узнали о «зубатых» жителях
стрибов - вакимосах, носивших в нижней губе украшения. В 1648 г.
Ложнев и Ф. Алексеев (Попов) обогнули северо-восточную
часть Азиатского материка².

Присоединение южных областей Сибири осложнялось сопротивле-
нием части местных этнотERRиториальных и политических объединений
противодействием правителей Монголии и Цинского Китая. Тем не
менее по строительством в 1618 г. Кузнецкого и 1628 г. Красноярс-
кого острогов удалось стабилизировать границу в районе Саяно-Ал-
таинских предгорий, а в результате серии дипломатических и военных
войн и военных завершить в основном покорение Бурятии.

В 1643-1646 гг. экспедицией Вас. Пояркова были исследованы
Колымы и Приамурье (Даурию), населенные оседлыми земледельческими
и скотоводческими даурами и дочерями, говорившими на маньчжурском
языке. Несмотря на устья Уссури жили охотники и рыболовы натки, которых
в начале XVII в. русские стали относить к дочерям, а в низовьях

Амура, у моря - гиляки. Натки, как и дючеры, считаются пре современных нанайцев, а гиляки - нивхов и ульчей³. В начале годов плодородные области Приамурья в результате походов Е Хабарова стали закрепляться за Россией, вызвав большой русской колонизации. В свою очередь щинские власти с целью решения земледельческой культуры организовали увод дауров и до с насиженных мест, а по условиям Нерчинского договора 1689 российские владения в Приамурье были ограничены верхними при ми реки⁴.

Одновременно с присоединением новых территорий создав разветвленная и весьма эффективная транспортная сеть, соединя сухопутными и водными путями Европейскую Россию с Западной и точной Сибирью⁵.

При сравнении этнографической карты Сибири XVII в. с о менной прежде всего заметно резкое увеличение русского (востославянского) населения, разместившегося почти сплошным мас в южной полосе региона, по бассейнам крупных рек и побе Японского и Охотского морей. Часть коренных этносов этой растворилась в русской среде или вошла в состав более кра аборигенных сообществ, другая уменьшила область своего обит третья мигрировала в другие края⁶. К последней группе отно насильтвенное переселение амурских дауров и дючеров в 50- XVII в. в глубь Маньчжурии и енисейских кыргызов и телеутов гарами в 1703 г. в верховья Иртыша⁷.

Среди других изменений отметим территориальное распросп ние якутов, освоивших тунгусские и юкагирские земли в басе Вияя. Яны, Индигирки и других местах Восточной Сибири впле побережий Тихого и Северного Ледовитого океанов. Соответств сократился ареал обитания эвенков, эвенов и юкагиров. В З калье и Прибайкалье произошло обурячивание части эвенкийск тувинского населения. На Саянах и в верховьях Енисея вместо дийских и кетоязычных групп стали преобладать тюркоязычные ды.

Под воздействием коми-зырян и русских из Прикамья и ралья манси продвинулись в сосьвинско-ляпинский район и места левобережной Оби. В свою очередь ханты расселились да

ири и Сибирь востоку, вызвав миграцию в этих же направлениях народов и others. Селькупы под давлением хантов и русских из бассейна Малой Читыично перешли в верховья Таза и Турухана⁶.

|| I Сибирские аборигены в документальных памятниках

Обзор источников

С при присоединением к Российской державе "сибирской окраины" они большой массив документальных источников, исходящих как от центральной и местной администрации, так и непосредственно от сибиряков-проходчиков и представителей коренных народов. Эти материалы, по определению В.Г. Мирзоева, фундаментом всего античного мнения о Сибири¹, характеризуют общие мотивы, цели и в то же удивительной политики московского правительства на восток и определяют разнообразную конкретную информацию о вновь "пронесенных" территориях. Документы включают комплекс сведений, предназначенных прежде всего для практического использования в колонизации и освоения зауральскими землями. Это данные о существующих и новых путях сообщения, пушных богатствах, месторождениях полезных ископаемых, трудностях и перспективах дальнейшего проникновения и закрепления за Россией новых областей².

Невидимой частью формировавшейся информационной базы становились сведения о местных жителях. Необходимость таких свидетельств очевидна, во первых, тем, что сибирские просторы были уже давно заселены коренными народами и требовалось установить с ними регулярные нормы взаимоотношений. Во-вторых, в числе главной задачи на востоке московские власти выдвигали регулярный сбор налога, что также заставляло казачьи отряды, а затем и сибирскую администрацию вступать в непосредственный контакт с аборигенами и собираять о них нужные материалы. Наконец, само проникновение, в том более обживание незнакомых, труднодоступных территорий в суровых природно-климатических условиях было невозможно безействия коренных обитателей края, которые как знатоки своего "района" ("памятные бывальцы") выступали проводниками ("вожаками") или переводчиками ("толмачами"), привлекались в качест-

ве заложников ("аманатов"), несли ямскую ("извозную") повинн участвовали в строительстве дорог, мостов и крепостей ("горо деле") и выполняли много других обязанностей³.

Документальные источники, содержащие сведения о коренных родах, подразделяются на несколько групп. Среди них назовем "казы" или "наказные памяти". Это письменные предписания, ко выдавались царским правительством руководителям сибирской инструкции. Последние в свою очередь снабжали ими служилых л направлявшихся с целью "прииска новых земель", ясачного сбор выполнения других заданий⁴.

Наказы очень важны для изучения российской политики в роазиатском регионе, выяснения официальной позиции по отношению автохтонным жителям, которая в условиях централизованного государства оказывала большое влияние на формирование этнич представлений широких кругов русского общества. Кроме того, писания нередко включали выписки из других документов, выш из сибирской среды и содержавших данные о местном населении..

Московскую администрацию на первых порах интересовало в первую очередь сам факт наличия потенциальных платильщиков ясака, ихчество и перспективы обложения пушной податью. По мере того что контакты с аборигенами расширялись, а российское подданство распространялось на все новые народы, взаимоотношения с которым вписывались в единую схему, инструкции стали требовать сбор более разносторонней информации.

Наибольший интерес для рассматриваемой темы предоставило свидетельства самих землепроходцев, отправлявшихся в "невидимые земли" и вступавших во взаимоотношения с местными жителями. Письменные или устные донесения о результатах экспедиций, ко оформлялись в виде "отписок", "скасок", "доездов" и "распречей"⁵. Запись сообщений участников походов обычно производилась в сибирских городах в съезжих или приказных избах, а на важные материалы направлялись в Москву в Казанский дворец, 1637 г. - в Сибирский приказ. Опросы и отчеты начальников первых партий содержат показания не только русских, но и представителей аборигенных народов. В особых случаях служилые люди давали о географических открытиях непосредственно в столице.

Каждый документ оригинален, в нем отражены перипетии конкретного похода, трудности и неудачи, достижения и открытия. Изложено неиссякаемо от предшествующего опыта и широты кругозора землемеров, поисковых жизненных установок и индивидуальных приоритетов. Вместе с тем это не описание путешествия и не научно-исследовательская работа, а служебное донесение, построенное в соответствии с инструкциями и наставлениями властей. Отсюда изначальная специфичность сведений о местных жителях и то исключительное внимание, которое авторы записок уделяли теме ясачного обложения. Но мира того, как в наказах расширялся круг подлежавших вымоганию, вопросы этнографические материалы в отчетах экспедиций становятся более обстоятельными и разнообразными.

Таким образом, в отписках, "скасках" и распросных речах неформативные впечатления участников сибирской экспедиции, "народная география" тесно переплетены с официальным подходом, с выполнением распоряжений властных структур и соблюдением государственных интересов, как их понимали представители служилого сословия.

В какой то степени к запискам землепроходцев близки донесения первых российских дипломатических миссий в Китай и государства Центральной Азии - державу Алтын-ханов и Ойратское ханство (Унгарии)¹. Наряду с описанием других стран в них встречаются сведения о порубежных народах, попавших в сферу интересов России в результате последствий в ее состав. Среди этой группы документов наибольшую известность получили "Роспись" путешествия 1618 гг. в Китай томского казака Ив. Петлина и статейный книжник попольства 1654-1658 гг. в Пекин Ф.И. Байкова². Кроме того, характеризуются распросные речи участников других дипломатических миссий, формировавшихся, как правило, в сибирских городах местных служилых людей, которым такие поручения были "за обиход".

Свирепой голос непосредственных свидетелей первоначального освоения Северной Азии, причем как с российской, так и сaborигенской стороны, содержит многочисленные "челобитные" - прошения в начальные инстанции представителей различных сословий сибирско-аборигенов.

Случившимся люди, ходатайствуя о жалованье за службу, сообщали

о лишениях, которые им пришлось испытать во время походов стычках с местными жителями при попытке собрать "государев" усмирении "иноземцев" и других событиях, связанных с отношением пришлого и коренного населения. По оценке Н.Н. Оглоблина, "лобитных слышится несомненный голос народа - более действительный и жизненный, чем в разного рода "сказаниях", "повестях" и произведениях келейного творчества XVII в."¹⁰.

В прошениях автохтонов, носявших, как правило, "мирский" т.е. коллективный характер, чаще всего содержатся жалобы на теснения местной администрации или ясачных сборщиков, на обниение и невозможность выплатить ясак в срок и полном объеме. Лобитных отражены также споры из-за угодий между самими аборигенами и между ними и русскими переселенцами.

Следует, конечно, учитывать, что прошения и жалобы отличаются субъективным подходом, передают взгляд на проблему лишь с одной стороны и требуют критического анализа, на чем в свое время бенно настаивал П.Н. Буцинский¹¹.

Серия документов связана с регулированием отношений, в кавших в ходе учета коренных жителей и сбора ясачных податей так называемые "именные" и "переписные" книги, содержащие сведения о плательщиках ясака, "приходные" ("приимочные", "сборные", "оные") ведомости, фиксировавшие общее количество податного национального и собранной "мягкой рухляди" по административным окружам ясачные "сметы" и "пометы", в которых подводились результаты ясачного сбора за год и делались прогнозы на будущее. Наконец, зорные" и "доимочные" книги, "росписи" "выбыльных" и "прибыльных", ясачные "доезды" и "сыски" отражали результаты проверки плательщиков ясака и его поступления в казну. Содержали материалы расследований о причинах недоимок и выявленных злоупотреблениях¹².

Показания служилых людей ложились в основу чертежей и графических росписей, составленных в сибирских городах и островах. Наряду со сведениями о путях сообщения и природных объектах, росписи включают некоторые данные о численности, этнической и родо-племенной принадлежности и хозяйстве местного населения¹³.

Впоследствии на основе этих материалов складывались ч

ио винчи отдельных воеводств, а затем и всей Сибири, также со-
хранение отдельные сведения о народах. В 1627 г. в Разрядном
регистре была составлена "Книга Большому Чертежу", которая зафиксировала географическую изученность страны к началу XVII в.¹⁴. В
регистре Усы и Оби в ней обозначена "самоядь кочевая", а по Тай-
шту и Мангасе - "самоядь пяки", которую считают одним из родов
самоедов лесных ненцев¹⁵. Кроме того, в источнике упомянуты Пе-
мь и р. Сибирь, обдорские, югорские и другие "города" Зау-
мы¹⁶.

В 1607 г. при тобольском воеводе Петре Годунове подготовили
чертёж "исел Сибири" ("годуновский"), который Ф. А. Шибанов
считал прототипом этнографической карты Сибири¹⁷. Он содержит на-
именования ряда этнических групп и политических объединений на
западе и юго-востоке страны: "чормы", "самоядь", "саянцы",
"мангасы", "мугалы", "урлоховы" (одно из подразделений калмыков)
и др.¹⁸

Среди сходных картографических сочинений XVII в. назовем
Регистр сибирским городам и острогам¹⁹, датируемую исследовате-
лем 1633 г.²⁰, "Росписание рек..." Восточной Сибири 1640-1641
г.²¹, "Роспись сибирских земель городом и острогом и слобо-
дами" 1667 г.²² и составленную на ее основе географическое описание
под названием "Чертеж всей Сибири, збиранный в Тоболь-
ю" 1688 г.²³

В дальнейшем многолетний опыт картографирования будет ис-
пользован при создании первого собственно этнографического черте-
жа Сибири 1673 г., "Хорографической" и "Чертежной" книг С. У. Рев-
енева и других трудов, рассмотрение которых выходит за хроноло-
гические рамки нашей темы.

Занятия и материальная культура

Интерес русских служилых людей к занятиям и материальной
культуре коренных народов был связан прежде всего с выполнением
исторической программы колонизации нового края. Основное внимание
расходилось пушному промыслуaborигенов, добыванию и обработке полез-
ных ископаемых, распространению земледелия и скотоводства и перс-

пективам торгового обмена с местным населением. Так, в ро-
ленской "земли" 1630 г. подчеркивалось, что обитавшие в
ховьях реки люди "конны и олennы" и имеют "великие" оленные
болиные угодья¹. Вас. Поярков в расспросе 1646 г. сообщал о
витой пушной охоте у зейских дауров, промышлявших в дне ходь
своих поселков в большом количестве соболей и менявших их
на маньчжурские ткани. Техника охоты ("стреляют из луков") у
ров. по данным землепроходца, была та же, что и у других си-
ких народов².

Давно осознанная государственная потребность в со-
собственной металлургической базы ставила перед служилыми
задачу выявления существовавших очагов дорусского горно-мета-
лического производства и выяснения источников поступления
ценных металлов. Наказы требовали "роспрашивать подлинно ме-
жителей и про золотую руду, и про серебро, и про жемчуг,
менье, и медь, и олово, и свинец, и железо, и... кость
рыбья зуба [моржовые клыки. - М.Д.], и... про всякие угодья".

В 1622 г. томские казаки во главе с Иваном Володимирце-
ладывали в Москве в Казанском приказе о железоделательном пр-
ле у кондомских и мрасских шорцев: "А около Кузнецкого остро-
Кондоме и на Брасе реке стоят горы каменные великие, и в т-
рах емлют кузнецкие есачные люди каменье, да то каменье роз-
на дровех и розбивают молотами намелко, а розбив, сеют реше-
просеев сыплют понемногу в горне. и в том сливаетца железо
том железе делают пансыри, бехтерцы (вид панциря. - М.Д.),
мы, копы, рогатины и сабли и всякое железное, опричь пища-
те пансыри и бехтерцы продают колмацким людем на лошади и на
ровы и на овцы, а иные есак дают колмацким людем железом
кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три, и все те
люди горазды делать всякое кузнецкое дело..."³

В отписке якутского воевода Вас. Пушкина от 1647 г.
лось о наличии у ленских якутов железа хорошей выделки и
тов из него собственного изготовления: "...У иноземцов яко
якутское дело железо есть самое доброе, а плавят де, го-
они то железо ис каменья не по многу, не на большое дело,
якутские пальмы [массивные железные ножи. - М.А.], вместо

даур и ноги, а большово у них никаково железного дела нет ж и
иергии плавить не умеют⁵.

Приникшие в конце 30-х годов XVII в. на Индигирку енисейские
землепроходцы во главе с П. Ивановым сообщали, что у юкагиров
известны вещи из серебра, но где его "емлют" им узнать не уда-
ется⁶. Известие о серебряных женских украшениях, приобретенных
юкагирами ладьми непосредственно в жилищах приангарских эвенков
встречается в рапорте амурской экспедиции Вас. Пояркова⁷.

Необходимость продовольственного обеспечения постепенно раз-
вившегося населения Сибири требовала обращать особое внимание
на земледелии и скотоводстве аборигенов. Так, в росписи
от 1641 гг., со слов "улусных" эвенков и служилых людей, приво-
димой информации о выращивании проса, разведении лошадей и "всяково
чтоб" ольхонскими и верхоленскими бурятами. В документе подчер-
калось, что землепроходцы сами видели созревшие зерна хлебного
зерна⁸. В отписке 1641 г. факты полеводства ("просо сеют брацкие
и калмыцкие") и солепромыслов ("соль варят в котлах") служилые люди
запечатывали посылкой на рассказ самих бурят⁹. О подсечном земле-
делии у куяныцких шорцев ("лес розчищают, пашут пашни, сеют пше-
нью, ячмень, конопли") говорилось в цитированном выше докладе
Ивана Кильяка по главе с Иваном Володимирцем¹⁰.

В донесении, отправленном ленскими воеводами в 1641 г. на
имя Императрицы на основе показаний витимских эвенков сообщается о
"шамане" и "пашинном" населении Приамурья¹¹. В инструкции В. Д.
Приорова со слов эвенского "князца" шамана рода лалагир Томканея
(имени) эти известия значительно расширены: "седячие" люди в
ити выделяли ткани и серебро, во дворах держали свиней и
"по рукам". Из хлеба, вырабатывали вино и выращивали "хле-
б в добрых десеть, а рожь и ячмень, и семя конопляное, и го-
вя, и горчица, и гречка родитца"¹².

В ходе экспедиции на Амур 1643-1646 гг. сведения, полученные
притом виатоками своего края были дополнены и уточнены наблю-
дениями русских землепроходцев. Согласно "распросным речам" В.
Приорова вейские и амурские дауры сеяли "шесть хлебов разных":
овса, просо, коноплю, гречиху и горох, и разводили лоша-
ди, коров, баранов, свиней и кур. Ниже по Амуру проживали "сидя-
чие" люди.

чие и хлебные и скотные" дочери. Обитавшие за устьем Уссури ки, по словам Пояркова, хлеба не выращивали, домашних живо держали мало, а питались рыбой. В низовьях Амура, у моря, раз лялись гиляки, которые занимались рыбной ловлей и строили руные "юрты" и "клети" без окон¹³. В географическом описании названием "Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске..." уда ких людей фиксировались многочисленные "городки", посевы разных сортов хлебных злаков, плодовые и овощные культуры ("ябл и груши, и гарбузы, и дыни, и огурцы, и всякой руской овощ... дится"). В отличие от них, живущие у моря "гилянки" преимущ венно были ихтиофагами¹⁴.

Большое внимание землепроходцы уделяли предметам вооруж и тактике ведения боевых действий у сибирских народов, особ тех, которые оказывали сопротивление российской колонизации. казные памяти требовали выяснить, "какой бой, лучной или от ной", распространен у вновь разведенных групп населения, "как них крепости и бой... и сколько у них воинских людей на конь дитца"¹⁵.

Служилые люди отмечали, что буряты имеют хорошее защи вооружение ("бьются с броны в куяках [род кольчуги. - И.Д.] наруцах [защитные доспехи для рук. - И.Д.] и в шеломах")¹⁶, янские мужики" нападали, "наредясь в куяках с копии"¹⁷, у дырских юкагиров "на острожке норовлено готовой бой, колье поры сажены на долгие деревья да и ножи"¹⁸, а туринские тат манси "стружут стрелы и желесца стрельные делают сами"¹⁹.

В отписке пятидесятника Верхоленского острога Курбата Ива от 1645 г. сообщалось, что прибайкальские буряты "соб большими людьми сот 6, кругом щитами обошли и почали по на за щитов стрелять... и божнею милостию... у них братцких щиты отбили и тех братцких людей на приступе и на побеге и побили, а иных многих переранили и копья и луки и саадаки [для лука и колчан со стрелами. - И.Д.] и шеломы многие з отбили...²⁰ Ольхонские буряты, не сумев добиться победы в том бою "сели в осаде в каменью"²¹.

У "тунгусов", проживавших в 30-40-е годы XVII в. в бас реки Ульи, в отдалении от Охотского моря, по наблюдениям слу

и "шумки" ("копейца и рогатины") и орудия труда ("топорки") издавались преимущественно из кости и камня²².

Во время треколения инструкций о поиске и учете необъясченных явлений, землепроходцы порой фиксировали данные об одежде, утвари и пристройке жилищ и других особенностях материальной культуры выходящих, на первый взгляд, за рамки практических задач колонизации. Однако такие сведения, попадавшие на бумагу документов, также, как правило, сопутствовали каким-либо "загадочным" вопросам. Например, в "скаске" 1669 г., со слов воина упоминалось о серебряных гривнах и кольцах, украшавших ее и реку Анголю Нижнего Амура²³. В отписке М. Стадухина и В. Федорова начала 40-х годов указывалось, что юагиры на реке Моме "в Ларинских жилищах "седячи", а не "кочевьем" и "огня в то не дают"²⁴. Первое известие, очевидно, было связано с поисками алмазов драгоценных металлов, а второе касалось перспективы занятия обитаний иновь выявленной группы аборигенов.

Несколько более подробные сведения о хозяйстве и быте коренных народов встречаются в материалах первых дипломатических миссий Минчича и Китай. Путешественники в числе прочих выполняли исключительно задачи по сбору информации о порубежных землях и сфере политических интересов России.

Участники поездки в Западную Монголию в 1616-1617 гг. Г. Мишвили и Тимофеев и И. Петров сообщали о предках современных хакас и тувинцев, находившихся в определенной зависимости от горного киргизского ханства: "А Киргизская де землица кочевная, живут в то и тунгусинах, и ходят в шубах и в зипунех, а ядят рыбу и мясо и в бой у них лучной. Лошадей и коров и овец много, да не сены и не родитца"²⁵. По соседству с кочевьями кыргызов находилась "Табинская земля", под которой, вероятно, имелись в виду земли различных в этническом отношении групп населения: живут они по лесам между гор в ослонех, переходят, где кому местонахождение, а шубы носят олени и козы, а корякты зверем, бывшими и оленем и козы: мясо едят, а в кожах делают платье. А юб у них никаких нет, и хлеб не родитца, и коров и овец нет, ни ягами лиши да олени. А сколько их всех, того сметить было невозможно потому что ехали мимоездом; а оне живут по лесом, а

дорогою едучи, видели их по станам человек с 300 и с 400²⁶ лее помещались места обитания тюркоязычной группы саян "...Живут особе меж гор и лесов по речкам... А ездят на оле на конях... А житье их то же, что и в Табынской земле: угоде каких нет, и хлеб не родитца"²⁸. Из области саянов через 20 дней пути посольство В. Тюменца и И. Петрова прибыло в Манзумскую землю, к матам, которых современные исследователи отождествляют с самодийскоязычными группами маторов или маадов²⁹: "...Манзумская земли князек встречал их... и с кормом и с питьем, и подводы А корм был: мясо баранье, да молоко коровье и кобылье, да из молока же кобылье"³⁰.

Служилые люди при сборе сведений о материальной культуре аборигенов опирались не только на собственные наблюдения этических реалий и опросные данные, но и в отдельных случаях обращались к остаткам культурной деятельности населения, покинувшего данную местность.

Так, в "распросных речах" 1646 г. Н. Колобова, А. Горелого, Ф. Чюкичева содержались известия о народах, обитавших недалеко от побережья Охотского моря. Согласно показаниям местного племени "князца" в "летнюю сторону" наряду с "тынгусами" проживали "ки сидячие", выкармливавшие медведей для праздничных представлений. По словам аманата, в устье Уды в большом сражении генерала "оманом" победили пришедшие с Амура бородатые дауры, одетые в "азьмы" (разновидность верхней мужской одежды) и оснащенные ками". Землепроходцы побывали на месте "побоища", сожгли ленные там "однодеревые" струги и нашли днище цинкового сосуда.

Другой документ сообщает, как пытливый землеискатель привез в конце 40-х годов в Приамурье "даурские признаки": конский "шлех" (след), произвел обмеры бревен и пришел к заключению, что технология изготовления плота и весел близка русским.

Служилые люди, безусловно, были знакомы с материальной культурой сибирских аборигенов значительно лучше, чем это отражено в письменных источниках конца XVI-первых шести десятилетий XVII в. Однако интерес к вещественным памятникам в рассматриваемую эпоху, как правило, определялся сугубо практическими задачами, поставленными перед поисковыми партиями предписаниями центра и местной администрации.

В Москву из конфискованного имущества автохтонной знати посыпало царя этнографические коллекции, как, например, в 1594 г. "корты" киринского "князя" Агая: "два венчика серебреных, две пучки серебреных, ложка серебреная, а у ней шесть плащей серебреных, лавиты серебрены, чарка серебреная... завеса дорогильна, а на ней камчишком двоелишною (т.е. обшил шелковой цветной узорчатой тканью с обеих сторон. - М.Д.)..."³³ Саянские маты в качестве "корты" отправили "кутню червату (красная шелковая ткань. - М.Д.) и в ней круг золот"³⁴. Эти и другие вещи, имеющие большую художественную ценность, перечислялись в списках наряду с другими пушными животных, а их важность сводилась к стоимости механики, из которых они были изготовлены.

В документальных памятниках содержится, таким образом, немало сведений о занятиях и материальной культуре коренного населения Сибири. Это прежде всего важные для русской администрации данные о пушном и металлургическом промыслах аборигено-властоводство и очагах земледелия. В источниках местные жители делятся на "сидячих" ("пеших"), "кочевых" ("оленних"), "пушных" и "скотных" ("многоскотных"), на северных приморских рыболовчиков и южных "пахотных" полеводов. Наряду с особенностями быта подмечены различия в устройстве жилищ (земляные и соломенные "юрти", "клети без оконные" и пр.) и вооружении ("лучной" "руничной бой"), в изготовлении оружия и орудий труда, одежды и т.д.

Социальная структура и религиозные воззрения.

Сибирские древности

Первых шагов колонизации Сибири перед российскими властями стояла задача по созданию системы учета и управления коренными народами и придумать эффективного механизма сбора ясачных повинностей. И вместе с этим в источниках содержится значительно больше, и в предшествующее время данных об этносоциальной стратификации населения.

Правительство в административной практике стремилось опираться на пущистровавшие этнические, родоплеменные и территори-

вальные образования автохтонного населения. С этой целью слу людям предписывалось "накрепко" расспрашивать местных жит "сколко у них... городков и волостей. . . и переписывать, кто нем в городках и в волостях и по рекам лутчих людей, и в ко городке и волости сколко людей" и "родов и посколку в которо ду человек" и "кто в тех землицах князьцев имяны или владете. Что касается характера родственных, социальных, хозяйственны бо иных связей внутри объединений аборигенов, то этот в обычно оставался вне поля зрения официальных инстанций. Для прежде всего было установить территориальную группу тельщиков ясака, скрепленную определенными узами и призн верховенство одного из своих членов.

Наиболее часто в источниках встречаются понятия "улус", "волость". Исторические акты XVII столетия сохранили вания десятков "родов" сибирских народов². По заключению Долгих, оставившего капитальный труд по социальной структуре ренного населения Сибири в XVII в., документальные памятники "родом" имели в виду, во-первых, крупные отцовские роды - ф с характерными родовыми наименованиями; во-вторых, небольши разделения этих родов - фратрий, называвшихся обычно по своих вождей; в-третьих, старые мелкие родовые образования превратившиеся в роды - фратрии и существовавшие наряду с в-четвертых, этнические группы, созданные пришельцами; в- обычные большие семьи³. Словом "род" могли обозначать и терриональные (соседские) общины, а также принадлежность к определенному народу. Многозначность термина фиксируется и в сибирских тописях XVII в.⁴

Содержание, которое источники вкладывали в понятие "род", могло не изменяться и в зависимости от того, к какому конкретному народу прилагался этот термин, поскольку в Сибири наблюдалось различные типы социальных организаций и уровни их развития, отношения к обским уграм, сибирским татарам и населению края. Северо-востока официальные документы, как правило, не расценивали "род" в качестве единицы, принятой за основу российско-министративно-податного обложения⁵ и в этом значении термин использовали.

Инд "улусом" в XVII в. понимали объединение или область оби-
тий фамилий, связанных как родственными, так и соседскими
фамилиями. Универсальный характер носил термин "волость", кото-
рой обозначали территорию расселения различных групп ясачных лю-
дей "улуситы" или, традиционно, "княжеством" называли и крупные
территориальные сообщества, возглавляемые местной аристократией или "князцом".

Виды малких образований обских угров, сибирских татар и не-
которых других народов источники обычно именовали "юртом" ("тун-
дровые татары и вагуличи живут все по своим юртам", "ясашные
и вагуличи по своим юртам и по волостям попрежнему")⁶. Б. О.
Рыбаков юртом имел в виду подразделение рода, одну большую или
несколько малых семей⁷, З. Я. Бояршинова - выделявшиеся из родовой
структуры патриархальные семьи⁸. Е. П. Мартынова определяет хант-
ий юрт как социальную единицу промыслового типа, объединявшую ряд
родственных и неродственных семей и пришедшую в результате рус-
ско-казахской миграции на смену общине - городку⁹.

Русским было знакомо и такое понятие как "племя". Однако
оно мало отличалось по смыслу от слова "род", использо-
вавшее в XVII в. не часто, причем, чаще всего, в сочетании "и род
племени" ("у него круг города в вагуличах братья и род и племя".
"Когда же они и дочь и род и племя поимал к себе князь Игнатьев"¹⁰,
"Кладут же они дедов, отцов и матерей своих, и род и
племя в могилы"¹¹).

Группы населения, обитавшие в степной и лесостепной зонах и
на севере, как правило, подвижным образом жизни, традиционно
назывались "ордами" ("а орды, государь, великие многие к Томско-
Муринду прибегли")¹¹. Иногда это название переносилось и на
группы объединения близлежащих таежных районов ("Пегая орда").
Важнейшее значение сохранилось прежнее обозначение укрепленных
районов и прилегавших к ним территориально-родовых общин аборигенов
- "городки" ("ясашные люди... ляпинских городков и юртов")¹².
Видный слой автохтонных обществ в документальных источниках
назывались "князьями", "лутчими", "начальными", "большими" людьми
- "городами князцов", а также "шаманами". Ввиду явного несо-
ответствия официального строя населения Северо-Западной и Восточ-

ной Сибири общественным нормам Российского государства бытовав в прежние столетия термин "князь" в конце XVI-начале XVII обычно заменяется уменьшительным "князец".

В районах жительства сибирских татар использовались титу взятые из словаря сравнительно развитой сословной структуры тков - "мурзы", "беки", "абазы" ("абызы") и др., которые ино употреблялись по отношению к другим народам¹³.

Царская администрация не только опиралась на существовав аборигенную аристократию, но и в ряде случаев искусственно соз вала родоплеменную верхушку, там, где ее не было, наделяя "луч людей" полномочиями, которыми они по обычному праву не обладали¹⁴.

Основную массу автохтонных обитателей Сибири состав "ясачные" или "улусные" люди. Наименование податного сословия "черными людьми" сохраняется в конце XVI-начале XVII в., а затем постепенно выходит из употребления. На нижней ступени социальной лестницы оказывались категории, попавшие в материальную или ную зависимость, от пришлого или местного населения - "захребетники", "холопы", "ясыри". Например, в "Росписи сибирским горами и острогам" отмечалось, что у тобольских служилых татар "в за бетье" живут "дети их и братья, и племянники"¹⁵.

Служилые люди не всегда могли распознать различные группы сибирского общества. В реальной действительности границы социальных прослоек также были нередко размыты¹⁶. В связи с этим инициаторы в одном случае идут по пути конкретизации наименования "твенников, перечисляя "дедов, отцов, матерей" и т. д.. в других вводят понятия с широким значением типа "родня", "родимцы", "ник", "братья". О трудностях выделения конкретных генеалогических образований свидетельствует и использование отмеченного сочетания "и род и племя". Проиллюстрируем, как официальные менты пытались преодолеть понятийную неопределенность на примере наказной памяти 1654 г. Она требовала собрать на Колыме ясоминки с "улусных людей и з детей, и з братьи, и с племянници з захребетников, и с подростков". Однако боязнь пропустить кую-либо группу аборигенного населения при отсутствии сложной терминологии заставляет автора памяти дополнить сказанное

Иногда "И иных бы свою братью под государеву... руку приводи-
ли!"

Встречается в источниках и стремление установить и зафиксировать различия в социальном устройстве народов. Чрезвычайно любопытно указание В. Пояркова, что амурские дочери живут "родами", а дауры, гиляки и натки - "улусами"¹⁸. В свое время М. О. Косвен пришел к необходимости изучить соотношение терминов "род", "улус" и "ваниль" в документальных материалах XVII в.¹⁹ Плодотворными предполагаются попытки проследить бытование этих понятий в определенных историко-культурных зонах. Так, Т.Г. Рубинштейн на основе анализа якутских ясачных книг пришел к выводу, что волость - основная административно-областная единица, состоит из ряда улусов - реальных территориальных объединений якутов²⁰.

Интерес официальных документов XVII в. к духовной культуре населения также имел практическую подоплеку: одним из средств приведения аборигенов к уплате ясака, как и в прежние времена существовало шерть. Служилые люди стремились выведать "прямую", то есть наиболее значимую для автохтонных обитателей присягу²¹.

Наказы предписывали проводывать "накрепко" о религиозных верованиях местных жителей, с тем чтобы "иноzemцов лутых людей принудить по их вере к шерте"²². Дьячи Посольского приказа интересовались у телеутских послов в 1659 г.: "Давно ль у них такое шертованье, что золото пьют и отчего зачалось?" В ответ посланники якутии сказали, что времени возникновения этого обычая "они не упоминают, а как де они шертуют - золото в меду пьют - того, что добра от лица отца". А то де они слыхали наперед сего: мунгальские табы приехали собор шертовали - пили золото в меду. И один из табов мунгальской на своей шерти не устоял, хотел итти войной, и у него же золото вышло боком, и от того де у них то шертованье и возникло²³. Участник дипломатической миссии к Алтын-хану Г. Мирзалиев так описывал в 1617 г. переход группы енисейских киргизов в риминийское подданство: "...Киргизские князьки, со всеми своими помыслами учинились под государеву рукою и по своей вере шертовали: помыслами поблку и всквозь ее проходили..."²⁴

В служебных материалах часто упоминались "шаманы". Однако именно администрацию они интересовали прежде всего не как служи-

тели языческого культа, а в качестве представителей привилегированной верхушки аборигенного общества, на которых можно было ложить ответственность за обеспечение ясачного сбора, либо знатоки своего края, переводчики и проводники, столь необходимые в предприятиях землепроходцев. Точно также внимание поиск партий к поклонению морских охотников северо-востока "моря головам" обуславливалось хозяйственной задачей развития морского зверобойного промысла²⁵.

Русские люди не сразу разобрались в особенностях религиозных верований азиатского населения. Первоначально буддийскую (ламскую) религию ойратов и калмыков они приняли за ислам, кот исповедовали давно знакомые им народы. Дипломатические посланники В. Тюменец и И. Петров в роспросе 1617 г. указывали, что "Алтын перед ними государю шертовал по своей мусуль[ман]ской ре". Любопытно, что, сообщая о ламаистских обрядах и чудесах воскрешении буддийского иерарха "кутукты" (хутуфты) путешественники использовали понятийный аппарат сразу двух известных им религии - ислама и христианства: прихожане молятся по сульманской вере", в "мечети", но бога своего поднимают "крылосом", в церкви стоят на "рундучке", прислуживают там "кшени" (от клироса - места для хора в христианском храме), одеваются в платье, похожее на "греческое". Верующие соблюдают ежедневные "вечерни и завтрени и обедни". Даже в царском указе 1633 г. сольству Я. Тухачевского и Д. Агаркова предписывалось подчинять Алтан-хана "по своей вере... на куране" (т.е. на Коране). И в жалованной грамоте западномонгольским правителям 1636 г. пользуются более обтекаемые формулировки: "А шертовали... по шейской вере, или золото..."²⁶

Отношение к местным верованиям у русского населения, основанное на первых порах, было настороженным. Так, в отписке томо-воеводы Вас. Волынского от 1608 г. в ответ на правительственный запрос говорилось, что тяжелый недуг, поразивший служилых лиц и их семьи случился оттого, что на них натравливали "шайтанов", нецкие и чульмские татары. По их наущению, новокрещен Иванка дит по татарским юртам ворожит, и в бубен бьет, и шайтанов пасет". На следствии, под пытками, была выявлена целая

и "шаманников", выпускавших злых духов и болезни на русских ~~людей~~. Всех "за воронство" были посажены в тюрьму²⁷.

Чудесные возможности приписывались и атрибутам язычества русской. По распоряжению из Москвы томские власти отыскали в краевом городе отправили в начале 1611 г. в столицу разбить в Башкирии. Подобранный у реки несколько лет назад племянником ~~человека~~. По слухам и основе которых, очевидно, лежали поверья о чудесах. Предмет обладал волшебными свойствами: "как его ковать наручу и от того где бывает мороз и вода". Любопытно, что языческие приверженцы христиан в данном случае оказались ~~человеком~~ языческим "Шайтанщиком", у которого был найден камень, никаких помощников у него не находил, а то, что вода и мороз могут приближаться в результате волшебства впервые услышал ~~Библию~~²⁸.

Фактически казусные ситуации и другого рода, когда российское правительство, по просьбе аборигенов, приходилось разбираться ~~в язычестве~~ в шаманов, будто бы напустивших порчу на своего соплеменника²⁹.

Русские правительства сталкивались и с культовыми местами заупокойного поклонения. Посягательства на святыни автохтонов в XVII веке вышли главным образом, не религиозным фанатизмом ~~правительства~~ людей и тем более не познавательными целями, а элементом ~~правительства~~ обогащения. Согласно царской грамоте 1610 г. берега реки Канаки с помощью аборигенов разграбили в Ляпинской округе "Анчи у Шайтанов" и унесли 30 больших серебряных сосудов, 10 ковров, котлов и другую мелкую "поклажу". Показательно, что, при всей политику умиротворения коренных народов, государство ~~правительства~~ Православия встало на защиту языческих культов³⁰. Поклонение которых всегда считалось христианским подвигничеством. Точно так же правительство удовлетворило просьбу кондского ~~правителя~~ и выдашвили конфискованной семейной реликвии "по их величеству болгарии" (идола)³¹.

Правовая администрация XVII в. терпимо относилась к религиозным представлениям сибирских аборигенов, предписывая местным властям ~~приводить~~ принудительному обращению их в христианство³². ~~в 1610 г.~~ требовал проводить специальный "сыск" по выяс-

нению добровольности принятия язычниками христианской религии. Помимо общего стремления избегать насильственных действий государство в данном случае преследовало и фискальные интересы, поскольку крещение, как правило, сопровождалось выходом из системы ясачного обложения³⁴.

В целом, судя по документам служебного делопроизводства, русские люди строили отношения с аборигенами на практической, национальной основе и крайне редко упоминали о вмешательстве сверхъестественных сил и кознях дьявола. Мистическая окраска типичные для ряда сибирских летописей описания "чудес" были запискам землепроходцев. Открытая религиозная нетерпимость, более грубый фанатизм также не характерен для сибирского общества XVII в., что, как отмечают исследователи, несопоставимо с ситуацией в европейских странах, где вплоть до XVIII в., а то и происходили судебные процессы против колдунов, а чародеев сжигали на кострах³⁵.

Религиозные власти, следуя в русле государственной политики, призывали обращать в православие "иноверцев", действуя "со учителным намерением, без всякого озлобления". Правда, в отличие от светской администрации, церковь нетерпимо относилась к "совским и темнообразным прелестям", пытаясь бороться с формальным принятием христианства, а новокрещенных нарушителей духовных заповедей требовала "имати в монастыре и держати в поднача и наказывать и учити со всяким тщанием, пока они истинное учение принесут"³⁶.

Утилитарные задачи обусловили появление в записках о людях немногочисленных сведений о языке коренных народов. Такие данные приводились в том случае, когда речь вновь всеногого населения оказывалась неизвестной ("а язык де, государьших свой", "и у тех языков с tolмачем язык не сшелся"), в результате чего "прииск" новых земель был затруднен³⁷.

Таким образом, документальные источники конца XVI – начала XVII в. показывают, что русские люди в ходе покорения сибирской территории фиксировали особенности социального устройства и духовной культуры аборигенов, используя эти сведения в практике подчинения и управления народами. При этом земельные

и как правило, не пытались выяснить сущностные черты, характеризующие ту или иную социальную группу, язык или верований той или иной нации.

Приимление к наживе явилось одной из побудительных причин вымогательства русских людей с погребальными обрядами и могильным инвентарем сибирских автохтонов. Так, согласно царской грамоте 1610 года якутские казаки при содействии коренных жителей разрывали привидения хантов, а "животы" (инвентарь) похищали ("серебряное вино Посудье и платье")³⁸.

Глупые осквернения свежих могил, видимо, были немногочисленны не только по причине административных запретов и препятствий со стороны аборигенов, но и в силу религиозного трепета христианства Человека перед усопшими. Зато раскопки древних памятников усилили в XVII в. значительное распространение.

Первые факты вскрытия восточноевропейцами курганных погребений с целью обогащения относятся по некоторым данным к концу XVII в. Автор статьи о кладоискательстве в Западной Сибири Е. В. Исаев Тобольский писал в конце прошлого века, что еще до похода выходцы из Руси разграбили один из курганов на месте глубокой ямы Царево Городище (ныне - город Курган), обнаружив серебряную посуду, дорогие украшения и другие изделия³⁹. Ко второй половине XVII в. бугрование (кладоискательство) превращалось в промысловый промысел, которым занимались целые артели людей⁴⁰. Однако настоящая золотая лихорадка, связанная с поисками "бугрового" золота, разразится к концу XVII-начале XVIII в. Степные районы Южной Сибири станут относительно безопасными от набегов кочевников.

Отношение правящих структур к раскопкам курганов в XVII в. для рассматриваемой эпохи. Власти стремились использовать древних погребениях для выявления залежей полезных ископаемых. Так, когда в 1669 г. в Тобольск поступило сообщение,

в окрестностях реки Исеть русские люди "в татарских могилах в Аладищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посулывали распоряжение установить, "откуда те татары в лите такое золото и серебро получали"⁴¹.

В ходе розысков вышли на старца Далматского монастыря, кото-

рый, со слов башкир, поведал, что в "прежние времена" на Южном Урале "старинные сибирские татары и калмыки... золотую и серебряную руду добывали и плавили, что де и ныне те признаки плавильных печей и копанных ям видны". Более того, "в древних летах... из серебра и золота получали и всякие из того вещи делали, и такие вещи около Исету и в прочих местах, где оной народ, называющий Чуды, жили, в их могилах или кладбищах и поныне находятся"⁴².

Посланные для проверки этих сведений тобольские служилые люди обнаружили тайные башкирские разработки драгоценных металлов и от местного жителя по имени Батайко узнали о "городе", ширине не менее 50 сажен, сооруженном из "дикого камня", в окрестности которого находилась "древних лет построенная плавильная печь и выплавленной руды шлаки или сок"⁴³.

Древние и средневековые курганы и городища привлекали внимание властей и как обширные скопления земли, пригодной для выделки селитры, используемой в военном деле. В 1630 г. был объявлен царский указ о поисках на территории Сибири "старых городищ и лищ", необходимых для "селитреного варенья". В ответ томские ведомости докладывали, что в Томском, Нарымском, Кетском и Енисейском уездах не нашлось "старых городищ или селищ, или каких жилищ мест, которая бы земля к селитреному делу пригодилась"⁴⁴. В то время в Тобольском уезде, согласно Г.Ф. Миллеру, на развалинах татарского укрепления Сибирь было построено предприятие для производства селитры, которое в иные годы давало более 1000 фунтов ценного сырья.

Сибирские древности в отдельных случаях фиксировались служилыми людьми в рамках общей задачи географического описания местности. Участники дипломатической миссии 1616-1617 гг. в Западную Монголию В. Тюменец и И. Петров сообщали в расспросе о развалинах древних зданий в верховьях Енисея, отождествляемых современными исследователями с уйгурскими бастионами и крепостями VIII-VII вв.⁴⁵ По словам посланников, "от Киргиз бывали полаты, а ныне то место пусто". Стремясь установить принадлежность строений, близнательные путешественники "про те хоромы и полаты розпрашивали Золотого царя старых людей". Подданные Алтын-хана, руководствуясь очевидно, политическими соображениями, "сказывали про те

ромы и про полаты: тогде живали китайские люди и Золотого царя Аоди"⁴⁶.

В середине 50-х годов XVII в. русское посольство во главе с И. Байковым, поднимаясь вверх по Иртышу в землях биратского Алаши Аблая вступило в местечко "Кабангасун - калмацким языком, а по-русски - полата кирпичная, кирпич зженой". Сооружение, фигурировавшее в более поздних источниках под названием Калбасунская мечеть, оказалось давно покинутым ("пустое") и, на взгляд посланников, создание его было "делом стариных"⁴⁷.

Таким образом, в русском обществе конца XVI-первых десятилетий XVII в. внимание к сибирским древностям было вызвано практическими задачами "проводования" новых территорий, производства горючих веществ, поиска драгоценных металлов и залежей руд. Археологические материалы еще не рассматривались как исторические источники⁴⁸, о чем можно говорить лишь со времени трудов В. Н. Татищева, экспедиции Д. Г. Мессершмидта и академических исследований, и даже не воспринимались как "куриозные штуфы" и "достопамятности", интересом к которым будет отмечена петровская эпоха.

Археохтоны и русские

Документальные источники позволяют получить некоторое представление об основных направлениях политики московского самодержавия на востоке страны, ее практическом воплощении в отдельных сибирских регионах и взаимоотношениях пришлого и коренного населения. При этом следует учитывать, что материалы служебного делопроизводства обычно концентрируют внимание на конфликтных экстраполярных ситуациях¹, не отражая богатства всей палитрыaborигено русских связей. Они дают возможность выявить лишь весьма обобщенный взгляд российского общества на обитателей Сибири, который реальной действительности слагался из широкого спектра ментальностей людей XVII в. в зависимости от их места жительства и опыта межэтнических контактов, социального статуса и профессии, возраста и воспитания.

Вопрос о методах овладения обширной территорией Северной Азии и результатах воздействия восточноевропейской цивилизации на

автохтонные народы неоднократно поднимался в отечественной и риографии, причем нередко приобретал общественно-политическую раску и получал диаметрально противоположные оценки.

Одни авторы акцентировали внимание на положительных сторонах вхождения сибирских земель в состав Московского государства, мечая, что контакты пришлого и коренного населения носили преимущественно мирный характер и протекали в русле упрочения хозяйственных связей и взаимообогащения культуры². Они подчеркивали динальное отличие между российскими методами овладения Сибирью действиями западноевропейских колонизаторов, загонявших туземцев в резервации или истреблявших непокорное население³.

П. Н. Буцинский писал о "полнейшем общении между завоевателями и покоренными", отсутствии вражды и "полном житейском" сближении русских и туземцев. Атмосфера национальной терпимости установилась, по его заключению, "сама собою", без участия, а то и реки действиям правительства и обусловливалась "необыкновенной способностью русского человека к уживчивости с людьми"⁴. В это время сибирские аборигены оказались, по его заключению, восприимчивы к "высшей культуре русских" и заимствовали в основном негативные явления, такие, как употребление табака и водки.

К А. П. Щапову восходит теория, воспринятая затем областями и некоторыми другими авторами, но опровергнутая последующими изысканиями о сильном воздействии самих аборигенов на духовную и физический облик русских пришельцев и формировании особой сибирского этноса. С. В. Бахрушин писал о физиологическом изменении типа русских в Якутии, заимствованном колонистами в XVII в. верований и бытового уклада якутов⁵. В. А. Александров на большого фактического материала пришел к заключению, что тунгусы в короткие сроки стали органической частью всего сибирского населения⁶.

А. А. Преображенский подчеркивал неантагонистичность социальных отношений пришлых и местных жителей, мирный земледельческий характер российской колонизации восточных окраин. Этот "иностранец парадокс" в условиях колониальных войн и крепостничества объяснял преимущественно крестьянским составом восточно-сибирских мигрантов, обширностью зауральских территорий,

щностью населения, охранительной политикой царского правительства и другими факторами⁸.

В качестве причин установления мирного взаимодействия между народами исследователи называли также общность классовых интересов, совместное участие русских крестьян, служилых людей и аборигенов в социальных выступлениях против феодального государства⁹.

По типичному для определенного периода советской историографии мнению Н.Ф. Емельянова, прогрессивная земледельческая основа бытия русских крестьян, которые "творили чудеса, несмотря на утверждавшиеся феодальные отношения", стала "цементирующим фактором" сближения и "вечной дружбы" русского и коренного населения. "Мирный труд пахарей, - пишет учёный, - победил вековую отсталость родоплеменных отношений, междуусобиц и войн, прежде временное вымирание целых народностей и пр., хотя сам феодализм страдал многими пороками своей действительности"¹⁰.

Крайнего выражения эта позиция достигает в работах Г.П. Баррина, писавшего о "спасительном значении" "мирного, добровольного вхождения" в состав России народов Сибири, которые самостоятельно не могли бы приобщиться к мировой цивилизации. По его заключению, не подкрепленному источниками, коренные обитатели Зауралья смотрели на Ермака как на освободителя от режима жестоких чужеродных правителей¹¹.

Тезис о добровольном вхождении народов Сибири в состав Московского государства и, безусловно, положительная оценка присоединения зауральских земель парадоксальным образом уживалась в некоторых работах, как подметил В.А. Александров¹², с формулой "Россия - тюрьма народов" и обличением национального гнета цариз-

ата. Другие исследователи, развивая некоторые выводы областнической историографии, останавливались на отрицательных последствиях воздействия российской государственности на сибирских аборигенов.

По заключению В.И. Огородникова, единственной "страдательной стороной" процесса присоединения Сибири являлись коренные народы¹³. О "первобытных" способах колонизационных предприятий и дальнем проявлении пороков русских людей в отдаленном краю писали А.И. Пыпин¹⁴ и Н.И. Костомаров¹⁵.

Е. Я. Драбкина, отдавая дань политической конъюнктуре, характеризовала вхождение Сибири в состав Московского царства как "довицкий грабеж", сопровождавшийся массовой резней, распространением пьянства и венерических заболеваний, сгономaborигенов с сиженных мест и их быстрым вымиранием. По ее оценке, Россия "пменеющим языком меча и огня" со всем цинизмом первоначального копления порабощала восточную окраину, что напоминало самые прясающие страницы истории европейского колониализма¹⁶.

Современный татарский историк И. Измайлова, отрицая полное значение российского "культуртрегерства", результаты присоединения сводит к потере автохтонами своей самобытности, "радации, болезням и ассимиляции"¹⁷.

Более плодотворным представляется стремление исследователя от односторонних оценок русско-аборигенных отношений, показать многогранность хода событий, выявить как положительные, и отрицательные последствия взаимодействия различных этнокультурных начал. В этнографических и исторических работах на конкретном материале различных регионов показано, как в хозяйственно-культурно-бытовой областях осуществлялось сближение русских и других жителей Сибири, развивались интеграционные, а то и ассимиляционные процессы и наряду с этим не без влияния российского фактора происходила этническая консолидация, сохранялась и укреплялась традиционная культурная основа¹⁸. В то же время контакты особенно в мировоззренческой сфере, по оценке специалистов, еще изучены недостаточно и требуют дальнейшей разработки¹⁹.

По заключению Н. А. Томилова, общность хозяйственных интересов способствовала установлению дружеских добрососедских связей между русским населением и сибирскими татарами, что оказало большое прогрессивное влияние на быстрое социально-экономическое и культурное развитие последних. Однако между ними полностью не отсутствовали предубежденность и элементы враждебности, что было вызвано общей обстановкой в Российской империи, административным размещением народов, земельными неурядицами, религиозными и другими причинами²⁰.

В современных работах широко распространены экологичные трактовки²¹, рассматривающие влияние российской цивилизации

точтонные культуры в рамках отношений природы и человека. По мнению исследователей, под воздействием пришельцев охранильно-восстановительные нормы природопользования аборигенов становились уступать место интенсификации и разрушению традиционного экологического-хозяйственного баланса²².

А. В. Головнев отметил, что крупные изменения в жизни народов Сибири привели к обновлению и развитию одних сфер быта и существования, и деградации других, к переходу духовной культуры на критическое положение и сужению поля ее воздействия. По его мнению, следствием умиротворения аборигенов явилось не только относительное спокойствие в сибирских землях, но и социальная пассивность коренных жителей и общая стагнация их культуры²³.

Ю. В. Полков определяет контакты между народностями Севера и русскими людьми как "асимметричное взаимодействие", имевшее место в силу различного уровня формационного развития, в результате чего одна сторона была значительно более активна, чем другая²⁴.

Т. Н. Очирова, доказывая мирный характер присоединения Сибири, обратила внимание на связь практических действий московского правительства на востоке со сложившейся к XVI в. и во многом наследованной от Византии идеологической моделью "христианской империи" как многонациональной континентальной евразийской державы²⁵. По мнению Е. П. Ковалышкиной, создавшаяся в России система правительства туземцам основывалась в отличие от других стран на обилии свободных пространств, в результате чего сибирские аборигены являлись не конкурентами в пользовании землей и угодьями, а представляли для государства важный источник дохода, "казенное состояние", подлежащее охране²⁶. А. А. Люцидарская и В. Н. Курилов в материале сибирских городов XVII в. обосновали положение о том, что выработка благоприятного психологического "климата", способствовавшего межэтническим связям в хозяйственной, бытовой и социальной сферах происходила независимо, если не вопреки идеологическому воздействию правительства и церкви²⁷.

Вырабатывая основы государственной политики в Сибири московская администрация опиралась на многолетнюю практику эксплуатации природных богатств Зауралья, на уже имевшуюся модель взаимодействия русских земель с восточными территориями. Эти области

издревле рассматривались как неиссякаемый источник обогащ возможность восполнить казну великого князя, да и состояни подданных чисто экстенсивным путем, оставляя неизменным со но-экономический строй общества. В соответствии со сложив стереотипами русские власти видели в местном населении внов обретенных земель, прежде всего потенциальных поставщиков линой казны". Отсюда уже в ранних наказах сибирским воевод являются стандартные, постоянно повторяющиеся требования "с обеспечить сбор ясака. Этот лейтмотив проходит через подав большинство правительственных предписаний, касающихся аборигенов народов. Его должны были учитывать сибирские администрации в решении многочисленных вопросов жизнеобеспечения коренных лей. Именно этот фактор, часто играл решающую роль в формирующейся системе взаимоотношений российской государственности с телями Зауралья.

Исторически сложились и методы принуждения местного населения к выплате дани, включавшие не только военное давление, дипломатические акты, "жалование" автохтонной знати, товари и пр. За покорность и исправное предоставление ясака практиковалась выдача аборигенам подарков вещами и продовольствием, из казенной провизии и другие формы поощрения²⁸ ("государево кормить государевым запасом, и береженье к ним и ласку велику"²⁹.) При вступлении в должность сибирские воеводы были собрать в съезжей избе ясачных "князцов" и "лучших" "довольно" напоить и накормить их, а перед тем сказать "государево жалованное слово". В нем обличали "корысти" прежнего начальства и сулили всячески "беречь" ясачное население, от которого боялся послушание и добросовестное выполнение своих обязательств³⁰.

В случае неповиновения следовало применить насилие: "А которые князьки и остяки учнут ослушатись, и государю ясаку не учнут платити... велети их повоевати... поострана укрепити..."³¹, "поиск над ними чинити и промышляти и бити ими"³², "ходить войною... и их улусных людей смирить и под государеву царьскую высокую руку в прямое холопство неотступно"³³.

Политика самодержавия по отношению к коренным народам Северо-Востока, вероятно, в какой-то мере соответствовала и тем этническим стереотипам, которые сложились к началу раннего нового времени у широких слоев восточноевропейского и прежде всего северо-европейского населения и подкреплялись повседневным опытом длительных контактов с аборигенами Поморья, Приуралья и Зауралья. Видимо, в этом кроется одна из причин быстрого освоения выходцами из Европы необъятных просторов Сибири и установления взаимоприемлемых форм общения с местными жителями. Не случайно, вольнонародная колонизация сопутствовала, дополняла, а то и опережала действия официальных государственных органов власти.

В то же время необходимо иметь в виду, что значительная часть автохтонов Западной Сибири еще со времен татаро-монгольского нашествия была знакома с такой формой податного обложения, как ясак, алман ("албан") или поминки. По заключению С. В. Бахрушина, русские власти не только использовали в качестве ясачных единиц административные единицы прежнего Кучумова царства, но и продолжали существовавшую организацию сбора и технику обложения³⁴.

Таким образом, складывавшиеся принципы и методы взаимоотношений российских структур с аборигенами в известной мере вытекали из длительной практики торговых обменных операций, дипломатических контактов Руси с Зауральем и военных походов с принудительным характером "мягкой рухляди". Они в некоторой степени учитывали также реальность и особенности экономического и культурного развития "востоков" и "весей" Сибири.

Обращая в подданство новые группы коренного населения сибирских администрации брала на себя обязательства, что было немало в обстановке междуусобных войн оградить аборигенов от посягательств воинственных соседей и внутриплеменных распри, сопровождавшихся погромами и подрывавших хозяйство враждующих сторон: "И они б сибирские князи, и мурзы, и татарове, и остяки, и кетуличи и всякие люди жили в нашем царском жалованье во всем в покое и в чистоте, и в покое и в тишине безо всякого сомнения..."³⁵. "Ибо, ясачные ткачи, жили под ево государевою, царскою высоковою головою безопасно, ничего не боялися и государевым б ясаком промышленникам...

Меры по охране автохтонных народов от внутренних бед и внешних врагов с течением времени стали восприниматься в общей задачи умиротворения Северной Азии в соответствии с литическими устремлениями самодержавия, "чтоб сибирская... пространялась, а не пустела"³⁷.

В то же время документальные источники не дают оснований лагать, что в XVII в. была сформулирована идеологическая программа "сибирского взятия" и покорения туземного населения. столкновения с кучумлянами трактовались как оборонительные действия и осмысливались в плане многовековой борьбы с татарской россией. В скором времени в ходе стремительного продвижения восток такая интерпретация теряла под собой всякие основы. Дельных дипломатических актах, церковных текстах, в ряде сибирских летописей подчеркивалась идея христианского просвещения земель. Однако статуса официальной идеологии сибирской колонизации этот тезис не получил. Квалифицируя свои действия в отношении к аборигенам как службу "великому государю" служилы обычно не рассматривали себя как носителей христианско-протестантской миссии.

Политика российских властей в ясачных областях отличалась от порядков в соседних азиатских государствах. Как отмечал Е.И. Кинд, для монгольских бурят было необычным, что гнев "белоя" не влечет за собой потерю головы подданного, а страдает ко его спине. В Монголии распространялись легенды о безбедной жизни в России, где не только посуда, но и коновязь изготавливались из серебра, а дети играли в мяч бараньими курдюками³⁸. Образ был, конечно, далек от сурьей действительности, но таинственной форме он, вероятно, отражал и какие-то реальные реальности проживания автохтонов в условиях российской Сибири.

В ходе осуществления колонизационных предприятий создавались и совершенствовались старые механизмы управления. В зависимости от конкретной обстановки менялись формы "ласки" и "жестокости" и их соотношение, но предпочтение, как правило, отдавалось средствам воздействия. Еще в главном указе Строгановым от 1582 г. по поводу поддержки ими дружины Ермака царь назначил наместников в том, что они "вогулич и вотяков, и

от нашего жалованья отвели, и их задирали, и войной на них
ходили, да тем задором с Сибирским салтаном скорили нас...³⁹

Впоследствии, чтобы избежать излишних конфликтов и кровопролития, и не ослаблять ясачную платежеспособность наказы постоянно поправлялись. Настойчиво предлагали местной администрации обходиться ясачными способами, призывать туземцев "под державу великого государя ласкотью", действовать "лаской и приветом", "лаской и разговором", "береженье и ласку и привет держать великую", не допускать "обиды и насильства", "жесточи им никакие не чинить".

Многочисленные директивы, направляемые из центра в сибирские города и остроги, предписывали ограничить притеснения аборигенов и обеспечить нормальное функционирование прежнего хозяйственного механизма. Правительство неоднократно списывало недоимки с "хуторов" (обнищавших) жителей, или давало "срок", т.е. отсрочки военных, "многижды" подчеркивало неправомерность взыскания ясака "в стырых, и с увечных, и с малых робят", запрещало русским проходимчикам и крестьянам охотиться, ловить рыбу и разорять места гнездовий ловчих птиц ("орловых гнезд сымать") в ясачных областях и "изнегать и сводить там леса под пашню", препятствовало насилию и принуждению крещению язычников, ограничивало обращение их в холопы и куплю-продажу, строго регламентировало функции местной администрации по наказанию автохтонов⁴⁰.

Московские власти обрушивали кары на сибирских воевод, обвиняя их в злоупотреблениях, неумении оградить от притеснений и притворить коренное население. Нескончаемым потоком шли за Урал приказы "смотреть и беречь накрепко, чтоб... нашим ясачным людям, татаром и осяткам, обид и насилия и продаж ни в чем чинили"⁴¹, "за служилыми людьми смотреть и беречи накрепко, чтоб... иноземцов не били и не грабили"⁴², "татар и осятков от наших людей, от обид и от насилия, оберегати"⁴³, чтобы "никакого воровства и зерни и бядни и душегубства не было"⁴⁴.

Все эти меры дали основание некоторым исследователям для утверждения, что царское правительство ценило аборигенов больше и относилось к ним "несравненно гуманнее" и "внимательнее", чем к своим русским подданным⁴⁵, проводило в XVII в. по отношению к своим обитателям Сибири охранительный, патерналистско- pragmaticus курс⁴⁶.

Сибирские воеводы нередко оказывались в трудном положении поскольку один и тот же указ выдвигал явно несоставимые требования: "сполна" под угрозой опалы собрать все недоимки за годы и одновременно не учинять "жесточи" ясачному населению тупить "лаской и приветом"⁴⁷.

В исследовательской литературе уже давно подмечено пророчество между предписаниями центральных властей, стремившихся новить определенные нормы в отношениях с аборигенами и действоеводами, казацкими отрядами, ясачных сборщиков, допускавших промассовые злоупотребления⁴⁸.

Официальные документы XVII в. пестрят сообщениями об обни и вопиющих фактах насилия над представителями коренных дров: "ясашики емлют кормы и посулы великие. и жон их и детлют на постели"⁴⁹, "наши люди... татаром и остыаком и вогчинят всякое насилиство, и посулы емлют великие"⁵⁰, казаки ясак скорым делом воровски, и на приказных людей и на семинки правили. и остыаков били. и всякие тесноты им чинили"⁵¹.

Енисейские кыргызы отказывались ехать в Красноярскую пость из-за боязни произвольных действий "без государева со стороны местных властей. Они высказывали воеводам прет что "каких де людей в острог возьмете, тех и уморите... многих наших людей поморили в Томском городе"⁵².

Причину "великих смут", временами охватывавших ясачные ласти, правительство также видело в противозаконных акциях бирской администрации и служилых людей: "заворовали остыаки что от воеводы была обида и насилиство"⁵³, "и от того разор грабежу и налог и обид... ясачные... многих служилых людей и сами Великим Государем изменили"⁵⁴. Томские головы М. Р. и С. Бартнев, следя вдоль Оби, местных жителей "пытками и поминки с них великие имали. и их грабили, лисицы. и собрыбу, и жир, чем они сыты бывают, имали насилиством. и от в ясачных людех стала измена великая..."⁵⁵.

Царские власти по всем указанным фактам проводили тщательные расследования, наказывали виновных, осуществляли определенные по поддержке аборигенов, но существовавшая система ясачных обложений порождала новые злоупотребления.

Челобитные коренного населения и материалы ясачных книг указывают на различные причины частых недоимок, которые не сводились только к неправомерным действиям служилых людей. Представители яхтонных народов жаловались на обременительность ясачной, податной, пашенной и других повинностей ("ясак велик не в меру", "мы пашючи... животишка свои и досталые истощали"⁵⁶), на стихии бедствия, оскуднение промысловых угодий и неудачную охоту (от слов "лес", "лесной". - И.Д.) не удалась", "зверь выскочил", "обледенело и собачью ногу отняло", леса "выгоряли и загорели - зверя нет")⁵⁷, на болезни,увечья, голод и нищету "старые и увечные и бедные людишки" "стали нищи и голодны и промятны и без промыслу", "помираем с женишками и с детишками подлею смертью", "голод великой - с голоду собаки перемерли"⁵⁸, на грабительские действия кочевников или туземцев из сопредельных районов ("колмаки... отняли... зверовые промыслы, бобровые и всякия угодья", отчего "ясачные люди оскудели и затем ясак и поминков не заплатили", "наша братия остыки и татары бьют и грабят и запасы отнимают"⁵⁹).

Подачу многочисленных челобитных с явным подчеркиванием, а также преувеличением своих невзгод и исключающих возможность в полном объеме расплатиться с государством можно рассматривать как форму массового протesta коренных народов, противившихся установлению чуждого им административного режима. Грамота 1610 г., со ссылкой на японских "остяков", так повествует о бедах автохтонного населения. "...А у них де в их волостях половина ясашных людей становятся и увечных, и хромых, и безруких... И они де в том вконец похищены и людей своих перепродали; а промыслов у них нет никаких; а что ли у них и промыслу, что кормятца рыбой: которая добудут, то си, а коли не добудут, тогда голод терпят великой, и вскоре с женами и с детми наги и боси, а купить нечим, стали в конь нищите, и в долгах в конец погибли, и нашего ясаку платить невозможно"⁶⁰.

Русские воеводы указывали и на другие причины частых недобоев. "Посылали мы, государь, служилых людей по остыским волостям платить остыков на зверовые промыслы для твоего государева ясака поминков, но ходили немногие люди... да и те, которые ходили,

полного оклада не заплатили, потому что лучших зверей тайно дали торговым и всяким людям...⁶¹, "ясачные люди... за огур своим [уклонением от повинностей. - И.Д.] на промыслы ходите нята" ⁶². Эта версия о "природной лени" как подоплеке небедствий сибирских аборигенов впоследствии прочно войдет в нал официальных российских документов, в отечественную и заранную историографию⁶³.

Московское правительство XVII в., не желая накалять оновку в местах проживания автоктонов, обычно снисходительно силось к их холатиям: предоставляло "срок" (отсрочку) в латах, освобождало от повинностей "увечных", давало другие лабления, не меняя при этом основ сложившегося ясачного ре принципов и методов управления сибирскими народами. Характерская грамота верхотурским воеводам от 1622 г., говорившая "насилствах" в ясачных волостях, в результате чего "татаро-вагуличи бредут розно, потому что стали голодны". Однако в как и в других подобных ситуациях, верховную власть беспо прежде всего то, что "нашего ясаку платити ставится не че. Между тем за "измену" и "шатость" на коренное население обрушились кары вплоть до массовых казней и запрещения снимать с лица трупы⁶⁵.

По мере продвижения на восток, особенно в Бурятии. Преском крае, на Крайнем Севере, российские отряды встретили упорным сопротивлением местных жителей и нежеланием вступить в данические отношения. В записках служилых людей учащаются на то, что "улусные люди" оставались "сильны и непокорны", "них служилых людей побили", "в государеве ясаке отказали", "с нами дратися", "караулят руских людей и ясачных, и как схватывают, и тех людей всякими разными муками мучат, а в до смертью позорной кончают"⁶⁶. В ответ на обращение через поца-эвенка к людям бурятского "князца" Тоглоя о российском данстве казаки Верхоленского острожка услышали такую уприм⁶⁷.

В служебных документах к середине XVII в. появляются типичные для этой категории источников суждения о нравах и ха-

непокорных аборигенов. В отписке 1646 г. якутских воевод В. Н. Киккина и К. О. Супонева в Сибирский приказ поставлено под сомнение одно из главных требований центральных властей к освоению новых территорий - действовать преимущественно мирными средствами: "Ласки, государь, они иноземцы, не знают, потому что люди думают, что звери, где в зимовьях ласкою хто служилых или промышленных людей призовут и учнут их кормить без опасения, тех они людей замерти побивают, а ясачные зборщики с аманаты от них седят в зимовьях запершись..."⁶⁸

"Сын боярский" Петр Бекетов, направленный в 1652 г. в Забайкалье во главе отряда в 300 человек, необходимость такой многочисленной экспедиции объяснял "их иноземцев глупостью": "...Брачные и тунгусские люди, малоумны, глупы, как видят государевых служилых людей мало и они побивают государевых служилых людей"⁶⁹.

Кровопролитными сражениями с большими жертвами со стороны местного населения сопровождалось продвижение по Амуру известного землепроходца Ерофея Хабарова: "И мы в тех улусах многих людей побивали и ясырь имали... И мы их в пень рубили, и жен их и детей забили, и скот"⁷⁰.

Вообще отписка Ер. Хабарова походе в Даурию в 1651-1652 гг. заметно отличается от других аналогичных документов. Отдельные фрагменты скорее напоминают древнерусские воинские повести и сибирские летописи, чем донесения в официальные инстанции: "И молились Спасу, и Пречистой Богородице, и Николе Чудотворцу, и радеючи государю и помираючи за веру крещеную и не щадя лишилого, против государева недруга... аchan и дочер из пушек бил из мелкого оружия... и тех иноверцов многих побили. И нападе них, собак иноверцов, страх божий, и против царской грозы и боя боя стоять не могли и побежали врознь. И мы за ними побили, и в тыл их многих побили, и языков многих перехватили"⁷¹.

Такие выражения, как "собаки иноверцы", "свирепые дауры и не знающие", равно как и употребление вместо "иноземцы" - "иноверцы" и "языки" не характерно для источников служебного прошения. Вероятно, своеобразие описания Хабаровым местных народов объясняется не столько экстремальными условиями похода, сколько личностью самого землепроходца, его жизненным опытом и

литературными пристрастиями, а также особенностью экспедиций сившей преимущественно частный характер, хотя и пользовав поддержкой сибирских властей.

Что касается повседневных межэтнических контактов, налаживания хозяйственных связей, взаимодействия на бытовом уровне официальные документы редко затрагивали эту важную сферу сибирского общества.

Источники сохранили свидетельства того, что зауральские ригены, живущие по соседству с выходцами из Восточной Европы "русскому обычью навычны"⁷². Может быть, отголоском добрых взаимоотношений, установившихся на первых порах между представителями местного населения Приамурья, является рассказ информированного звенкийского "князца" о том, что "бородатые люди доуры" иногда называли "со всего обычая с русского", называют их "братьями" и любят видеть⁷³.

Заимствовалось, к сожалению, далеко не всегда лучшее и социальное. Источники отмечают пристрастие коренных жителей к алкоголю, курению, азартным играм. Так, специальная царская грамота 1636 г. запрещала верхотурским автохтонам играть зернью. Москвитинские власти беспокоило, конечно, не разрушение нравственных традиционного общества, а то, что туземцы проигрывают ясачную пушину и "промеж собою живет у них на зерни убийство"⁷⁴.

Официальные служебные документы показывают, какую роль в жизнеобеспечении сибирских аборигенов приобретали представители российского производства. Правительство особыми указами "дозволило" торговлю в отдаленных ясачных областях, а то и предписывало отправлять туда купцов для продажи товаров первой необходимости поскольку обитатели тех мест "без хлебных запасов с голода умрут, сукон с наготы с женами и с детми многие помирают, потому что русских деревень около их близко нет, хлеба и сукон купить некого..."⁷⁵.

Традиционный товарообмен с русскими людьми прочно вошел в быт коренных народов. Не случайно, когда в конце XVI в. запретили продажу "заповедных" изделий, которые могли использоваться в качестве оружия (топоры, ножи, пешни), это было направлено по хозяйственной деятельности аборигенов. "...Ни дровище,

татары... усечи нечим, ни на зверя, государь, засеки сделати без ножа не можно и нечим; а обуви, государь, сделати без ножа не можно же..." - "плачутца" зауральские ясачные татары и манси в любитных на высочайшее имя⁷⁶. Зависимость аборигенной экономики предметов русского изготовления возрастала и в результате политики самодержавия, приводившей к гипертрофированному развитию одних отраслей, прежде всего пушного промысла и упадку других, в целом к деформации традиционной культуры.

Налаживанию конструктивных контактов между русским и коренным населением способствовали их совместные действия по защите от бородючих "воровских" людей. Так, буряты в своих члобитных поддерживали, что они "против неприятельских людей бьютца, не щадя своих, с казаками заодно"⁷⁷. Тобольские татары призывали местную администрацию "стоять за одно" против калмыцких набегов, "наше "нам де и вам быть побитым, жены де наши и дети будут в полону"⁷⁸.

Взаимоотношения пришлых и местных народов порой выходили за рамки моральных и религиозных норм, принятых в Российском государстве. Об этом свидетельствуют, в частности, записки церковных епархов по поводу благочестия сибирской паства. Патриарх Филарет в грамоте 1622 г. негодовал на то, что "служилые и жилецкие" люди Сибири "в постные дни едят мясо и всякие скверны з бусорманы, с татарами, и с остяки и с вогуличи вместе, и которые люди ходят х ворякам и в иные земли для государевых дел, и те пьют и едят и скверные дела делают с поганскими за один, и с татарскими с оистяцкими и с вагулецкими поганскими женами смешающа и воряля делют, а иные живут с татарскими и некрещеными как есть с сими женами, и дети с ними приживают"⁷⁹. О подобных контактах в бытовой почве досносил позднее царю архиепископ Симеон: "После сибирь в 1643 году... тобольского города всяких чинов жилецкие живут в татарских юртах под горою и те православные христиане и жились и живут с татарами вместе, а живучи в татарских юртах христиане люди сквернятся: пьют и едят из одних сосудов и в пост с упиваются, с татарками живут блудно и детей приживают беззаконием, а татары с их христианскими женами живут тож блудно и детей приживают..."⁸⁰

В исследовательской литературе обращалось внимание на аборигенов в российских географических открытиях в Северной Азии⁸¹. Первичную информацию о незнакомом крае землепроходцы обычно получали от коренных жителей. Еще до отправления русских отрядов собирались начальные данные о путях сообщения, природе, богатствах и населении новых "землиц".

Со слов "брацкого татарина" Куштука дипломатическая миссия Ив. Петлина 1618-1619 гг. зафиксировала неясные пока известия о каменных городах, "жилых" деревнях и "кочевых" улусах на далёкой "великой реке", которую обычно отождествляют с Амуром. Кутузов изложил слухи, передававшиеся среди сибирского населения, о большой торговле обитателей тех мест с соседними странами и даже случае кораблекрушения купцов-мореплавателей: "...Бежало де с велико снизу... да набежало де на песок, так де ево и ро...⁸² Примерно в это же время сведения о "большой", "великой" реке поступили в тобольскую канцелярию от "князца" Илтика: "ходят де тою рекою суды большие, и колоколы де на них велеть, и звон де они слышат часто, и из пушек де с тех больших дов стреляют, а какие люди, и которых вер... не ведает...⁸³" Педиции Копылова-Москвитина в конце 30-х годов XVII в. от Иркутских юкагиров и охотских эвенов удалось получить уже значительно более достоверные и обширные данные о Приамурье⁸⁴. путем опроса туземных информаторов накапливались предварительные сведения об отдаленном крае, на которые потом опирались русские отряды, впервые вступившие в Даурю.

С помощью "вождей" и "толмачей" из местных жителей землемеры проникали в глубь Сибири, улаживали конфликты и завязывали контакты с коренными обитателями региона. По данным С. Е. Мостова, почти в каждую поисковую партию входило несколько, а иногда и десятки человек из аборигенных знатоков своего края⁸⁵. Потеря водников, например, явилась одной из главных причин, по которой отряд Ив. Москвитина не смог с Охотского побережья пробраться в Амур⁸⁶.

Инструкции требовали "распрашивать всяких иноземцев накануне про сторонные реки падучие... какие люди по тем сторонам рек живут, седячие ль, или кочевые, и хлеба у них и иная какая

... и серебренная руда, и медная, и свинцовая... и что хто
из вас в роспросе скажет, и то записывать именно"⁸⁷.

Такое взаимодействие с представителями сибирских народов уже
с этапе сбириания рекогносцировочной информации и разведочных
девдов, несомненно, влияло на складывание психологического наст-
орождения служилых людей на деловые конструктивные отношения с местными
народами.

В то же время общая практика колонизации Зауралья предусмат-
ривала сбор необходимых сведений всеми возможными средствами. На-
учники требовали содержать наиболее осведомленных аборигенов "с ве-
нчаным бережнем и с крепкой сторожей", допрашивать их "накрепко,
жестокими мерами, ласкою и грозой"⁸⁸, а в особых случаях "проводы-
вать впрям и заводом, из ума выводя и жесточью"⁸⁹. На то, что
погонщики проходцы не пренебрегали жестокими мерами, стремясь получить
у них данные, указывает, в частности, отписка Ерофея Хабарова
о ходе по Амуру вниз от Албазина в 1651-1652 гг.: "И яз. Яро-
фею, у тех языков спрашивал и огнем жег". "всяко их разгово-
ривал и жег, и они одно говорят, что де "отсеките наши
головы"⁹⁰.

Конфликты между русским и автохтонным населением случались
не только при первых насильственных проникновениях казачих отря-
дов на земли аборигенов и попытках привести их в подданство, но и
в процессе повседневных контактов. Особенно это касалось тех слу-
жилых, когда пришельцы вторгались в сферу хозяйственных интересов
местных жителей: выбивали животных в промысловых зонах, занимали
землю под пашню или пастбище и пр. Так, якутский воевода И. Ло-
бакий писал в 1657 г., что у олекминских скотоводов-якутов с
местными земледельцами "о сенных покосах беспрестани брань... да
и пашенные крестьяне хотят всегда якутов бить и увечить, а
и государю они пашенные на якутов, а якуты на них пашенных
бьют челом"⁹¹. Впрочем, споры из-за охотничьих мест, имущества
и бытовой почве были не редки и среди коренных народов⁹².

О формировании образа сибирского аборигена в среде служилого
персонала в определенной мере свидетельствует понятийный аппарат
официальных текстов. Служебные материалы конца XVI-первых де-
сятилетий XVII в. продолжают традицию летописной литературы пред-

шествующего времени, используя по отношению к зауральскому лению обозначения, характерные для различных слоев русского общества. В источниках по-прежнему преобладают конкретные называния территориальных или родоплеменных групп, но количество вестных локальных образований стало несравненно больше, чем еще ("тюменские татары", "пельмские вогуличи", "мангазейские еды", "наляндские тунгусы", "кондинские татары", "кетские ос и пр.).

Универсальным наименованием коренных жителей оставался мин "люди". Он применялся в сопряжении с названием этнической территории или принадлежности ("чатцкие люди", "матцкие люди", "кузнецкие люди", "колмацкие люди", "братцкие люди", "ты многие люди"), социального статуса ("служилые люди", "лутчи ди"), образа жизни и хозяйственного уклада ("кочевые люди", "дячие люди", "пешие и оленные люди"), а чаще всего с определенного функционального назначения, с которым связывали российские власти сибирских аборигенов ("ясачные" или "ясашные" люди). Кое распространение имело сочетание "улусные люди". В едином числе вместо "люди" слово "человек" употреблялось редко: "ты человек и есть ли у тебя родимцы?"⁹³.

В некоторых случаях в записках землепроходцев используется известное еще с древнерусских времен наименование зауральских аборигенов "языцами" - "языками". В церковных текстах, а также в документах светского характера прежнее обозначение языческого населения как "неверных" людей трансформировалось в понятие "верцы".

О проникновением русских отрядов в отдаленные районы Восточной Сибири примерно с 40-х годов XVII в. общеупотребительным становится термин "иноземцы" ("люди иноземцы", "ясачные иноземцы", "немирные неясачные иноземцы", "иноземцы-якуты" и пр.).

Е. П. Ковалышкина видит причину его распространения в государством аборигенных жителей как "иноземного" элемента. А. А. Люцидарская связывает появление обозначения с многонациональн составом служилых людей и переносом наработанных стереотипов восприятия выходцев из других земель на коренные этносы Урала⁹⁴.

Действительно, слово "иноземцы" по отношению к переселенцам европейских стран стало использоваться раньше, чем к автохтонам Сибири. В грамоте 1622 г., например, этим обобщенным понятием называли "литва" и "немцы", но на аборигенных жителей оно не применялось. они по-прежнему фигурируют под конкретными этнонимами⁹⁶. Упоминание на определенном этапе колонизации нового обозначения коренных народов прежде всего было, видимо, вызвано крайней отдалиностью от центра страны осваиваемых районов Северной Азии, попаданием в контакт с населением, которое в отличие от давно известных "тотар", "вогулич" и "остяков" было совершенно неизвестно русским людям. Не случайно термин "иноземцы" шире использовался применительно к автохтонным этносам не Западной, а Восточной Сибири и северо-востока.

В целом документальная лексика конца XVI-первых шести десятилетий XVII в. отражает общую эволюцию российского общества в сторону дифференциации различных сословных групп. Отсюда преобладание понятий типа "ясачные люди", "ясачные вогууличи" или, наоборот, "немирные неясачные иноземцы". Эту же тенденцию характеризует изменение прежнего "князь" на "князец", употребление вместо "люди" "мужики" ("лугчие ламутские мужики", "нарымские мужики"). Выделились также категории, как "ново-преданны". Под последними понимались аборигены, принимавшие христианскую религию и получавшие в этом материальное вознаграждение, ряд налоговых и других льгот.

Обратим внимание на то, что все приведенные выше термины не имели никаких-либо оценочно-пренебрежительных, а тем более уничижительных оттенков. Они фиксировали реальную этническую или территориально-административную принадлежность аборигенов, определяли место среди других податных сословий, указывали на отличительные особенности той или иной группы коренного населения. Показательно, что, повествуя о восстаниях и других формах протеста сибирских автохтонов, источники используют те же характеристики. И при подобных действиях русских подданных ("воровские люди", "воровники").

К вопросам возникновения, эволюции и трансформации этнопсихологических стереотипов, которые в практике общения между наро-

дами порой играют определяющую роль, в последнее время обращаются многие зарубежные и отечественные авторы. В историографии обсуждаются механизмы зарождения и причины устойчивости образов "чужого" ("не нашего") мира, их структура, адекватность отражения действительности и другие сюжеты⁹⁷.

Этнические представления содержат информацию как минимум о двух различных реальностях: о народе, образ которого формируется у наблюдателя и о самом носителе стереотипа, отбирающего из многообразия одни факты, исказяющего другие и игнорирующего третьи⁹⁸. В зависимости от обоснованности и полноты представлений исследователи подразделяют их в иерархическом порядке: первых, на этнические предубеждения, не опирающиеся на объективные факты, во-вторых, на "стереотипы", складывающиеся под влиянием предубеждений, в-третьих, на полные представления или "образы" в подлинном смысле этого слова, и наконец, в-четвертых, на "илем" или "инея", основанные на фактах и способные преодолеть предрассудки и тенденциозность⁹⁹.

Исследователи отмечают, что для европейского средневекового раннего нового времени типично враждебное отношение к другим народам, особенно если имелись в виду люди иных конфессий, языков, более язычники¹⁰⁰. В таком случае применительно к российской Сибири, вероятно, можно говорить о своеобразии межэтнических симпатий и их отличии от западноевропейских стандартов¹⁰¹. Документальные источники дают основание для утверждения, что образ ясачного пограничника не перерастал, как это имело место в колонизации других частей света¹⁰² в образ "нечеловека", "гомункула", врага. Легендарные служебные документы носила нейтральный характер, способствовавшие налаживанию делового взаимодействия различных категорий сибирского населения и не вызывала враждебно-негативных ассоциаций (хотя бы такое сочетание, как "люди иноземцы"). Не случайно, в родном сознании впоследствии утвердилось представление о миролюбивом характере покорения Зауральских жителей¹⁰³.

В литературе обращалось внимание на то, что определенную роль в формировании в Сибири XVII в. благоприятного психологического климата, способствовавшего межэтническому общению и верности, играл неоднородный состав населения городских центров.

Промеж русских людей там проживали выходцы из Средней Азии ("бу-брин"), Речи Посполитой ("литва") и других стран Восточной и Западной Европы ("черкасы", "немцы"), а также служилые татары и представители прочих местных народов, принявшие крещение и постанные в службу¹⁰⁵.

Следует иметь в виду, что российскому продвижению в глубь Сибирской Азии предшествовали многовековые контакты с североевропейскими, уральскими и западносибирскими автохтонами, с обитателями Великой степи, татаро-монгольскими ордами и их преемниками. Правдиво, обширная новая информация о народах накладывалась на уже имевшиеся этнические представления, дополняя и корректируя их, но не формируя заново. В этой связи вряд ли возможно "без колебаний" сопоставить расширение этнографического кругозора русских землепроходцев с тем мировоззренческим переворотом, который произошел в Западной Европе после великих географических открытий и знакомством с чуждыми европейскому миру культурами¹⁰⁶.

В заключение отметим, что отношения центральной власти, сибирской администрации, рядовых русских людей с коренными обитателями края нельзя свести к какой-то единой однозначной линии. Служебные документы свидетельствуют о богатстве и противоречивости этих связей, широком спектре взаимодействия от враждебных, военных акций до тесного хозяйственного и даже бытового сближения. Понятно, не приходится говорить о каком-либо исследовательском интересе и глубоком осмыслиении европейскими переселенцами аборигенного быта и образа жизни. По наблюдениям этнографов, и в наше время полуоседлая культура сибирских автохтонов как ценностная система, основанная на присваивающем хозяйстве, остается мало понятной для русского человека¹⁰⁷. Впрочем, тема, связанная с изучением межэтнических взаимоотношений, как и вообще межличностных контактов, чрезвычайно сложна, только начинает разрабатываться в историческом сибиреведении и требует дальнейших исследований.

Документальные источники являются важной составляющей частью историографии коренных народов Сибири XVII в. Вызванные к жизни политикой Российского государства на востоке, они содержат бога-

тейшую информацию о различных сторонах природной и обществе жизни в Сибири.

Служебный характер материалов, в том числе и записок земроходцев, обусловил их структурную четкость, стремление автор достоверности и конкретности изложения, строго очерчивал вопросов, подлежащих обязательному выяснению. В то же время данные выше параметры устанавливали ограничения в отборе материала и направлении наблюдений, не стимулировали выражение сральных идей и суждений.

В общем потоке информации в качестве обязательного элем присутствовали сведения об аборигенном населении. Они были необходимы на стадии проникновения в новые районы и при дальнем обживании и освоении сибирских земель.

Официальные документы показывают, что в отношениях с местными народами преобладал принцип целесообразности, а не религий, просветительский или иной фактор. Утилитарные задачи определили тот набор сведений о хозяйстве, социальном устройстве, ваниях и других сторонах жизнедеятельности автохтонов, что ожился в источниках. Материалы о народах конца XVI-первых десятилетий XVII в. по сравнению с предшествующим периодом, чрезвычайно обширны, они отразили "этнокультурное и этносоциальное многообразие человеческих форм" в масштабе сибирского региона и до сих пор еще не исчерпаны историко-этнографической наукой.

С историографических позиций авторы документальных источников характеризуются прежде всего как добросовестные фиксы увиденного и услышанного. Причем землепроходцы зачастую регистрировали не существенные и определяющие параметры аборигенной культуры, а внешние стороны тех или иных событий и явлений. Предмет внимания служилых людей становились главным образом те стороны аборигенного бытия, которые непосредственно соприкасались с интересами Московского государства и русского населения. Отписи, другие документы, как правило, были составлены в реалистичных тонах и лишены расовой, этнической или религиозной предвзятости.

Основными методами познания народов в конце XVI-первых десятилетий XVII в. являлись визуальный осмотр и опрос местных жителей. Они предполагали большую роль личности самих землепроходцев.

предшествующего опыта и образования, черт характера и отношения к делу. Отсюда отмеченная в литературе индивидуальность и неповторимый колорит каждой отписки, "скаски", доезда.

Многое зависело также и от информаторов из коренного населения, их осведомленности, желания вступать в контакт и умения достести свои наблюдения до сознания русских людей. Применительно к XVII в., вероятно, можно говорить о сложившихся приемах опроса местных жителей, конкретных формах сбора меморандумов, достаточно полном и многократно опробованном наборе вопросных пунктов. Современные этические нормы и кодексы интервьюера, конечно, были наведомы землепроходцам прошлого. И хотя предписания постоянно и очень настойчиво предлагали служилым людям добиваться необходимых сведений от коренного населения "лаской и приветом", утвердившаяся в инструкциях и практических действиях формула "роспрашивать накрепко, всякими мерами, лаской и грозой", допускала различные меры воздействия на аборигенов.

Наряду с природно-климатическими трудностями участникам поисковых партий приходилось преодолевать языковой барьер, существенно снижавший возможности взаимного общения. Кроме того, необходимо иметь в виду различия в бытовых укладах, религиозных верованиях и миропонимании русского и коренных народов. Однако эти важные обстоятельства при контактах с местными жителями учитывались далеко не всегда. Стремление подойти к сибирским аборигенам с мерами русского общества XVII в., непонимание их особого менталитета было, пожалуй, слабой стороной не только служебных документов, но и в целом системы взаимоотношений представителей Российской Государственности с Зауральскими автохтонами.

Записки землепроходцев - это, безусловно, еще донаучный период развития представлений о народах. От прежних источников их отличает полнота и достоверность данных, а также целеобразующий ("программный") фактор. От ряда сочинений конца XVII-XVIII вв. они отличаются отсутствием интереса к происхождению, внутренней сути и взаимообусловленности явлений, не разработанностью задач и принципов систематизации и обобщения материала. Характеризовать служилых людей как "исследователей" Сибири, что порой встречается в литературе, можно только в плане их донаучной, хотя

чрезвычайно важной и масштабной работы по собиранию источников

В то же время правомочно применять сложившийся в историографии, но полностью не раскрытый штамп, что записки землепроходца — это фундамент всего последующего знания о Сибири¹⁰⁹. На взгляд, нужно иметь в виду не только складывание источниковой базы, но и освоение самого поля будущих научных изысканий, устalение таких основ взаимоотношений с аборигенами, которые создали условия для дальнейшего объективного научного анализа. Ва предстаиваетя наработка методов познания аборигенов. Следует обратить внимание и на преемственность в сборе информации властными структурами и служилыми людьми XVII в., на стремление наказов отписок учесть все доступные, в том числе и предшествующие свидания о том или ином регионе и народе. Наконец, сам характер документальных текстов, лишенных мистической окраски, структура четкость, достоверность и терминологическая определенность прращали их в благодатный материал для последующего использования научных целях.

§ 2. Коренные обитатели Сибири в литературно-исторических сочинениях

Обзор источников

Сведения о коренных народах Сибири в литературно-исторических произведениях конца XVI-первых шести десятилетий XVII в. и немногочисленны, но заслуживают тщательного изучения, поскольку характеризуют важнейшие течения общественно-исторической эпохи того времени, восходящие к предшествующей летописной традиции, предваряющие историко-этнографические описания последующей эпохи.

Исторические повествования о походе Ермака и присоединении западносибирских земель к Российскому государству получили в историографии условное название "сибирских летописей"¹. Вопрос о их соотношении, датировке, протографах и источниках породили длительную полемику и остаются дискуссионными в наши дни. Не избавиваясь подробно на существующих разногласиях, имея в виду наличие специальных исследований², обозначим те литературные

им, к которым будем обращаться при освещении нашей темы.

Начальным звеном в серии официальной (есиповской) линии сибирского летописания по распространенной в настоящее время версии считается Румянцевский летописец или повесть "О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии" (иногда употребляется краткое название "О Сибири"³). По другой концепции Румянцевский летописец рассматривается как сокращенный вариант Есиповской летописи⁴. Со сюжетный сюжет повести "О Сибири" дополнен новыми свидетельствами и своеобразной трактовкой в Бузуновском летописце, созданном, по мнению Е. И. Дергачевой-Скоп, в конце 30-х годов XVII в.⁵

Есиповская летопись Основной редакции составлена в 1636 г. ником Тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым. Основными источниками этого труда были "Синодик Ермаковым казакам", подготовленный в 1622 г. по повелению первого сибирского архиепископа Никиана с помощью ветеранов экспедиции Ермака и, по трактовке В. В. Бахрушина, "Написание како прииодаша в Сибирь..." самих казаков - участников похода во владения Кучума⁶. Согласно иной точки зрения, С. Есипов использовал не казачье "Написание", а какую-то другую раннюю летопись⁷.

Близок к Есиповской повести Погодинский летописец, который Е. И. Дергачева-Скоп датирует 50-ми годами XVII в., а, по предположению Е. К. Ромодановской, его прототипом послужило "Написание" одного из ермаковских казаков 1600-1601 гг.⁸ Идейное сходство с произведением С. Есипова и даже ряд текстуальных заимствований выраживает "Повесть о городах Таре и Тюмени", созданная во второй половине 30-начале 40-х годов и посвященная восстанию ссыльных "литовцев" и нападению порубежных степных народов и "отбегших" татар на русские административные центры в 1634-1635 гг.⁹

Концептуально от есиповской группы памятников отличается Строгановская летопись, которая была подготовлена в вотчине тор-фабрико-промышленного рода Строгановых, по мнению одних исследователей в 30-40-х годах XVII в.¹⁰ или даже раньше¹¹, по версии других в конце 60-начале 70-х годов¹².

Интересные данные о народах Сибири содержит Хронографическая повесть "О победе на бесерменского сибирского царя Кучума..." из так называемого "Хронографа, разделенного на 410 глав", состав-

ленного в 50-60-е годы XVII в.¹³ Е.И. Дергачева-Скоп сближает Хронографическую повесть с Румянцевским летописцем и "Синод Ермаковым казакам". и датирует концом 20-х годов XVII в.¹⁴ Андреев сибирские статьи Хронографа относит к середине 40-х годов¹⁵.

Неповторимым своеобразием отличается Кунгурский летописец ("Летопись сибирская краткая кунгурская"). Фрагменты из него привелись в единственном списке в составе "Истории Сибирской" Ремезова. Все исследователи подчеркивают демократический характер произведения, насыщенного устными сюжетами и фольклорными мотивами. Считается, что автором Кунгурского летописца был выходец из окружения М. Строганова, использовавший рассказы (или даже записи) участника самого похода Ермака¹⁶. В.И. Сергеев датирует летописец 1592-1593 гг.¹⁷, Е.И. Дергачева-Скоп - не позднее 20-40-х годов XVII в.¹⁸. Д.С. Лихачев отмечает очень ранний источник Кунгурской летописи и в то же время обращает внимание на следы поздней языковой переработки начала XVIII в.¹⁹ По определению Бахрушина, памятник "разнообразен, интересен и загадочен"²⁰.

Демократические черты присущие Пинежскому летописцу, которые А.И. Коланев датирует серединой XVII в.²¹

В круг летописных текстов о покорении Зауралья обычно включают статью "О взятии царства Сибирского" в "Новом летописце" относящемуся к 30-м годам XVII в.²² Однако данных об аборигенах обитателях края там очень мало.

Некоторые сведения о коренном населении Сибири включают так называемые космографии - трактаты по географии Земного шара, содержащие переработку трудов голландского картографа и географа Г. Меркатора, польского историка и географа М. Бельского, "Записок о Московии" С. Герберштейна и других европейских авторов, а также материалы русского происхождения²³.

Оригинальные известия о древних и современных народах Сибири содержат и другие не летописные литературные произведения прошедшие десятилетий XVII в. Это автобиографическое "Житие протоиерея Аввакума"²⁴, подготовленное одним из самых известных деятелей церковного раскола после сибирской ссылки 1653-1662 гг.²⁵ и сведение под заглавием "Ведомость о Китайской земле и о Глубокой

составленное в 1668-1669 гг. в Тобольске при участии воеводы П. И. Годунова²⁷.

Для понимания особенностей освещения аборигенного населения сибирских летописях и, в частности, в текстах есиповской группы стоит отметить, что общественное сознание и русская литература XVII в. во многом еще находились во власти средневековых устоев, выделяясь авторитарным провиденциально-синтетическим традициями²⁸. В Сибири идеологические позиции церкви были особенно сильны²⁹. Кроме того, центром литературного творчества являлся здесь Тобольский архиерейский дом Святой Софии³⁰, а у истоков местного официального летописания стоял первый сибирский архиепископ Киприан, по инициативе которого был подготовлен "Синодик Ермаковым именем"³¹. Впоследствии историко-литературная работа продолжалась его преемниками, получив особое развитие в 30-е годы при архиепископе Нектарии, когда создавалась Есиповская повесть.

Официальное сибирское летописание, вышедшее из церковного канона рассматривало "взятие" нового обширного края в духе определенной религиозно-этической концепции. Оно возвеличивало християнский подвиг Ермака и его дружины, выступивших против "поганства" за утверждение власти православного царя. Сведения о местных жителях излагались в соответствии с идеей христианского просвещения, получали богословско-моралистическую оценку, призваны были обличить "неверие" язычников и мусульман.

Расселение и особенности культуры

Летописи, близкие к Есиповской, открывают кратким географическим описанием "страны Сибирской", в которой реки "горькие", воды "сладкие", земля "скотопитальная", а птицы "копеечные". Румянцевский летописец в вводной части приводит краткие сведения о расселении, религиозных воззрениях, питании и обычаях народов Зауралья: "И река Тура, по ней же живут вагуличи, они имеют свой, поклоняются идолом. ...По ней же живут татаровя. ...Внеде в реку Тобол; Тобол же внеде в реку Иртиш своим берегом, а Иртиш внеде в реку Обь. По сих реках живут татаровя, монголы, Легая орда, остыки, самоеды и прочии языцы. То-

тарове закон держат Бахметев; колмаки же неведамо кой закон жат или отцов своих предание, понеже писания о сем не обрето испытати не могох. Легая же орда и остяки и самоедъ закон имеют, но идолом поклоняются и жертвы приносят. Зверина же гадска мяса ядят, и кровь пьют, яко воду, и корение ядят. Ос же одежду имеют от рыб, самоядъ же от еленей¹.

Самостоятельного значения данные об аборигенных обитат края для составителей летописных текстов, очевидно, не имели. лишь фон, предваряющий последующие события и призванный отт благочестивые деяния Ермака и возвысить значимость христианс просвещения Сибири. Не случайно, Погодинский летописец из вводного описания местных жителей оставляет лишь первую фрагментуличах и придает ей оценочное звучание, назвав идов "без ними"².

В Есиповской летописи Основной редакции сведения о коре населении не выходят за круг сообщений повести "О Сибири" с ким дополнением о способах передвижения жителей Севера: "Есть остатки на псах, самоядъ же на оленех"³. Однако позитивные мат алы у С. Есипова тонут в потоке богословской риторики: "П же орда и остяки, и самояды закона не имеют, но идолом покланя и жертвы приносят, яко богу, волшебною же хитростию правяще своя всуе; понеже егда приносят дары кумиром своим, тогда же лят, яко сего ради приносит, яко подаст ему кумир он [вся мя в дому] его. Во истинну и скотом [не] уподоби[ли]ся сии люд скот бо аще и без[с]ловесно есть, богом не велено ясти ему, яст зверя, или птицы, или траву сенну. Сии же человечы не уп биша сим, понеже бога, [иже] суть на небесех, не ведающе ни коня, [е]же от поведающих им слышаще, не приемлюще. Сыроя зверина же и гад[ска]я мяса снедающе, скверна и кровь пияху, воду, от животных, и траву и корение едяху⁴.

Абрамовский вид Есиповской летописи, составленный прибли тельно в середине XVII в., конкретизирует известия Основной редакции о сыроядцах, питающихся "зверским и гадским" мясом, конкретизирует отдельным сообщением о пище "самояди", что "ядят о и всякой зверь и гад". Кроме того, источник дополняет упомин С. Есипова о способах передвижения реалистическим описа

транспортных средств: "...Остаки ездят на псах, впряжены быкуют +
корти, на далное разстояние; самоядь же ездят на оленях, впряжены
быкуют в санки, а сани делают, как человеку можно сесть, от земли
шиною в полчеловека"⁵.

В основной части сибирских летописей специальные сведения
южных народах крайне немногочисленны. Они носят попутный ха-
рактер и связаны, как правило, с обличительной характеристикой
"Омсовской" веры аборигенов, описанием военных стычек и сбором
 данни с местных жителей. Строгановская повесть перечисляет такие
 "инородные языцы" как татары, остяки, калмыки, самоеды, Пегая ор-
 да, указав и на "многия незнамыя языцы - кийждо собою властвова-
 лу"⁶.

В летописных произведениях отмечается, что противники Ермака
 устраивали лесные засеки⁷ и речные переправы⁸, преграждали путь в
 ущельях рек веревками, крючьями и цепями⁹. "готовляху" мечи и
 "тиочисленная стрелы", которые "падаху аки дождь"¹⁰, устремлялись
 на казаков "овии пеши; иини на конех"¹¹, отступали своим лыжным и
 шортенным путем¹². В походе русские воины торговали и собирали с
 Атюхтонов ясак пушниной, кормились от их "ловитв" рыбой, мясом и
 птицей, пополняли свои запасы овощей и жита¹³.

Летописцы упоминают о существовавших в Западной Сибири этно-
 территориальных объединениях и поселенческих комплексах: волос-
 тях, улусах, юртах, градах, городках и пр. Они обычно отличают,
 но что уже обращалось внимание в литературе¹⁴, крупные админист-
 ративные центры - грады от обычных укреплений аборигенов (город-
 ком, городищ, острожков). Градами (городами) источники всегда из-
 деляют "началние" столицы Сибирь и Чингиден, а также употребляют
 этот термин в тех случаях, когда хотят подчеркнуть масштабность
 поселения ("и город их велик и крепок", "грады каменные и великие
 долаты")¹⁵.

В отличие от других летописей специальные оригинальные дан-
 ные географо-этнографического характера приведены в Хронографи-
 ческой повести в завершение собственно исторического списания. В
 частности, там представлены сообщения о некоторых сибирских горо-
 дах, транспортных путях, чудесной птице фламинго и нах.дз.ах ксе-
 то мамонта.

Автор перечисляет также ряд этнотерриториальных и родоплеменных образований Западной и Восточной Сибири, многие из которых тяготеют к району Среднего и Верхнего Енисея: "В том же Сибирском царстве живут люди разноязычные: первые - татаровия, также - вогуличи, остыки, самоядь, лопане, тунгусы, киргизы, колмаки, якуты, мундуки, шиляги, гаритили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моты, точинцы, саянцы, чаландасцы, камасирцы и иных много разноязычных людей в том великопротяжном Сибирском царстве"¹⁶.

Лопане - это, вероятно, лопари - саамы, населявшие европейский север, шиляги - эвенкийское родоплеменное объединение¹⁷. Камасирцы - самодийскоязычные камасинцы, а гаритилей С.А. Токар связывал с эвенкийской группой горагир (горагил)¹⁸. Расположение большинства других "языков" уточняется в последующих фрагментах Хронографической повести: "Река, ей же имя Тура... по ней - яз. вогульский", "...По Иртишу языцы татарской, колмацкой; колмаци люди кочуют по иным рекам сибирским"¹⁹. Последняя фраза относится, вероятно, к тем обретам, предкам современных калмыков, чьи под давлением Алтынханов Халхи - Монголии, казахских и турфанских правителей приняли в начале XVII в. российское подданство и заняли степные места по Иртышу, Тоболу, Оми и Ишиму, постепенно сдвигаясь на запад, в низовья Волги²⁰.

"По Обе - языцы остыцкой, Легия орды. В Кондинской земле острог кондинских князей, зовомый Кода; град Сургут, тако бо место то зовомо от древних: Нарымской острог, звавшаяся по языку Легия орды"²¹. Судя по этому отрывку, автор описания не смешивал хант и манси с селькупами "Легия орды", расселявшихся в районе Нары и отличавшихся по языку от других "остяков".

"Град... Березов... в прежния лета живяху ту люди пермскаго языка..."²² В летописи зафиксирован факт постройки города Березова на месте дорусского поселения. Не исключено, что упоминание людях "пермского языка" свидетельствует о существовании давних торговых факторий коми-зырян в низовьях Оби.

"На той же реке Тазу - град, зовомый Тазовской, и паки Магазея, сиречь Самоядцкая земля, по той реке и во всей поморье язык самоядцкой"²³. Летописец традиционно характеризует Мангейскую область как целиком "самоядцкую". Более поздние инфиль-

трации туда кетских и селькупских элементов остались вне поля зрения источника.

"По реке Енисее языы имбатцкой, земшанской, сымской, тунгусской"²⁴. Речь здесь идет о тунгусоязычных эвенках и родовых или территориальных группах кетов бассейна Среднего Енисея: имбатах (инбатах), земшаках и сымах²⁵. "В Енисею же реку течет река Кемь, а по ней - языы: аринской, маторской, точинской... Да в Енисей же реку течет река Кан, по ней же языы чаландасской... [по реке Лене] язык якутцкой"²⁶. В данном тексте наряду с якутами и неидентифицированными чаландасцами упоминаются кетоязычные аринцы и самодийскоязычные маторы и точи²⁷.

Вероятно, в распоряжении автора Хронографической повести был какой-то современный ему источник, скорее всего, чертежная роспись или другой документальный материал о бассейне Среднего и Верхнего Енисея и части Восточной Сибири, который он объединил с общизвестными сведениями о татарах, Пегой орде и пр. На разнородную источниковую базу описания указывает также то обстоятельство, что летописец не уточняет расположение некоторых этнических образований, и особенно завершающая констатация: "Всех же языков в Сибирском царстве числом 17"²⁸. На самом деле в рассказе речь идет о двадцати (с селькупами "Пегой орды" - двадцати одной) этнотERRиториальных или родоплеменных группах.

"Книга глаголемая космография", созданная в 1637 г. на основании трудов Г. Меркатора²⁹, приводит краткие обобщенные сведения о проживавших "во жребии Симове" "зверообразных людях" Сибирского царства, обращая особое внимание на пушной промысел коренных народов ("добывают же и продают драгие звери соболи, куницы, бобры, лисицы и белки множество"³⁰). Эти же данные о "диких людях, потому что живут по лесам и по рекам великим, и питаются зверем и рыбой кроме хлеба, ядят кровавое и сырое, веры и грамоты не имеют" повторяет так называемая "Космография из 76 глав", опубликованная по списку 1670 г.³¹. В другом трактате, составленном во второй четверти XVII в., известия европейских писателей о "злате Еабе" и "Артарии" соединены с русскими, близкими к летописным, высказываниями о "земле бисерменской" и "языцах агарянских"³².

Авторы литературно-исторических произведений, несомненно,

имели представление о языковой и культурной неоднородности какого населения, о чем свидетельствуют краткие указания на особенности хозяйства и быта некоторых народов в сочинениях Есиповской группы или подробный перечень "языков" в Хронографической повести. Однако задача прославления действий русских дружин и обведения христианско-просветительской миссии православного царя приводила к обобщенной, чаще всего негативной характеристики акцентированию "зверообразного" характера аборигенных культур.

Религиозные верования

Многие высказывания сибирских летописей о местных народах, как уже отмечалось, касались религиозных воззрений аборигенов, были связаны с идеологической направленностью повествований.

Произведения Есиповской группы фиксируют в Сибири на трех нехристианских верований. Это ислам ("закон Моаметов"), который исповедовали Кучум и его татарские подданные, язычество большинства других коренных жителей ("закона не имеют, но идукты поклоняются")¹ и, наконец, буддизм-ламаизм калмыков. С помощью религии летописцы были знакомы плохо и дать ей определение было трудно ("колмаки же неведомо кой закон держат или отцов предание")². Лишь автор Хронографической повести проявляет большую осведомленность, сохранив при этом общую негативную оценку языческого христианству воззрений: "...А колмацкий язык приемлют и от лам Китайского царства: ходят в суете ума их"³.

Погодинская, Строгановская и Кунгурская летописи четко разграничения между язычеством и исламом не проводят. Погодинский летописец в разделе "О вере царя Кучума" ограничивается указанием на закон "Моаметя проклятого", опустив сведения о веровании мусульманского населения⁴. В последующих эпизодах повествования явно смешиваются разные религиозные обряды: "Тако бо тогда придиша окаянных бесермен за их идоложертвие и кумиро служени "царь же Кучум... повеле мурзам своим кликати скверную свою литву и призывати на помощь скверные и проклятие свои идолы", прославиша и благодариша бога, давшаго такову победу на окаянном идолопоклонник, на огарян, яко бежаша множество их поганых от логиленаго [войнства]..."⁵.

Строгановская летопись свой благочестивый гнев направляет прежде всего против мусульманских воззрений сторонников Кучума. Автору произведения, безусловно, известно, что кроме закона "Моа-Итова" местные жители поклонялись идолам и "жертву приносяще бе-фом"⁶. Однако по ходу изложения он предпочитает использовать обобщенные антиисламские эпитеты: "поганые и безбожные бесурманы", "нечестивые басурмане", "окаянний варвари", "нечестивые и безбожные агараны", "поганые супостаты и безбожные агаряне" и т.п.⁷ Если Погодинский летописец приписывает мусульманским обрядам идололожение, то Строгановская повесть прямо не связывает Ислам с языческими культурами: "...Повеле царь [Кучум] муллам своим кликати скверную свою и бесурманскую молитву и призывати на помощь скверныя своя боги"⁸. Наоборот, стереотипные определения мусульманской веры повествование распространяет на язычество. Так, рассказывая о сокрушении казачими пушками остяцкого божества, автор называет его "бесурманским кумиром", а самих идолопоклонников - "погаными агарянами"⁹. Стремясь подчеркнуть величие победы православной России над мусульманским воинством Сибири, Строгановская летопись фактически причисляет к последним и языческие народы Зауралья: "...По покорении всех нечестивых поганых татар, ботяков, остяков, вогуличъ и иных многих бесурманских язык..."¹⁰.

Почти все памятники сибирского летописания, касаясь нехристианских конфессий прибегают к негативным оценкам и обличительным характеристикам. Наиболее ярко провиденциальные мотивы представлены в сочинении Саввы Есипова, который, несомненно, воспринял их, прямо или через посредство других сочинений - из богословской и агиографической литературы.

Тема борьбы с языческой религией полнее всего раскрыта в Церковных текстах и, в частности, в житийных произведениях. Мы видели, что на ниве миссионерской деятельности ореал святыни онискдал себе Стефан Пермский. В середине XVII в. было составлено жизнеописание другого поборника христианской веры Трифона Вятского. Во времена отшельничества он поселился близ "молбища" сильвениских манси, которые "по своей поганской вере идолския жертвы творити под древом". Проникнувшись идеей пагубности "нечестивого" места, православный подвижник, подобно Стефану, разрушившему Пермскую кумирницу, срубил "диявольское" дерево, а жертвенные

"бесовские" вещи уничтожил¹¹.

Мотивы противоборства с чуждыми христианству религиями утствуют и в других русских литературных сочинениях. Так, в "янской истории" середины 60-х годов XVI в. клеймится язычник что "жруще бесу" на своем "молбище" и мусульмане, поклоняющиеся "скверному Махмету"¹².

В Есиповской летописи также утверждалось, что анафеме поджат как сторонники "Маометовых заповедей", так и идолопоклонники¹³. В лице русских казачьих дружин, по трактовке архиепископа кого дьяка, на "поганих" обрушился праведный божественный г "...[От сих] идолопоклонник отврати бог лице свое идол раб жертв их кровных и казни их, ни гладом же, ни мором, ни огнем гий, ни камением побивая, но сопротив послы меч обояду остр, тиная и пядая и тли предавая бесовская идоложертвия и их поклонники и служители"¹⁴. Вслед за "Синодиком Ермаковым казакам Есипов рассматривает Ермака как христианского подвижника, подвижника истинной веры, выступившего против "бесерменского царя Кана" и уничтожившего "богомерских и нечестивых капища"¹⁵.

В свою очередь, один из главных результатов "сибирского чтия", он видит в том, что "отпаде бесовская служба, и трах идолская сокрушишася", "и мнози невернии, уведевше християн веру, крестиша во имя отца и сына и святаго духа и от нее бысть верни"¹⁶. Сходные оценки присутствуют и в других произведениях официального толка. Так, русский патриарх Иов в "Повести житии царя Феодора Иоанновича", созданный до 1604 г., основывая заслугу монарха в сибирских делах связывал с тем, что "живущий злочестивых сыроядцев себе рабы сотвори... и тамо нечисти бесовская службы вся рязорив... божественные церкви созда и нечестие велие царьским его правлением устроися..."¹⁷. Написано значительно позже, в середине 70-х годов XVII в., знаменитый чатный труд по истории "Синопсис" значение присоединения новых территорий к России также прежде всего сводит к тому, что "многое множество" людей обратилось к православной вере¹⁸.

Хронографическая повесть, завершив перечисление аборигенных групп, вводит ряд этнографических деталей, касавшихся религиозных групп коренного населения: "...Овни бо кланяются каменю,

Р медведю, ини же древиу, ини птицам. Створше бо от дыниши и звери, и змеи, и сим поклоняются¹⁹. Позиция автора и произведения близка к официальной, однако, следуя той же обличительной линии, он в отличие от богословских мудрствований С. Епифания выкидывавшего "сыродядцам" даже в сопоставлении с представителями противного мира ("скотом [не] уподоби[ли]ся сии людие")²⁰, находит, прибегает к более простому и понятному сравнению язычников и язычества: "Сии же людие, аще и подобни образом человеком, в рабом и житием подобни зверем, не имеют бо закона"²¹. Что касается общих итогов сибирской эпопеи, то их оценка в Хронографической повести почти дословно совпадает с умозаключениями памятника Симеоновского толка: "И мнози невернии в веру приидоша, и крестиши си, и явившася от неверных мнози вернии"²².

Подобные сентенции встречаются и в Строгановской летописи: "Индицы же сие вси невернии, яко покори их господь Богъ под ноги православных царей и подклонени быша под их царскую высокую руку. Мнози невернии языцы покориша и оставилше свою богомерскую бестурманскую веру и нечестивыя и поганыя боги и идолы, приходяшу в святое крещение с женами и з детми и приемаху печать дара Духа Святаго. И живяху в православной христианской вере, и государи им служаю верно и неизменно, и на нечестивыя бестурманы вкупе и помогающе, и сами государю всегда дань дающе"²³. Значение миссии Ермака, однако, не сводится здесь к решению христианско-просветительской задачи, а понимается с учетом необходимости обороны южных рубежей страны от притязаний Кучума, перспектив ясачного положения населения и служит обоснованию роли семейства Строгановых в "сибирском взятии".

Описания верований местных народов в Кунгурской повести значительно отличаются от других летописных текстов. Прежде всего привлекут внимание, что такие сюжеты органично входят в структуру произведения, несут самостоятельную смысловую нагрузку, а не являются лишь средством для идеологической дискредитации неверных. Более того, эти материалы почти лишены обличительной окраски и очевидных признаков.

В дошедших до нас фрагментах повествования речь идет исключительно о языческих культурах, а о мусульманской религии, очерчен-

нию которой уделяют большое внимание другие сибирские летописи, здесь практически не упоминается. Сведения о верованиях коренного населения переданы в форме непрятязательных народных сказаний лишенных церковно-книжной назидательности, но впитавших разные фольклорные мотивы²⁴.

В Кунгурской повести приводится одна из версий хорошо известной нам по западно-европейским и русским книжным памятникам легенды о Золотой бабе. Казачий пятидесятник Богдан Брязга, равшийся до пустынной местности Белогорье на Оби, будто бы оружил "молбище большее богыне древней: нага с сыном на стуле сидящая, приемлюще дары от своих. И дающе ей статки во всяком проце, а иже кто по обету не даст, мучит и томит, а хто принесет леючи к ней, тот пред нею пад, умрет, имяше бо жрение и съезд ликий"²⁵. Данный рассказ о "богыне древней" скорее всего не юного, а фольклорного происхождения. Не случайно, другие сибирские летописцы, обладавшие большей литературной эрудицией, об этом жестве не упоминают. Вероятно, рассматриваемый образ восходит к доермаковской эпохе, к устным сказаниям Северного Урала, откуда, как считают исследователи, автор Кунгурской повести и помещали Золотую бабу ранние письменные источники.

Обращает на себя внимание безусловная вера летописца в существование "богыни" и одновременно его знакомство с тем очевидным фактом, что отряды Ермака ее в Сибири не встретили. Любопытно, что православный писатель это противоречие объясняет претивными действиями языческого божества: "Егда же вниде им в приезд Богдана, велела спрятати ся, и всем бежати; и многое существо кумирское спряташа и до сего дни"²⁶.

В другом месте русские воины наткнулись на "котельных таньшиков", собиравших со всей округи ("со всех юрт") жертвы приношения "на молбище к шайтану Рачю". При виде казаков сбояки, которые, возможно, выполняли не столько религиозные, сколько фискальные функции, разбежались ("вси утекоша в лес до единага побросав свои пожитки"²⁷).

Вообще, составитель Кунгурского летописца с доверием относится к рассказам о языческих культурах и прорицателях. Само же жрение "царства Кучума", по его представлениям, было предскажено

индырским шаманом. "И о том идолское пророчество збылося, - от себя добавляет автор произведения. - А о смерти его [Ермака. - И.Д.] не сказал"²⁸.

В повести приводится сообщение о камлании шамана, которого летописец, видимо, плохо ориентируясь в религиозных различиях, называет как обычным в таких случаях словом "шайтаньщик", так и термином "абыз", означавшим мусульманского муллу. Связанного шамана пронзали саблей или ножом "в брюхо скроль" и в таком состоянии он пророчествовал. По окончании процедуры нож или саблю выбиргивали, и служитель культа поднимался как ни в чем не бывало "шайтаньщик же став, наточит пригорюни крови своей, выпьет и сижется, будет весь цел, что и язв не знать"²⁹.

Автор Кунгурского летописца не сомневался и в реальности волшебных свойств камня величиной с санный воз, что "спал... с бесеси" в Ташатканском городке: "...от него де временем возходит туча, дождь и снег"³⁰. По подобному случаю, на что в свое время обратил внимание С. В. Бахрушин³¹, томские служилые люди проводили в 1610 г. расследование, изъяв, как отмечалось в предыдущем параграфе, у местного шамана небольшой камень, от которого будто бы "пает мороз и вода"³². Данный эпизод, возможно, передавал дошедшие до русских казаков известия о распространенном среди аварийских групп, особенно в тундровой и предгорной зонах³³, культом съяненных камней. "И о сем Ермак с товарищи дивился Божию дару"³⁴, - заключает летописец сюжет о ташатканском камне.

Легендарный характер носит и рассказ, приведенный со слов выжившего в плену у Кучума чуваша, о золотом божестве демьянских хантов. будто бы доставшемуся им от "Владимира крещения": "Поятся де они рускому Богу, и тот де руской Бог литой золотой в сидит. И в ту де чашу наливши воды, пьют и зовут его Христа, а сказывают де, привезен от Владимира крещения, и для того поут смело"³⁵. Взяв городок, воины Ермака, по краткому замечанию летописца, "молвища не сыскали"³⁶.

Таким образом, автор Кунгурской повести в описаниях верований сибирских народов широко опирался на устные предания русского коренного населения Урала и Западной Сибири.

Протопоп Аввакум в "Житии" оставил любопытное свидетельство

об обращении российских служилых людей к предсказаниям шамана. Мятежный раскольник поведал, как его заклятый враг, енисейский воевода А.Ф. Пашков, во время экспедиции в Даурю "заставил земца шаманить, сиречь гадать: удастся им и с победой ли в домой?" Прорицатель принес в жертву барана ("голову прочь от тел и прочь отбросил") и начал "скакать, и плясать, и бесов зывать и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта появилась". В итоге он, по наущению "бесов", предрек победное возвращение ряда, что вызвало ликование участников похода и праведный смех самого Аввакума³⁷.

Отметим в заключение, что внимание авторов литературно-исторических произведений к религиозным воззрениям обитателей Сибири связано с многовековой непримиримой полемикой православия с язычеством и другими конфессиями. Официальная церковная линия, лидируя в большинстве летописных текстов, в Кунгурской повести выходит на задний план, уступив место устным преданиям и народному взгляду на аборигенные культуры.

Прошлое сибирских народов

Традиции летописания, связанные с особенностями средневековой христианской системы мышления, предусматривали фиксацию начальной точки исторического отсчета, которую обычно соотносили с полулегендарным родоначальником государственного или этнического объединения. Вспомним, какое внимание "Повесть временных лет" уделяла происхождению славян, первым киевским князьям и основателям династии Рюриковичей. Сам заголовок Лаврентьевского списка гласил: "Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Русь зем[ля], кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть"³⁸.

Подлинная история Сибири, по трактовке писателей XVII века, началась только со времени Ермаковского похода, который и поставлен в центр повествований. Однако летописные каноны, прополагавшие обращение к первым правителям, видимо, требовали, чтобы авторов воспроизвести некоторые события дорусской Сибири.

Сочинения Есиповской группы и Строгановская летопись про-

Ит генеалогию сибирских князей, очерпнутую, по мнению исследователей, из татарских устных источников² и восходящую к полумифическому Тайбуге, сыну мусульманского царя Она. С помощью войск Чингисхана ему, согласно летописным текстам, удалось захватить земли по Оби и Иртышу, и основать город Чингиден (Чинги-Туру) – будущую Тюмень. Впоследствии ставка сибирских ханов переносится на Иртыш, в "начальный" град Сибирь³.

Составители повествований пытались ответить на вопрос, что же люди обитали в южной части Западно-Сибирской равнины до того, как она попала в сферу политики Чингисхана. Есиповская летопись основной редакции сообщает, что Тайбуга завоевал земли, "идеже шиляху чюдъ"⁴. Ниже эта же мысль приобретает обобщающий характер: "Прежде бо живяше чюдъ по всей Сибирстей земли..." Однако достоверных известий о существовании такого народа не сохранилось: "...А как[о] нарицахся, того в память никому не вниде, ни писания обретох"⁵.

Сведения о чуди, заимствованные, видимо, из общего протографа, повторяются и в других летописных памятниках. Никаких подтверждений эта информация не получала, что и подчеркивалось авторами произведений: "Посему и писания несть"⁶. Забелинская редакция Есиповской летописи, сохраняя формулу: "Прежде бо живяше чюдъ по всей Сибирской земли" в эпизоде о завоеваниях Тайбуги вместо конкретного этнонима использует более общий термин "языцы": "...Покоришаися ему по Иртишу реке и по великой реке Оби живущи языцы..."⁷ Погодинский летописец в одном случае меняет правописание малоизвестного названия на "чюдъ" ("живяше люди, именовався чюдъ"), а в другом – вообще опускает это слово: "А прежде того, живши ту по всей Сибирской земле, а како нарицахся, того испытати возможно: в память никому не вниде, ни писания обретох"⁸. Не исключено, конечно, что здесь мы имеем дело не со смысловой обраткой текста, а с простой ошибкой переписчика.

Автор "Хронографической повести", лучше других осведомленный в этническом многообразии современной Сибири, игнорирует распространенную версию о древнем населении края, ввиду отсутствия достоверных данных. Завершив перечень сибирских аборигенов, он фиксирует: "А от разделения язык [т.е. после библейского вави-

лонского столпотворения. -И.Д.] си языы, како нарицалися, не вем, да и сами не ведают же, по своим языком писмен не им

Своеобразием, хотя и недостаточной ясностью отличаются сведения Бузуновского летописца. По его сведениям, вскоре после смерти Кучума было "изыскано от древних иноземцев, отколе на зватися Сибирь и какие языки в ней и старожилы. И поныне тесловы иноизи обретаютца"¹⁰. Обращает на себя внимание, что современные автохтоны рассматриваются в тексте во взаимосвязи со стольными обитателями края. Важно также указание источника на то, что у сведущих аборигенов интересовались прошлым сибирской земли. Возможно, однако, что автор имел в виду не конкретные случаи проса, а лишь стилистически переработал обычную для повествования фразу об утрате из "памяти" известий о древних жителях.

В другом месте, рассказывая о сборе Кучумом рати для отряда Ермаку, летописец сообщает: "И в мале времени собрахся к множество татар, и остяков, и ногул, и иных чюцких языков, которые обретаютца под его державою"¹¹. Е.И. Дергачева-Скоп трактует слово "чюцкие" в данном контексте как "неведомые", "незнанные"¹². Принимая во внимание цитированное выше высказывание о том, что среди древних иноземцев и старожилов, можно предположить, что в источнике подразумевались потомки того сибирского населения, которое, согласно общеизвестной летописной версии, было покорено Оби и Иртыше сыном Она, Тайбугой.

Оригинальны сведения о чуди в статье о покорении Сибири "Новом летописце". Передавая повторяющуюся в сочинениях Епископской группы информацию о трех нехристианских верованиях сибирских народов, повесть вместо слов о неизвестной религии "колмы" приводит совершенно другое известие: "...А иные же Чюдь забыла веры и закону не знаху..."¹³

Появление в этом эпизоде этонима "чюдь", возможно, есть результат ошибки автора или переписчика, перепутавших сообщение протографа о чуди и калмыках. Вероятнее, однако, предполагать, что летописец сопоставил письменные материалы о завоевании Тайбугой чуди в междууречье Оби и Иртыша и современные ему данным калмыцким кочевьям на юге Западной Сибири. Предпочтение было дано народу, проживавшему здесь, согласно летописям, со време-

рвых исторических упоминаний о крае. Так, вместо "колымков" в тексте появляется "чудь". Древность этого населения и одновременна загадочность его дальнейшей судьбы характеризовало такое емкое определение, как "чудь заблудящая", отсутствующее в других летописных памятниках и, видимо, введенное в оборот составителем статьи "О взятии царства Сибирского" в "Новом летописце".

Вопрос об интерпретации термина "чудь" породил обширную литературу, вызвав к жизни своего рода "чудиведческое" направление историко-филологических исследований¹⁴. Это понятие встречается еще в "Повести временных лет", а затем и в других русских средневековых летописях. С ним связывают многочисленные топонимы, распространенные по всему северу Восточной Европы¹⁵ (наиболее известный - Чудское озеро). Общепризнанно, что на Руси первоначально чудью называли эстов, а затем и другие группы финно-угорского населения ("заволочьская чудь"). Вероятно, еще на европейском Севере этим словом стали обозначать и исчезнувшие (мигрировавшие, assimилированные) народы, а также древности¹⁶. Впоследствии выходцы из Поморья, очевидно, перенесли этот образ в Сибирь, однако потребляли его не для названия хантов, манси и других Зауральских аборигенов, как думают некоторые исследователи¹⁷, а для наименования заброшенных объектов и неизвестного им дотатарского населения, оставившего различные памятники археологии.

Одно из ранних использований термина в таком значении в западносибирском регионе мы встречаем в отписке Лозвинского воеводы Пельм от 1597 г. В ней сообщалось о необходимости строительства верховьях Туры нового русского укрепления - "на старом чюцком городище"¹⁸. Вероятно, в эти же годы этоним попадает в источник, которым воспользовались составители ряда сибирских летописей. Однако авторы повествований о Ермаке с данным понятием были знакомы только и подчеркивали возможную недостоверность приводимых известий: "...В память никому не вниде, ни писания обретох"¹⁹. Видимо, моменту создания большинства летописных произведений рассказы о чуди еще не имели большого хождения по Сибири. Скорее всего лишь в конце XVII-начале XVIII в., в период массовых грабительских разбоян курганов и первых попыток интерпретировать "бугровые" ходки легенды об исчезнувшем народе приобрели широчайшее распро-

ространение по всей Северной Азии.

Согласно самой известной фольклорной версии, в отдаленные времена Сибирь заселяли не сказочные герои, а вполне реальные чуди - чудь, не имевшие, по преданию алтайцев, ни ханов, ни знати. Как предвестие нашествия людей Белого царя восприняли появление в крае нового дерева - белой бересклеты. Не желая поддаться чужой воле, древние жители укрылись вместе с имуществом своих жилищах, предварительно сделав сверху земляные или каменные насыпи (по другому варианту легенды - сначала были вырыты садовые ямы). Подрубив в этих сооружениях столбы, они заживо заронили себя под обвалившейся землей (по иной трактовке - склонились обкладывались богословской травой и поджигались)²⁰.

Популярности этнонима и связанных с ним сказаний, вероятно, способствовало его звуковое и семантическое сходство с понятиями, отражавшими в какой-то мере представления широких слоев населения о сибирских древностях и их происхождении: "чужой", "чудак", "чудо", "кудеса", "колдовство". Так древнерусский термин получил в Сибири новую жизнь и невиданную ранее известность.

Не исключено, что впоследствии предание о чуди оказало действие на распространение легенды уже на европейской части России. Вероятно, из русского фольклора сюжет перешел к сибирским татарам, алтайцам, ненцам и другим аборигенным жителям. Учитывая длительное бытование этнонима в русской среде и связь рассказов о чуди с бугровым промыслом в Южной Сибири вряд ли правомерно говорить об обратном процессе, например, о заимствовании сказаний у татар²¹. Скорее всего, как сибирские, так и переселившиеся из Казанско-Уфимского татарства в Сибирь казанские татары восприняли легенду от русского населения. По наблюдению Л. П. Лашука, коренные народы Поволжья (моры, марийцы, чуваши, татары) о чуди не имели никакого понятия²². Достаточно отметить, что предание о древнейших обитателях Сибири и самозахоронении встречается в различных местностях региона в настоящее время²³.

Тему сибирских древностей затрагивает информированный в Хронографической повести. Завершая изложение, он объявляет: "Кже по тем рекам многие грады каменные и великие полаты по местом, а все пусты, а иные от давных лет осыпалися, а какие

ставили - них-то о сем не весть"²⁴. Вероятно, летописец имел в виду не западносибирские городища, которые однозначно связывались с татарскими административными центрами и имели конкретные наименования, а памятники бассейна Среднего и Верхнего Енисея, известные по другим русским источникам с первой четверти XVII в. Именно к этой области тяготеют многие этнографические свидетельства поселования.

Внимание автора произведения к остаткам древней культуры не типично в целом для рассматриваемой эпохи, когда исследовательский интерес к древностям еще не проснулся. Однако если учесть предположение, что в основе некоторых известий Хронографической летописи лежат чертежные росписи или другие документальные материалы, то и приведенные выше сообщения можно сопоставить с землеописательными данными служилых людей о маршруте, природно-географических условиях и населении новых местностей.

С этих же позиций, на наш взгляд, можно оценивать и упоминание в повести о знаменитых впоследствии Томских писаницах: "...На край реки Томи лежит камень велик и высок, на нем писано звери, скоты и птицы и всякие подобия..." Необычность отмеченного объекта порождала фантастические подробности: "...А егда по некоему прилучаю оторжется камень, а внутри того писано, яко же и на край"²⁵.

Отголоски преданий о чуди и первых сибирских ханах содержатся в составленной в конце 60-х годов XVII в. "Ведомости о Китайской земле и о Глубокой Индее". Основное место в ней занимают различные сведения о Китае. В связи с этой темой, со слов тобольских татар, бухарцев и "природного китайца" приводится предание о проживании в древности китайцев в Западной Сибири, по Иртышу, Тоболу, Исети и Ишиму. Сказание приписывало им археологические памятники Южной Сибири и Урала: курганы с находками в "гробах" золотых и серебряных вещей, городища, остатки "тризы" и строений ("до Имне по степям города и полати во многих местех знатно"), следы горно-металлургического дела. Легенда объясняла уход китайцев поклонением леса ("та земля их рогата быть"). Знаменовавшего присутствие завоевателей-мусульман. Согласно "Ведомости...", миграция китайцев в Центральную и Восточную Азию заняла длительный период.

начиная с трех-четырех тысячелетий и заканчивая четвертыми-
столетиями тому назад²⁶.

В сочинении предложена трактовка происхождения слов "Си" - "сибиряне". Их этимология выводилась из соединения древнего названия зауральских "китайских" земель "Скирь" и татарского изношения наименования пришедших сюда после китайцев зырян-ся. По версии "Ведомости...", мусульманский князь Тайбура, "Масын", завладел именно сырьем-сибирянами, и "от того завладели сибирские цари и множество татар". Предложенный вариант известен по летописям ономастико-генеалогической легенды в отличие от Есипова рассматривал первопоселенцев и давал объяснение термину "Сибирь"- "сибиряки" в связи с историей реально существующих народов. При этом за рамками повествования оставалась мифическая "чудь", место которой в изложении заняли китайцы.

Однако расхождение фольклорных известий о древних обитателях Зауралья (а летописи, как мы помним, также жаловались на отсутствие достоверных данных по этому поводу), видимо, заставило автора "Ведомости..." обратиться к еще одному преданию, которое согласовывалось с предыдущим текстом. Но зато вводило знакомые летописным и устным рассказам этноним "чудь": "В та же вышедшего времяна... [в верховьях Яика и Гатны] старо-туто-жители сказали сибирцы, что ныне китайцы и чудь, копали и плавили серебро и золотую руду: множество ея и добра"²⁷. Еженоуральские народы передавшие эту легенду, вероятно, еще не отождествляли, как будет позже, все старинные горные выработки с деятельностью земледельческой чуди, а тем более китайцев, и выдвинули не конкретное, а весьма точное смысловое обозначение древних обитателей - "старо-туто-жители".

Таким образом, вышедшее из недр Тобольской воеводской канцелярии сочинение под названием "Ведомость о Китайской земле Глубокой Индеи" по рассматриваемому сюжету опиралось на некие аборигенные фольклорные источники ("по ведомости тобольских татар и бухарцев и сибирцов", "по иной ведомости природного края через калмыцкой язык", "некоими ведомостями... через калмыцкую, башкирские и татарские языки"). В соответствии с ними приводятся разные версии древней, дотатарской, истории края, связанные

именами как исторических (китайцы, коми-зыряне), так и неизвестных народов ("чудь", "старо-туто-жители").

В целом интерес авторов литературно-исторических произведений к прошлому Сибири можно сопоставить с традиционным вниманием русских летописцев к библейскому первородству и полумифическим родоначальникам. Однако писателей XVII в. фольклорные tolkovaniya сибирской старины уже полностью не устраивали. Они выражали сожаление по поводу сомнительной достоверности имеющихся известий (сочинения Есиповской группы), вообще игнорировали ввиду отсутствия подтверждений распространенное предание о чуди (Хронографическая повесть), предлагали свою интерпретацию событий (Бузуновский и Новый летописцы), в поисках первопоселенцев обращались наряду с легендарными к историческим народам ("Ведомость о Китайской земле...").

Аборигены и русские

Представляет интерес взгляд летописцев на взаимоотношения дружин Ермака, пришлого и местного населения, на методы покорения Зауральских народов. Менее всего этот вопрос стоял перед создателями произведений Есиповской группы. Изображая Ермака в качестве исполнителя воли провидения, они убийства "множества поганых" рассматривали как акт возмездия за их богопротивную веру. Одолев "с божией помощью" противников на Чувашевском мысу, казаки, по словам Есиповской летописи Абрамовского вида, "их погнаша, вслед побивающе, и много валяющеся и попирающеся. И обагришася кровми поля, и постилаше трупием мертвых..."¹ Принесение даров хантыским "князем" Бояром и добровольное возвращение татар на прежнее место жительства после вступления русского отряда в опустевший град Сибирь С. Есипов связывает с тем, что аборигены, "видя... яко покори их бог православным християном"².

"Повесть о городах Таре и Тюмени", следуя литературным традициям русской "торжественной" прозы и "воинских повестей"³, обличает "измену" и "злобу" татар и бйратов и прославляет доблесть "вой християнских". Защитники сибирских городов, "храбрость имея

и силу". бесстрашно устремлялись на своих врагов и "закалаху яко свиней"⁴. Противники русских рисуются как единая враждебная сила, обрушившаяся на южные рубежи Сибири, по обычному провидческому объяснению, "за грехи наша": "...Поганни же разыдоша по уездам и многих християн овех мечю предаша, овех живых в пледи ведоша, и в крови християнств руки своя обагриша..."⁵

Автор произведения стремится не столько к достоверности точности описания событий, сколько к эмоциональной окраске и иральной оценке происходящего: "Оле, велие падение бысть и убийство!.. И тако поганни поидоша во свояси со многим богатством и плен поведоша с собою мужеска полу и женска с тысячу человек младенцев же, ссущих млеко, от матерей из чресл исторгаху, охи на копия возназаху, овых ножи резаху, овех о стену и о землю, власи и за ноги емше, убиваху, овех мечи разsekаху, веселяху поганини, яко победницы суть и многими изобильны богатствы"⁶.

Тенденциозность летописей Есиповской группы и "Повести о городах Таре и Тюмени" выражена даже сильнее, чем в такой апологетической работе, как "Казанская история". В ней не только осуществляются изменения, жестокость и "беззакония" "казанцев"⁷, но и отдаёт должное их храбрости и мужеству, "разумному умению" и даже похваляется "похвалным" бесстрашием защитников Казани⁸.

Наряду с традиционным стандартным обличением "поганых" действий "Повесть о городах..." указывает и на реальную подопечь возникших противоречий. В частности, по словам автора сочинения подступившее к Таре калмыцко-татарское воинство так обосновывает свое требование снести русские укрепления: "...Мы хощем кочеви зде, се земля наша есть..."⁹

По мнению В. Н. Курилова и А. А. Люцидарской, официальная "Повесть о городах Таре и Тюмени" была направлена на обесценивание русской старожильческой группы населения и не встретила поддержки сибиряков, что подтверждает, с точки зрения исследователей, наличие только одного списка произведения¹⁰. Отметим также дальнейшей разработки проблемы идеологического воздействия церковно-правительственных кругов на формирование в Сибири образного этнопсихологического климата.

Е Строгановской, Кунгурской и некоторых других летописях

взгляд на местные народы не столь одномерен, как у С. Есипова или в "Повести о Таре и Тюмени". Здесь мы встречаем хорошо известное по служебным документам сочетание "жесточи" и "ласки" по отношению к коренному населению. Казаки, по словам Строгановской повести, проявляли "жесточь пред нечестивыми и безбожными агараны". Нагоняли на них "страх и ужас велий"¹¹. Пинежский летописец констатирует, что воины Ермака поселения аборигенов "изгоном поплениша", а их самих "многое множество... побиша и поsekша"¹². Согласно Кунгурской повести, русская дружина в сражении у Княжева городка на Иртыше "прибиша всех съ ярости без остатку", а при сборе ясака в Аремзянской волости представителей местной знати повесили за ноги и расстреляли: "И того страху вси иноземцы ужаснулися, и за страх грозы не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвить..."¹³ В Таштаканском городке коренные обитатели изъявили покорность и выплатили ясак только потому, что были "застрашаны", а в другом укреплении захваченные женщины и дети "от страха смертвеша, плача, крыча и бегая"¹⁴.

Одновременно в той же Кунгурской летописи утверждается, что казаки тех, кто не оказывает сопротивления, не трогают ("покорных не убивают"), мирное население "не бьют", а "ласкают"; увидев, что в Туралинской волости все жители "зело скучни", русские воины не причинили им никакого ущерба¹⁵. Строгановская повесть, почти дословно повторяя эпизод о подношениях "князя" Бояра и возвращении татар в занятый русскими град Сибирь, вводит иную трактовку происходящего: аборигены заняли прежние места жительства ввиду того, что Ермак "зла же им никакова не учиниша"¹⁶.

Позиция летописцев в данном случае отчасти сближается с подходом официальных служебных источников и некоторых литературных произведений, прославлявших заслуги русских самодержцев в национальных окраинах. По трактовке автора "Казанской истории". Иван Грозный огнем и мечом покорил "злую черемису поганую" и в то же время "возлюбил" смирившихся жителей, проявил "милосердие". Наказал воеводам "не обидети их ничим", подарил "семена земныя, и коня, и волы на оранье... и одеяние дасть и сребрениц понемногу"¹⁷. Согласно второй редакции Хронографа XVII в., местные жители "многонародных царств" Казани, Астрахани и Сибири приняли н-

вую власть с "великой радостью" и "веселием ликоваху"¹⁸.

Протопоп Аввакум писал в "Житии", что за годы сибирской ссылки он побывал в "ыноземских руках", зимовал в заключении вместе с аманатами и собаками, неоднократно подвергался смертной опасности со стороны "немирных иноземцев". Свои отношения с представителями местных народов он изображал с позиции христианского подвижника, подчеркивая божью поддержку раскольнического верного учителя. В то время как вооруженный отряд во время следования Даурии к Байкалу "дрожал и боялся". Аввакум бесстрашно провел "уповая на Христа", среди аборигенных "орд и жилищ" группу раных и больных с женами и детьми.

В другой раз, на Оби, по свидетельству протопопа, если только оно не является плодом воображения, его отпустили, не причинив никакой обиды, восставшие автохтоны, перед тем казнившие двадцать "християн". На переправе через Иртыш раскольника обступили враждебно настроенные туземцы. Он не растерялся, а обнимаясь, вступил с ними в разговор. "И оне до меня и добры стали и жены своя к ~~и~~ не моей привели..." - продолжает далее автор "Жития", отмечая сильную отзывчивость коренных жителей на добросердечность и ласку. - И то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе были добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стояли. - медведев я у них накупил, - да и отпустили меня". Рассказывая об этом случае в Верхотурье, в ответ на удивление собеседника Аввакум назидательно резюмировал: "Христос меня пронес, и пречистая богородица провела, я не боюсь никово; одново боюсь Христа"¹⁹.

Летописи Есиповской группы содержат текст грамоты, по которой ермаковские казаки обращали в российское подданство народ Сибири: "И к [шерти] их по вере привели многих, что быть под ~~и~~ царской высокой рукой до веку... и ясак им давати государю по ~~и~~ лета без перевода. [а] на руских людей зла никакова не ~~и~~ хоти"²⁰. Составитель Логодинского летописца, который вообще слабо ориентировался в особенностях религиозных воззрений местных жителей, на этот раз вводит существенную деталь, что присягу принимали "по их верам", а не "по их вере", как у С. Есипова²¹. Этим подтверждается предположение тех исследователей, которые их

Могают, что автор Погодинской летописи непосредственно познакомился с содержанием шертной грамоты²².

Этническая лексика сибирских летописей заметно отличается как от терминологии документов служебного происхождения, так и независимости от принадлежности к той или иной группе исторических повествований. Показ экспедиции Ермака и последующих событий в позиций христианского просвещения Сибири определил в сочинениях Есиповской группы выбор такого обобщенного названия всех мусульманских и языческих народов как "погании" ("поганы"). Для произведений официального толка это не просто традиционный литературный штамп или каноническая формула, заимствованная из книжности Древней Руси и обозначавшая нехристианское население, а манифестируемый символ, точно отражавший идеологическую устремленность Государственного православия. Подобный подход мы встречаем и в других письменных памятниках XVII в. Например, в космографии, написанной Н.П. Барсуковым, утверждается, что в Сибири "пребывают народы мнози, язык имут различной, но вси поганы"²³.

Составители летописей используют данный образ наиболее частично, дополняя его близкими по содержанию и экспрессивной окраски терминами: "невернии", "окаянни", "нечестивые" ("злочестивые"), "супостаты", "агаряне" ("окаянные агаряне"), "идолопоклонники", "сыродядцы", "бусурмане" ("бесермени"), "враги" ("нечестивые и безбожные враги"). Реже употребляются слова с нейтральным звучанием типа "человечы", "языды", "люди" ("иноязычные люди"). Понятие "иноземцы", широко распространенное с 40-х годов в источниках служебного делопроизводства, в Есиповской летописи Основной редакции встречается лишь однажды в написании "иноземцы"²⁴, в Румянцевском и Погодинском летописцах вообще отсутствует, зато в Абрамовском виде Есиповской летописи, составленном в середине XVII в.²⁵, фигурирует несколько раз.

Эпитеты с негативным оттенком, как отметила Е.К. Ромодановская, используются С. Есиповым преимущественно для описания сражений или при официальных церковных формулировках²⁶. В других случаях преобладают конкретные названия народов либо обозначения с нейтральной окраской. Так, у города Сибири воины Ермака одолели "окаянных идолопоклонник и агарян", а покорность изъявили "соляц-

кой князь... со многими остыки" и "тотаровя мнози з женами детми"²⁷.

Понятийный аппарат "Повести о Городах Таре и Тюмени" близ к произведению С. Есипова. Южносибирские народы характеризуются здесь как "поганий", "окаянний", "супостаты", "борители", "изники" и пр.²⁸

В исследовательской литературе отмечалась связь лексических форм и вообще стилистических особенностей сочинения С. Есипова ряда других сибирских исторических описаний с ранними летописями так называемыми воинскими повестями Древней Руси²⁹. В летописных статьях о монголо-татарском нашествии, "Повести о разорении Рязани Батыем" и других литературных текстах, восходящих к X в., противники русских характеризуются как "безбожни", "погани", "безаконни", "нечестиви", "окаянни... кровопийцы" т. п.³⁰.

Строгановская летопись широко употребляет практически тот набор обличительных определений, что и памятники Есиповской группы, даже расширяя его таким термином, как "варвар" ("безбожни окаянни варвари"). Вместе с тем, стремясь подчеркнуть мощь и инственность напавших на владения Строгановых "мурз и уланов" летопись может назвать их "буйственными и храбрыми и сильными". Для обобщенного восприятия автором повести идолопоклонников и сульман показательна фраза о "прегордых зверообразных людях"³¹, которой обычное обвинение татарских правителей в "гордости" единено с характеристикой язычников как "зверообразных людей". Источнике наряду с другими внеоценочными категориями присутствует и такое типичное для служебной документации, но не встречающееся у С. Есипова понятие, как "ясачные люди".

Лексика первой части Хронографической повести, посвященная действиям Ермака и приходу в Сибирь первых царских воевод, близка словарю Есиповской летописи. Во второй части, составляющей описание зауральских земель и народов, терминология различительно меняется, избавляясь от отрицательных эпитетов. Здесь наряду с обозначением конкретных групп населения используются такие названия как "языцы" ("языки") и "люди" (иногда в старославянской форме "людие").

Во многом свободен от атрибутики христианской концепции лингвистический состав Бузуновского летописца. Выражения типа "поганые" и "нечестивые" тут единичны, зато богато представлены слова с нейтральной окраской.

Самобытен понятийный аппарат Кунгурского летописца. Прежде всего он лишен идеологических штампов, заполнивших произведения Есиповской группы. Лишь однажды здесь встречается наименование "бусурмане", да и то без сопутствующих обличительных определений. В повести часто по отношению к местным народам используются слова, взятые из русской простонародной или казачьей речи: "жители", "есаул", "старейшины", "багатыри", "бойцы", "начальные", "вымышленники", "приемщики", "воры" и др. Употребляется в источнике, причем в весьма широкой трактовке, и старинное русское слово "ро" ("мнози разбегоша с роды в домы своя", "убиша князца Самару с родом его", "девка роду ханска")³³. Иноязычная, татарская лексика в летописи немногочислена и не отличается точностью применения. Например, понятия из мусульманского словаря прилагаются к описанию языческих культов³⁴. В единичном случае в повести встречено наименование "иноземцы". Не исключено, что оно, наряду с выражениями "слово и дело", "поданные" и некоторыми другими, является вставкой позднейшего времени.

В целом этническая терминология Кунгурского летописца лишена четкости и единообразия и не вылилась в какие-то устоявшиеся формы. Многие определения взяты из русской повседневной речи, причем некоторые из них впервые перенесены на сибирские народы. Эти наблюдения подтверждают тезис о происхождении источника из народной казачьей среды и фольклорной основы ряда сюжетов произведения.

Совершенно необычны для житийного жанра названия языческих народов Сибири в сочинении протопопа Аввакума. Даже, когда речьдет о камлании шамана, в нем используются не богословско-уничижительные выражения, а формулировки из служебно-бытовой речи (главным образом - "иноземцы", а также "мужики", "бабы", "люди", "изнанты" и пр.)³⁵.

Таким образом, общая оценка аборигено-русских контактов и употребление соответствующих лексических форм зависели, прежде всего, от идеологической направленности сочинений и задач, по-

ивленных перед собой авторами, а также от их литературных пристрастий и особенностей использованных источников.

Подводя итог, отметим, что объем и характер известий о генном населении Зауралья, содержащихся в литературно-исторических памятниках конца XVI-первых шести десятилетий XVII в., оправдывался не только этнографической эрудицией авторов, но и значительной степени определялся их идеальными установками. Отыскивалась полемически заостренная трактовка вопросов веры, обнаруживавшаяся в ряде сочинений традиционных религиозно-обличительных штампов. Т. д.

Составители повествований привлекали разнообразные материалы, широко используя наряду со свидетельствами участников походов ("устными летописями"), литературными и документальными текстами исторические предания русского и аборигенного населения. Одна из важных работ по расширению круга источников, фиксация порой близких версий не сопровождалась, как правило, стремлением сополагать неоднозначные толкования и выяснить их достоверность, не говоря уже о критическом анализе имеющихся данных. Эта задача возникнет лишь на следующем этапе развития отечественной исторической мысли.

Для летописных произведений типичны краткие характеристики собираемых образов сибирских народов. Не отличаясь богатством конкретной информации описей, доездов и других документальных материалов, они демонстрируют умение обобщить разнородные данные, представить их под определенным углом зрения, что создает условия для появления специальных историко-этнографических описаний конца XVII-XVIII в.

При всей фрагментарности и тенденциозности многих известий коренном населении Сибири в литературных памятниках, по сравнению со служебной документацией, наблюдается расширение круга рассматриваемых вопросов. В частности, уделялось внимание дорусской, даже дотатарской истории края, этимологии этнических терминов, рассказы о прошлом вводились элементы относительной и абсолютной хронологии. В исторических работах последующего времени эти темы получают свое развитие.

§ 3. Иностранные авторы об автохтонном населении Сибири

Внимание европейцев к Северной Азии после вхождения сибирских земель в состав России не ослабевало. Напротив, по мере продвижения русских отрядов на восток, к Тихому океану, границам Центральной Азии и Китая обострился политический интерес западных держав к территориальным приобретениям Москвы. Работы зарубежных авторов пополняются новыми, хотя и не столь разнообразными, как в отечественных источниках, сведениями о хозяйственно-бытовом укладе и верованиях автохтонных народов, их взаимоотношениях с представителями Российского государства, усиливается тенденция по преодолению легендарных и ошибочных взглядов.

Между тем мифологические сюжеты о населении северо-востока в античных трактатах, сочинениях С. Герберштейна, Р. Барберини, А. Гваньини и других известных авторов, да и, наверное, извечное влечение человека к загадочному и таинственному препятствовали тому, чтобы окончательно проститься с фантастическими представлениями об обитателях окраины сйкумены. И хотя вера в сказочные рассказы угасает, постепенно превращаясь в красочные литературные образления реальных описаний, с традиционными образами расстаётся не сразу, тем более что они обрастают новыми фольклорными мотивами и легковесными суждениями.

Шведский дворянин Петр Петрей де Эрлезунда пробыл в России несколько лет в самом начале XVII столетия. В своем сочинении он приводит целый набор баснословных преданий об отдаленных народах северо-востока. Некоторые сообщения вызывали у него возражения, а большей частью он без тени сомнения пересказывал традиционные книжные сюжеты, подчеркивая, однако, их русское происхождение. Это известия о пожиравших друг друга самоедах и людях-рыбах, о чи-нокожих грустинцах, выплачивающих дань Московии драгоценными каменьями, и карликовых боязливых пигмеях, что обитали на Новой Земле и вели войну с журавлями с помощью растущих в море тростей, о чудных жителях Лукоморья, которые умирали на зиму, а летом занимались немым торгом. Они были похожи на обезьян и диких зверей.

с волчьими и собачьими головами или с лицом на груди и дли шеей¹. В повествовании П. Петрея нашлось также место загадо племенам, запертым в горах Александром Македонским². Представ в произведении и сказания и поклонениях могущественной прор тельнице Золотой старухе, причем упоминается даже о двух бож вах, действовавших в различных районах Западной Сибири³.

На сколько сознание чужестранных путешественников было готовлено к восприятию именно экзотических подробностей из ж северных аборигенов, свидетельствуют записки архи диакона П Алеппского, сопровождавшего в середине 50-х годов XVII в. в п дке в Москву своего отца, антиохийского патриарха. Он описы ужин у патриарха Никона, на который для "развлечения" пригла оказавшихся в столице обитателей европейского Севера, вероя самов-лопарей. По представлениям П. Алеппского, эти люди в д ности восстали против А. Македонского и оказались у "моря мра В пищу они употребляли рыбу, диких животных и собак в сыром в не брезгая также и человеческим мясом. Далее последовала п анекдотическая сцена, по-видимому, специально разыгранная знатных заморских гостей. Туземцы с достоинством подтвердили дения о своем людоедстве и поведали о некоторых деталях э действия: "Мы едим своих покойников и собак, так почему же на есть людей?.. Захватив человека, мы отрезаем ему только нос, з режем его на куски и съедаем". Когда северянам в качестве тра предложили здесь же отведать провинившегося священника, они с достоинством согласились, рассыпавшись в благодарностях и упрашив чтобы впредь всех приговоренных к смерти отдавали им на растение. Приезжие православные иерархи с удовольствием взирая развернувшееся "большое развлечение", правда, посланные за жвой люди вернулись ни с чем, сказав, что преступник куда скрылся⁴.

Как отмечено выше, зарубежная западная литература постепенно освобождалась от баснословных представлений об обитателях Сибирь. Однако явный вымысел нередко уступал место другим поверхностным суждениям и далеким от реальности стереотипам. Это объясняется тем, что к сибирским аборигенам обычно подходили с мерками европейской ментальности и культуры, да к тому же часто распо

ограниченной и не всегда достоверной информацией.

Отсюда в описаниях закреплялись трафареты о диких грубых зажоренелых язычниках, которые "не знают бога" и "ни в чем не видят греха", живут "совсем по-скотски", лишены гуманности и скучны умом, пугливы, робки и глуповаты, словно неразумные звери. Они воспринимались как самые несчастные люди на земле, ведущие "гнуснейший образ жизни в гнуснейших лачугах"⁵.

Внешний облик различных групп коренных жителей нередко сливался в единый негативный образ, чуждый западным канонам красоты. На взгляд путешественников, аборигенов трудно отличить друг от друга, а мужчин от женщин, они малы ростом, с круглым широким лицом и приплюснутым носом, слабосильны, подчас безобразны и обезьяноподобны⁶. При этом, по словам французского врача и путешественника середины XVII в. П. Ламартиньера, самоеды и другие жители Севера, несмотря на свирепый вид и "самые несчастные" условия существования, остаются гостеприимными и простодушными людьми⁷.

В развитие идей М. Меховского и С. Герберштейна некоторые европейские авторы стремились критически переосмыслить книжные шаблоны, понять особенности материальной и духовной культуры аборигенов, увидеть сильные и слабые стороны их бытия.

Знаменитый немецкий исследователь, писатель и путешественник Адам Олеарий о коренном населении Европейского Севера и Сибири судил не только на основе литературных материалов и расспросов, но и по личным впечатлениям от встречи с посланниками "самоедов" в 1643 году в Москве⁸.

В его "Описании путешествия..." сообщается, что северные жители одеваются в длинную меховую одежду, причем во время сильных холодов укрываются в ней вместе с головой. Это зрелище, по предположению путешественника, могло дать основания для мифов о существах без голов и с лицом на груди. Что касается преданий о людях с огромными ступнями, то, на его взгляд, невнимательные наблюдатели приняли за ноги обычные для снежных стран лиски⁹.

А. Олеарий подводит читателя к пересмотру еще одной давней легенды — о периодических уходах из жизни и оживлении "полуночных" народов. По его сведениям, земляные строения самоедов на зиму покрываются слоем снега, а их обитатели редко выходят наружу.

устраивая ходы из одного жилища в другое под сугробами¹⁰. Другой автор, Яков Рейтенфельс, отказавшись от сказания об умирающих и воскресающих людях, дает выход своему воображению в картине подземного солнного царства, где в глубоких пещерах и "прекрасных могилах" коротают время "живые троглодиты"¹¹.

Постепенно уходит в прошлое и представление о людоедстве самоедов¹². Не отвергая, впрочем, существование такого обычая в древности¹³, европейские писатели начинают скептически относиться к прямолинейным этимологическим построениям, справедливо указывая, что слово "самоед" могло быть и нерусского происхождения¹⁴.

Английский правовед Джильс Флетчер, побывавший в России в качестве посла в конце 80-х годов XVI в., как и С. Герберштейн, был убежден, что предание о Золотой бабе есть "пустая басня". По его данным, в устье Оби находилась скала, которую при определенной фантазии можно принять за женщину с ребенком на руках. В этом месте обдорские самоеды занимались рыбным промыслом, а иногда "по своему обычю" устраивали моления¹⁵. Автор современной монографии Л. В. Хомич подтверждает, что жертвенные места ненцев устраивали возле камней какой-нибудь особенной формы¹⁶. Як. Рейтенфельс, отличие от Флетчера, не сомневался, что идол Золотая баба существовал в действительности, однако русские переселенцы его уничтили, а холм, где приносились "гнусные жертвы", прозвали Чертов Приказом или Канцелярией дьявола¹⁷.

В записках польского военнопленного Адама Каменского, появившегося в конце 50-первой половине 60-х годов XVII в. в различных местностях Западной и Восточной Сибири, содержатся весьма реалистические данные о некоторых автохтонных народах. Он отдавал должное промысловым навыкам эвенков и якутов (последние, по его словам, выделявали "железо... хорошее, как сталь"), сообщал о землеметии у сибирских татар и захоронениях приангарских аборигенов, интересовался бытовыми традициями хантов и манси. Большое внимание он уделял религиозным верованиям коренного населения. Так, сведениям А. Каменского, у ваховских хантов были ярко выражены тотемические представления ("верят в лебедей, в журавлей, уток и называют их богами"), а верхотурские манси, убив медведя,

плачут и приговаривают, что умертили его не сами охотники, а их
лук¹⁸.

В условиях развития культуры и просвещения гуманистические идеи не могли не проникнуть в сферу осмысления отношений европейцев с аборигенным населением колониальных стран. Известный французский философ Мишель Монтень в своем главном труде "Опыты" (1580 г.) писал, что в туземцах "нет ничего варварского и дикого, если только не считать варварством то, что нам непривично. Ведь... у нас, по-видимому, нет другого мерила истинного и разумного, как служащие нам примерами и образцами мнения и обычаи нашей страны". Естественное состояние и "чистую непосредственность" коренных американцев он ставил выше, чем "извращенное варварство" обывателей Старого Света¹⁹.

Западные авторы в рассматриваемый период в целом не склонны были к идеализации сибирских автохтонов и созданию образа "доброго дикаря". Наоборот, они подчеркивали убогость и примитивность их культуры и условий жизни. Вместе с тем достоянием ряда описаний становится мысль, что самооценка аборигенов отличается от восприятия европейцев. Так, по рассказам А. Олеария, самоеды утверждали, что северные края более благоприятны для обитания, чем любая другая страна. Они не сомневались, что если бы русский монарх знал о великолепии их родины, то оставил бы столицу и переселился к ним на всю жизнь²⁰. По словам другого писателя, когда самоеды спросили о внешности его жены и прелестной англичанки, он ответил: "...Ваши женщины бледны как тело рыбы, а у наших румянец естественный и неподдельный"²¹.

Представляют интерес наблюдения тех авторов, которые касались вопросов взаимоотношения российской государственности и аборигенов Зауралья. Учитывая ограниченность и возможную тенденциозность информации западных посланников, тем не менее можно предположить, что на их оценку "сибирского взятия" оказали влияние и определенные различия в методах осуществления колониальной политики Россией и европейскими странами²².

Голландский купец и резидент Исаак Масса, долгие годы проживший в Москве, опубликовал в 1612 г. в Амстердаме две статьи о Сибири²³. Он весьма вольно обращался с фактическими данными, хро-

нологическими вехами и действующими лицами русской истории, путай и исказя ход событий на востоке страны. Однако общее понимание процесса присоединения Сибири у него неизменно: русские овладели новыми территориями преимущественно мирными средствами.

По его словам, уже ранние торговые контакты Строгановых и зауральских аборигенов строились на основе согласия и дружбы. Первые правительственные отряды в Сибири по воле монарха также якобы оказывали туземцам всяческое расположение, с почтением относились к старейшинам исыпали их подарками. В результате жители Западной Сибири добровольно приняли российское подданство и выразили желание выплачивать ежегодную дань. Прибывшие в Москву посланцы "различных племен", по трактовке голландского писателя, как о милости просили царя, чтобы он послал к ним своих людей для управления и сбора налогов, и считали себя счастливыми, что могут повиноваться такому могущественному повелителю. В свою очередь русские власти не тронули языческую веру автохтонов, а оставили их при "прежних обычаях"²⁴.

Як. Рейтенфельс с недоумением констатировал, что коренное население Сибири покорилось московской власти не в результате военного давления, а убедившись в перспективах торговых сношений с русскими людьми²⁵. О добровольной уплате аборигенами дани и торговых связях с московитами писали и другие авторы²⁶.

Дж. Флетчер, напротив, считал, что царь налагал подати и обирал аборигенов Севера и Зауралья, "как только ему заблагорассудится". При этом, по его словам, московское правительство покоряло и удерживало новые земли более грозою меча, нежели самим оружием. Для удовлетворения туземцев монарх, по сведениям Флетчера, назначал русскую администрацию и содержал небольшие воинские гарнизоны, запрещал местным жителям иметь оружие и деньги и разбивал аборигенные области на мелкие округа, подобно трости, разломленной на несколько частей²⁷.

По наблюдениям А. Олеария, московитам присуща терпимость по отношению к представителям других народов и конфессий²⁸. П. Ламартинье оставил любопытное суждение о том, что русские, родившиеся на европейском Севере и в Сибири мало отличались от коренных субэтателей, "как по нравам и костюму, так и по образу жизни"²⁹.

Таким образом, в конце XVI-первых шести десятилетий XVII в. сведения западноевропейских авторов о населении Сибири не отличались таким многообразием и фактической полнотой, как русские источники, отражавшие разноплановый процесс взаимодействия с аборигенами в ходе освоения нового края. Зарубежные писатели находились в известной зависимости от стереотипов предшествующего времени, хотя зачастую подвергали их критическому анализу и переосмыслению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги формированию на Руси исторических представлений о коренных народах Сибири от первых эпизодических контактов до утверждения российской власти на основной территории Северной Азии, надо иметь в виду, что дошедшие до нас материалы высвечивают лишь какую-то часть исторических реалий, а положительная информация закодирована в них в соответствии с особенностями средневекового мышления.

Имеющиеся в нашем распоряжении тексты не всегда адекватно отражают этнографические познания жителей Восточной Европы. Полинные наблюдения трансформировались не в результате, как принято считать, произвольного "фантазирования и легковерия" сочинителя, а в силу господствующих мировоззренческо-религиозных взглядов историографических традиций и специфики жанра произведений. Нередко действительные представления оставались за рамками русской памятников письменности, отторгаясь устоявшимися стереотипами летописными формами, но получали некоторый выход в работах западноевропейских авторов.

Для агиографических житийных сочинений и ряда сибирских летописей типична обличительная характеристика язычников, акцентирование мессианской роли православных подвижников или возвеличение христианского подвига Ермака и его дружины. В "Ведомости Китайской земле и о Глубокой Индии" и Кунгурской повести сведения о зауральских народах окрашены фольклорными, а в сказании "Оловецех незнаемых в Восточней стране" еще и книжными мотивами. новгородских, московских, вологодско-пермских, устюжских летописных сводах на первом плане всегда находится конкретно-событийный канва контактов с зауральскими аборигенами, а сибирские этносы рассматриваются прежде всего как объекты северо-восточной политики русских государственных образований.

В документальных материалах конца XVI-XVII в. заключены широкие, преимущественно достоверные данные о коренных обитателях Сибири, почти не искаженные религиозными или другими идеологическими наслаждениями. Однако этот грандиозный массив источников

ван к жизни не научно-исследовательскими задачами, а утилитарной потребностью в получении объективных сведений для продвижения и закрепления на восточных окраинах страны. Не случайно, землепроходцы сосредоточивали внимание прежде всего на тех сторонах автохтонной культуры, которые непосредственно соприкасались с интересами Московского государства и восточноевропейских пришельцев и могли использоваться в практике подчинения и управления коренными народами.

За многовековую злоху взаимных связей отечественная историография сибирских аборигенов претерпела серьезную эволюцию. Первые известия о югре, самояди и других "поганских людях" были крайне фрагментарны и легко подвергались воздействию религиозных трафаретов и фольклорных мотивов. С течением времени крепло убеждение, что зауральские обитатели имеют мало общего с фантастическими существами, хотя и ведут, с точки зрения европейца, странный образ жизни. Утверждается взгляд на автохтонов как поставщиков ценного пушного сырья, с которыми выгоднее обращаться "лаской и приветом", а при необходимости следовало применить и "жесточь".

Однако неверно представлять время первичного знакомства и познания жителей Сибири как непрерывный поступательный процесс накопления положительной информации и расширения этнографического кругозора. Ростки реальных представлений с трудом пробивались сквозь мощный фундамент идеологических постулатов и религиозно-этических воззрений, легендарно-фольклорных и книжных образов. Даже непосредственное проникновение и обживание сибирских окраин, острая необходимость установить взаимоприемлемые формы существования с населением обширных территорий Северной Азии не искоренили в ряде литературных произведений подход к язычникам как "богомерским сыроядцам" и "поганым супостатам".

В связи с этим перед нами встает важная проблема складывания и трансформации этнических стереотипов. Анализ летописных сюжетов доермаковского периода и документальных памятников конца XVI-первых шести десятилетий XVII в. дает основание для заключения о преобладании у русских людей ориентации на конструктивные контакты с участниками совместных торговых, ясачных или поисковых операций и, соответственно, формировании образа делового, хотя и не-

равноправного партнера. Летописцы XII-XVI вв. при упоминании сибирских аборигенов, как правило, воздерживались от использования отрицательных трафаретов или религиозно-этических оценок. Документальные источники последующего времени рассматривали языковых людей в ряду других податных сословий российского общества. Этническая лексика служебных материалов носила нейтральный характер и не вызывала враждебно-негативных ассоциаций.

Между тем существовал и другой стереотип, вызванный многолетней борьбой русских государственных образований с набегами степняков, татаро-монгольскими завоевателями и их преемниками, затем крымскими и турецкими вторжениями. В связи с подъемом национального самосознания после Куликовской битвы, а особенно в результате свержения ордынского ига и покорения Казанского и Астраханского ханств, тема борьбы с "погаными" приобрела большое общественно-политическое звучание и заняла важное место в исторической публицистике. В русском общественном сознании XVI в. утвердилось негативное представление о татарах как целостной, сильной, разрушительной силе¹.

Механизм взаимодействия образов северо-восточного аборигена и южного степняка и их преобразование в единый образ коренного сибиряка практически не изучен и требует специальных исследований. Пока лишь ясно, что документальные источники в силу практического предназначения восприняли и развили первый из этих видов этнических стереотипов, а официальное сибирское летописание, агиографические произведения, отражая религиозную полемику по вопросам вославия с другими конфессиями, активно внедряли второй.

В реальных условиях сибирского общества XVII в., вероятно, преобладал настрой на межэтническое общение и веротерпимость. В этом свидетельствуют не только документальные, но и летописные материалы. Сочинения, близкие к народной казачьей среде, как Курганская летопись, или придерживавшиеся официальной позиции, вводившие самостоятельные сюжеты о местных народах, как Хронографическая повесть, теряют обличительные характеристики и негативные определения и переходят на деловой, конкретно-описательный стиль изложения и нейтральную лексику.

Таким образом, русская историография коренного населения Сибири

Фактически на одном из хронологических рубежей не представляла из себя единого концептуального "монолита": она складывалась из взаимодействия идеологических постулатов и утилитарных подходов, реальных представлений и ложных стереотипов, фольклорных образов и книжных традиций.

Работа, проделанная в рассмотренную эпоху по накоплению обширного корпуса источников, их осмыслению и практическому использованию, позволила в конце XVII-XVIII в., с одной стороны, разиться научным принципам и методам изучения сибирских аборигенов, с другой - постепенно перейти к более жесткому государственному регулированию отношений в национальных окраинах. При этом проблема вхождения народов в состав России и взаимоприемлемого сожительства возникшего этнокультурного конгломерата не получила однозначного решения. Интерес к ней постоянно поддерживался в отечественной исторической и общественной мысли то в приглушенной форме, то получая в отдельные периоды животрепещущий резонанс и выливаясь в острые политические конфликты.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Соколова З.П., Новикова Н.И., Скорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы//ЗО. N1. 1995. С. 77; Проект закона Российской Федерации "Основы правового статуса коренных народов Севера России"//Там же. С. 80.
2. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв.//Научн. труды. Т. III, ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 17-71.
3. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1960; Он же. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970.
4. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири до октябрянского периода (конец XVI-начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984.
5. Иванов В.Н. Историческая мысль в России XVIII-середина XIX в. о народах северо-востока Азии. М.: Наука, 1989; Он же. Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII-начало XX в.). Якутск, 1978.
6. Титова З.Д. Источники XVIII в. на западноевропейских языках по изучению коренных народов Сибири и Северо-Востока. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Л., 1989.
7. Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма (1861-1917): Учеб. пособие. Изд-во Иркутск. ун-та, 1990.
8. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). М., 1895-1901. Ч. I-IV.
9. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. XVII век. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
10. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских п

В примечаниях выделены фамилии авторов или названия работ, впервые встречающиеся в каждом разделе книги.

- тешественников и писателей XIII-XVII вв. Иркутск, 1941.
11. Миненко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII-первой половины XIX в. Новосибирск, 1981.
 12. Пипин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. СПб., 1892. С. 177-452.
 13. Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966.
 14. Косвен И.О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII-XVII вв.)//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 30-70.
 15. Лашук Л.П. Проблема становления русской этнографической науки//Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 8-36.
 16. Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1974.
 17. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. М.: Изд-во МГУ, 1992.
 18. Мартынов А.И. Историография археологии Сибири. Учеб. пособие. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1983.
 19. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1953; Он же. Народы Южной Сибири. Новосиб. кн. изд-во, 1953.
 20. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII-XIX вв.: Проблемы Фратрии и рода. М.: Наука, 1983; Она же. Страна Йогрия. М.: Мысль, 1976; Она же. Путешествие в Йогру. М.: Мысль, 1982.
 21. Пелих Г.И. Селькупы XVII в. (Очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981.
 22. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI-первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981; Он же. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI-начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992.
 23. Кулемзин В.М., Лужина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992.

24. Алексеенко Е.А. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967.
25. Хомич Л.В. Ненцы. М.-Л.: Наука, 1966.
26. Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965.
27. Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск: Наука, 1973.
28. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М., 1890.
29. Плыгузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. И. Ютонвиль: Археографический центр, 1993.
30. Более подробная библиография содержится в соответствующих разделах текста.

Глава 1. ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КОРЕННОМ НАСЕЛЕНИИ ЗАУРАЛЬЯ (до 80-х годов XVI в.)

§1. Древние и раннесредневековые авторы о северо-восточных областях и народах Евразии

1. Шалиро А.Л. Русская историография с древнейших времен. 1917 г. М.: Культура, 1993. С. 47; Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI-XVI вв. // Древнерусские литературные памятники: ТОДРЛ. Вып. XXXIII. Л.: Наука, 1979. С. 3-31; Буданов Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв. Munchen: Verlag Otto Saenger. 1991 (Slavistische Beiträge, 278). С. 22-23.
2. Bolton Jam.D.P. Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1890. P.1: Куклина И.В. Этнogeография Скифии по античным источникам. М.: Наука, 1985. С. 68.
3. Иванчик А.И. О датировке поэмы "Аримаспейя". Аристея, антический и китайский // Вестник древней истории. №2. 1989. С. 29-48; Донцов А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории Аристея". М.: Наука, 1982. С. 220, прим. 181.

4. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. С. 190; Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//Вестник древней истории. №1. 1947. С. 298.
5. Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С. 32.
6. Friedman J.B. The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1981. Р. 5-25.
7. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 2, вып. 3-4. СПб., 1993. С. 348.
8. Геродот. Указ. соч. С. 192.
9. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Указ. соч. С. 248-249, прим. 231.
10. Геродот. Указ. соч. С. 192-193.
11. Там же. С. 193.
12. Там же.
13. Там же. С. 190.
14. Там же. С. 173
15. Хенинг Р. Неведомые земли. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. С. 92.
16. Эсхил. Прометей Прикованный//Эсхил. Трагедии. М.: Искусство, 1978. С. 167.
17. Латышев В.В. Известия... 1947. С. 303.
18. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Государственное издательство по археологии, 1957. С. 405-414; Латышев В.В. Известия... 1993. С. 284-285; Немировский А.И. Указ. соч. С. 38, 157; Италь И.В. Эпические предания Древней Греции. М.: Наука, 1989. С. 139-140.
19. Латышев В.В. Известия... 1947. С. 310, 311, 316; Там же. 1993. С. 171, 311-312; Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 404-405; Кукулина И.В. Указ. соч. С. 170.
20. Латышев В.В. Известия... 1947. С. 312; Там же. 1993. С. 222.
21. Геродот. Указ. соч. С. 173.
22. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Указ. соч. С. 97.

23. Латышев В. В. Известия... 1993. С. 284-285.
24. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии
Древние арии: мифы и история. М.: Мысль, 1983. С. 31-32; Куклина
И. В. Указ. соч. С. 170; Шталь И. В. Указ. соч. С. 140; Полосыма
Н. В. "Стерегущие золото грифы" (ак-алахинские курганы). Новосибирск:
Наука, 1994. С. 6.
25. Краткий обзор отечественной и зарубежной литературы по
этой теме см.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы
нашей страны... С. 248-249, 251-258, 264-265.
26. Гумбольдт А. Центральная Азия. М., 1915. С. 190-194.
27. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I// Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. ДЗ-9. М.-Л., 1962. С. 37.
28. Хеннинг Р. Указ. соч. С. 94. 100.
29. Полосыма Н. В. Указ. соч. С. 6-10. 97; Шталь И. В. Указ. соч. С. 137; Bolton Jam. D. P. Aristeas of Proconnesus. Р. 118.
30. Геродот. Указ. соч. С. 170.
31. Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М.: Изд-во географ. лит., 1961. С. 39-41.
32. Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977. С. 77-80.
33. Куклина И. В. Указ. соч. С. 170-171.
34. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. Указ. соч. С. 7-11.
51. 66. 67. 71. 133. 134. 148.
35. Там же. С. 71-73.
36. Полосыма Н. В. О греческих параллелях некоторым древнекитайским мифам//Культурногенетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. Томск. 1993. С. 95-96.
37. Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 415. 416. 419. 422-423.
38. Геродот. Указ. соч. С. 194.
39. Там же. С. 190.
40. Мифологический словарь/Сост. М. Н. Ботвинник, М. Ф. Коган, М. Б. Рабинович, Е. П. Селецкий. М.: Просвещение, 1965. С. 105.
41. Демин М. А. Реальные представления и легендарная традиция в освещении коренного населения Сибири в средневековой литературе//Этносы Сибири. История и современность: Сборник тезисов науч-

- но-практической конференции. Красноярск. 1994. С. 75-78.
42. Александрия// "Изборник" (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Худ. лит., 1969. С. 267.
43. Там же. С. 265-271.
44. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XII-XVII вв. Иркутск, 1941. С. 20.
45. Лихачев Д.С. Монументально-исторический стиль древнеславянских литератур// Он же. Прошлое - будущему. Л.: Наука, 1985. С. 284-285; Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М: Мысль, 1987. С. 156; Кузаков В.К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X-XVII вв. М.: Наука, 1976. С. 226, 307.
46. Лотман Ю.И. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах// Труды по знаковым системам. Ч. 2 Уч. зап-ки Тартуского ун-та. Тарту, 1965. С. 211-212.
47. Кесарийский Андрей. Толкования на Апокалипсис// Лит. учеба. Кн. 2. 1991. С. 124; Библейская энциклопедия. М.: Терра, 1991. С. 165.
48. Коран. М.: Наука, 1986. С. 249, 250, 273.
49. Палтусов Н. Как далеко простирались сведения арабских географов в глубь Средней Азии??// Изв. Об-ва археол., истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. 25, вып. 5. Казань, 1909. С. 94; Хордадбех ибн. Книга путей и стран. Баку: Элм, 1986. С. 44; Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М.: Наука, 1988. С. 114, 130, 134; Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 119.
50. Хордадбех Ибн. Указ. соч. С. 129-133.
51. Там же. С. 45-46.
52. Zichy Et. Le voyage de Sallam, l'interprete, a la mura 11le de Gog et de Magog// Korosi Csoma Archivum. Vol. 1. 1921-1922. Leiden, 1967. P. 200.
53. Ковалевский А.П. О степени достоверности Ибн-Фадла на// Исторические записки. N35. 1950. С. 282.
54. Худуд-ал-Алем (Рукопись Туманского). Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 1.
55. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. И .

Наука, 1973. С. 37, 44.

56. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX-X вв. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 60.
57. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 69, рис. 1.
58. Заходер Б.Н. Указ. соч. С. 59, 62.
59. Кузаков В.К. Указ. соч. С. 313.
60. Беленгийцкий А.М. "Картина мира по Бируни"//Уч. зап-ки. ЛГУ. № 98. Серия востоковедч. наук. Вып. 1. Л., 1949. С. 209-210.
61. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений... С. 28-29, 62.
- 68; Там же. Т. II. С. 62, 68.
62. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 297.
63. Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 285-287.
64. Заходер Б.Н. Указ. соч. Т. II. С. 60.

§2. Сведения о сибирских аборигенах в русских письменных памятниках XII-XVI вв.

Югра и самоядь древнерусского свода

1. Повесть временных лет во Лаврентьевской летописи 1377 г. Ч. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1950. С. 167.
2. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032-1822 гг. Сургут: Северный дом, 1993. С. 15.
3. Соколова З.П., Туголуков В.А. Старые и новые названия народов Севера//СЭ. №1. 1983. С. 77.
4. Соколова З.П. Ханты//ВИ. №8. 1971. С. 213; Лашук Л.П. О человеке незнаемых//ВИ. №11. 1971. С. 206.
5. Повесть временных лет... С. 10.
6. Диаконов А. Покорение угорских земель и Сибири: Пермская старина. Вып. V. Пермь. 1894. С. 3-13; Андреев А.И. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР//Финноугорский сборник. Л.: Изд-во АН СССР. 1928. С. 256-257.
7. Огородников Е.К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их

притоками по книге Большого Чертежа. СПб., 1875. С. 23; **Бахрушин С.В.** Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. //Науч. тр. Т. 3, ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 86; **Беляев М.И.** Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. Т. I. М.: Морской транспорт, 1956. С. 27; **Хайду Петер.** Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. С. 35; **Плигузов А.И.** Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.-Ньютонвиль: Археограф. центр, 1993. С. 46.

8. **Бутен А.** Опыт исследования о древней Югре//Вестник Рус. геогр. об-ва. Кн. 4. СПб., 1885. С. 167-190; **Щеглов И.В.** Указ. соч. С. 15; **Мавродин В.В.** Рец. на кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней//История СССР. №5. 1967. С. 183; **Казаков Ю.В.** Хождения в Югру. Сургут: Северо-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. С. 17.

9. **Лерберг А.Х.** Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С. 1-82; **Оксенов А.** Торговые сношения русских с обитателями Северо-Западной Азии до эпохи Ермака//Томские губернские ведомости. №10. 1888. С. 7; **Он же.** Слухи и вести о Сибири до Ермака//Сибирский сборник: Приложение к "Восточному обозрению". Кн. IV. СПб., 1887. С. 108-109; **Лашук Л.П.** Указ. соч. С. 206, 208; **Крубанов А.И., Сергеев О.И., Чернавский В.Н.** Исторические предпосылки открытия и хозяйственного освоения русскими людьми сибирских и дальневосточных земель в XVI-начале XVII в. //История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII в. М., 1989. С. 361; **Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири//Археология СССР: Финноугры и балты в эпоху средневековья . М.: Наука, 1987. С. 215-216.

10. **Латиноязычные источники по истории Древней Руси:** Германия (середина XII-середина XIII в.). Ч. 2. М.-Л., 1990. С. 332.

11. **Дмитриев А.** Указ. соч. С. 20-31.

12. **Андреев А.И.** Указ. соч. С. 257; **Бояршинова З.Я.** Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. С. 57; Соколова З.П. Указ. соч. С. 213-214; Соколова З.П. Страна Югория. М.: Мысль, 1976. С. 18.

13. **Долгих Б.О.** Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. С. 49-52, 62; **Лашук Л.П.** Указ. соч. С. 209.

14. **Изборник славянских и русских сочинений и статей.** внес-

- нных в хронографы русской редакции: Сост. и изд. А. Н. Попов. 4. 1869. С. 176.
15. Лашук Л. П. Из этнографии Северо-Западной Сибири//Вестник ИГУ. №2. 1966. С. 73-75; Соколова З. П., Туголуков В. А. Указ. соч. 80-81.
16. Долгих Б. О. Указ. соч. С. 62.
17. Повесть временных лет... С. 167.
18. Аналогия этому рассказу недавно выявлена в древнеисландской "Саге о Стурлауге Трудолюбивом" (Глазырина Г. В. Скандинавская параллель летописному рассказу отрока новгородца Гюряты Роговича//Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей: Тезисы докладов. М., 1994. С. 8-9). Однако судя по тексту Г. В. Глазыриной, в скандинавском произведении представлен совсем иной сюжет: заточение героев в пещере, что никак не связано с темой сообщения послания Гюряты Роговича о немом торге.
19. Повесть временных лет... Ч. 2. Приложения. С. 457.
20. Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 284-287; Бонгард-Лев Г. М., Грантовский Э. А. Указ. соч. С. 150-151; Лашук Л. П. Указ. соч. С. 208.
21. Лашук Л. П. "Сиртя" – древние обитатели Субарктики//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 178-180, 192; Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966. С. 27.
22. Повесть временных лет... Ч. 1. С. 167-168.
23. Повесть временных лет... Ч. 2. Приложения. С. 424.
24. Повесть временных лет... Ч. 1. С. 197.
25. Лерберг А. Х. Указ. соч. С. 81-82; Щеглов И. В. Указ. соч. С. 17; Мавродин В. В. Русское полярное мореходство и открытие русских поморов на севере Европы с древнейших времен и до XVIII в.//ВИ. №8. 1954. С. 96.
26. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 29.
27. Повесть временных лет... Ч. 2. Приложения. С. 480.
28. Демин А. С. "Свои" и "чужие" этносы в "Повести временных лет"//Славянские литературы. XI Международный съезд славистов.

Доклады российской делегации. М., 1993. С. 8-11. **Он же.** К вопросу о древнерусском этническом сознании (Поляки в "Повести временных лет")//Русская история: проблемы менталитета: Тезисы докладов научной конференции. М., 1994. С. 37-38.

29. **Лимонов Ю.А.** Этнический и географический "справочник" человека Древней Руси (IX-XIII вв.)//Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей: Тезисы докладов. М., 1994. С. 22.

Новгородские летописцы о походах в Оргу

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 38, 229.
2. Там же. С. 40-41.
3. Бернадский В.И. Новгород и Новгородская земля в XV веке М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 50, 149; Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI-XVII веках. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 30.
4. Семенова В.И. Русские вещи из раскопок хантыйского городка Мункысь Урий конца XVI-начала XVII веков//Культурногенетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. Томск, 1993. С. 178.
5. Могильников В.А. Указ. соч. С. 215.
6. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.//Научн. труды. Т. III, ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 74-75.
7. ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 17.
8. Там же. С. 64-65.
9. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации... С. 138.
10. Бернадский В.И. Указ. соч. С. 17.
11. Смирнов М.И. Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911. С. 60.
12. Бояршикова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIII-XVI вв.//История Сибири. Т. 1. Л.: Наука, 1968. С. 368.
13. Новгородская первая летопись... С. 425.

Автохтонное население Приуралья и
Северо-Западной Сибири в сфере влияния Москвы

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации... С. 75-76.
2. ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 216; Новгородская первая летопись... С. 97, 99.
3. История о родословии, богатстве и отечественных заслуг знаменитой фамилии гг. Строгановых. Пермь, 1881. С. 16-19.
4. ПСРЛ. Т. V. С. 250.
5. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 86.
6. Там же. С. 86, 94.
7. Там же. С. 94.
8. Плигузов А.И. Указ. соч. С. 141-153.
9. Вологодско-пермская летопись: ПСРЛ. Т. 26. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 277; Холмогорская летопись: ПСРЛ. Т. 33. Наука, 1977. С. 125.
10. Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 41.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. III. Т. V. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1963. С. 142.
12. Никоновская летопись: ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 2.
- Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв.: ПСРЛ. Т. 37. Наука, 1982. С. 51, 98.
13. Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Наука, 1966. С. 29.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 204.
15. Разрядная книга... С. 29. В литературе высказывалось мнение, не получившее, однако, подтверждения, что в тексте разрядной книги допущена ошибка, и в составе русской рати участвовали не остыки, а вотяки (В-н А. О походе вятчан на Югру в 1499 г. // Труды вятской ученой архивной комиссии 1908 года. Вып. Вятка, 1908. С. 11-12).
16. Мартынова Е.П. Община - юрт у хантов//Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. VII. 1991. С. 63-64.

17. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 152.
18. Никоновская летопись. С. 215.

Церковно- книжная традиция изображения
языческих народов

1. Никоновская летопись. С. 109.
2. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 411-416.
3. Повесть о Стефане, епископе Пермском//Памятники старинной русской литературы. Вып. IV. СПб., 1862. С. 127.
4. Там же. С. 133. См., например, формулировку этой идеи Эразмом Роттердамским: "Одно для всех крещение, воссоединяющее нас с Христом, и, отсеченные от греховного мира, мы становимся членами тела Христова... Нет ни раба, ни свободного, ни варвара, ни грека, ни мужчины, ни женщины, но все - одно во Христе, всех приводящем к согласию" (Эразм Роттердамский. Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного//Эразм Роттердамский и его время. М.: Наука, 1989. С. 258).
5. АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 168.
6. /ПСРЛ. Т. V. С. 250.
7. Летописный сборник: ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 165.
8. Народы Сибири/Народы мира. Этнографические очерки. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 593, 627 и др.; Гурвич И.С. Культ священных камней в тундревой зоне Евразии//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 238; Шапошников Г.А. Изучение религий первобытного общества в советской науке в 1950-1980-х годах//Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 45; Новикова Н.И. Некоторые этнические особенности календарной обрядности манси//Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. VII. М., 1991. С. 156-157.
9. Бегунов Ю.К. Раннее немецкое известие о золотой бабе//Известия СО АН СССР. N 11. Серия обществ. наук. Вып. 3. Новосибирск, 1976. С. 122, 126; Трубецкая Н.С. К вопросу о "Золотой бабе" //ЗО. N1-2. М., 1906. С. 52-62.

10. Летописный сборник. С. 164-165.

"О человечех незнаемых в Восточней стране"

1. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ери М., 1980. С. 6-12; Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С.
2. Анучин Д.Н. Указ. соч.: Косвен М.О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII-XVII вв)//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1. М.: Изд-во СССР, 1956. С. 35-36; Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... С. 30-33; Токарев С.А. Указ. соч. С. 36-39; Лашук Л. Человечех незнаемых. С. 209-210.
3. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1960. 64-65; Он же. Историография Сибири (домарксистский период). Мысль, 1970. С. 11.
4. Плигузов А.И. Текст-кентавр...; Он же. Первые русские описания Сибирской земли//Вопросы истории. №5. 1987. С. 38; Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ. 1988. Коттари. С. 332-336 и др.
5. Плигузов А.И. Текст-кентавр... С. 50, 67, 70.
6. Там же. Приложения. С. 81-82, 96.
7. РИБ. Т. II. СПб., 1875. Стлб. 167; Миненко Н.А. К вопросу о расселении и родовом составе народов Нижнего Приобья в XVII в.//Известия СО АН СССР. №6. Серия обществ. наук. Вып. 2. 1980. С. 79.
8. Плигузов А.И. Текст-кентавр... С. 42.
9. Старцев Г.А. Самоеды (ненча). Л.: Изд-во Ин-та нар. Севера, 1930. С. 125.
10. Плигузов А.И. Текст-кентавр... Приложения. С. 97, 98.
11. Там же. С. 78-79, 85, 100.
12. Анучин Д.Н. Указ. соч. С. 37; Он же. Город Мангазейская земля//Анучин Д.Н. Географические работы. М., 1980. С. 151.
13. Вербов Г.Д.: О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в.//Известия ВГО. Т. LXXV, вып.

- М.-Л., 1943. С. 16-23.
14. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск. 1989. С. 200.
 15. Плигузов А.И. Текст-кентавр... С. 80.
 16. Анучин Д.Н. К истории ознакомления... С. 60-62, 73; Денин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 6-7.
 17. Токарев С.А. Указ. соч. С. 38; Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири. С. 64; Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири: Спецкурс. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 38-39; Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. С. 69.
 - 18.. Вербов Г.Д. Указ. соч. С. 19; Лашук Л.П. О человеке незнаемых. С. 210; Плигузов А.И. Первые русские описания... С. 43-46; Он же. Текст-кентавр... С. 53-64.
 19. Плигузов А.И. Текст-кентавр... Приложения. С. 86.
 20. Там же. С. 106; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 192.
 21. Плигузов А.И. Текст-кентавр... С. 35-36; 40; Лашук Л.П. О человеке незнаемых. С. 210.
 22. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири... С. 32.
 23. Анучин Д.Н. К истории ознакомления... С. 45.
 24. Васильев В.И. Сиирта - легенда или реальность?//СЭ. № 1. 1970. С. 155-157.
 25. Плигузов А.И. Текст-кентавр... Приложения. С. 79, 87.
 26. Анучин Д.Н. К истории ознакомления... С. 47-48.
 27. Плигузов А.И. Текст-кентавр... Приложения. С. 79-80.
 28. Алексеев М.П. Сказания иностранцев о России и ненецкий эпос//СЭ. № 4-5. 1935. С. 154-155.
 29. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 168.
 30. Плигузов А.И. Текст-кентавр... Приложения. С. 81.
 31. Там же. С. 42-43.
 32. Васильев В.И. Исторические предания ненцев как источник при исследовании этногенеза и этнической истории северо-самодийских народов//Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 123.

33. Плигузов А.И. Текст-кентавр... Приложения. С. 79-80.
34. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1986. С. 177-178.
35. Шекспир У. Отелло//Шекспир. Трагедии. М.: Правда, 1963. С. 285.
36. Friedman J.B. The Monstrous Races... Р. 1.
37. Джексон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.) М.: Наука, 1993. С. 251-252; Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 204.
38. Рэли-Уолтер. Открытие Гвианы. М.: Изд-во геогр. лите., 1963. С. 91.
39. Путешествия Христофора Колумба: Дневники, письма, документы. М.: Изд-во геогр. лите., 1950. С. 113, 125.
40. Александрия. С. 269.
41. Книга глаголемая Козмы Индикоплюса: Труды Общества любителей древней письменности. Т. 86. СПб., 1886. С. 15; Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. 5. СПб., 1881. С. 64.
42. Сказание об Индийском царстве//Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худ. лите., 1981. С. 466-467.
43. Творогов О.В. Хронографы Древней Руси//ВИ. №1. 1990. 47.
44. Космография. 1670. СПб., 1878-1881. С. 19.
45. Ровинский Д.А. Указ. соч. Кн. 4. С. 376-378.
46. Казанская история. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 17.
47. Ровинский Д.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 12-13.
48. Барг М.А. Указ. соч. С. 139-142; Friedman J.B. The Monstrous Races... Р. 24.
49. Поплавская А.В. Литература народов Севера (Истоки. Сновидение. Развитие). М.: Наука, 1988. С. 30-73.
50. Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 284-287; Анучин К истории ознакомления... С. 5; Алексеев М.П. Сказания иностранцев о России... С. 156; Лашук Л.П. О человеках незнаемых. С. 2.
51. Мифологические сказки и исторические предания эскимосов. Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 66. М., 1961. С. 2.
- Старцев Г.А. Указ. соч. С. 25.
52. Васильев В.И. Сироты - легенда или реальность? С. 1.

Мифологические сказки и исторические предания энцев. С. 225.

Дорогской дорожник

1. Плигузов А.И. Первые русские описания... С. 49; Он же. Текст-кентавр. С. 25-26.
2. Герберштейн С. Записки о московских дела. **Павел Новый Новокомский**. Книга о московском посольстве. СПб., 1908. С. 127-132; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 156-160.
3. Хорошевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его "Записки о Московии"//С. Герберштейн. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 7-45.
4. Гольдберг А.Л. Отражение историко-политических идей русской письменности в западноевропейской печати XVI-XVII вв.//Рукописная и печатная книга. М.: Наука, 1975. С. 132.
5. Герберштейн С. Записки о Московии. С. 332-333, прим. 523; Плигузов А.И. Текст-кентавр... С. 18-20.
6. Герберштейн С. Записки о Московии. С. 157.
7. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории... С. 9-65.
8. Герберштейн С. Записки о Московии. С. 157.
9. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Указ. соч. С. 128; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 335, прим. 551.
10. Герберштейн С. Записки о Московии. С. 157.
11. Там же. С. 157, 160.
12. Там же. С. 335, прим. 554.
13. Летописный сборник: ПСРЛ. Т. XIII. первая половина. СПб., 1904. С. 248.
14. Герберштейн С. Записки о Московии. С. 160.
15. Там же. С. 157, 160.
16. Косвен М.О. Указ. соч. С. 38, 42-43.

Представления о народах Западной Сибири
в Российском едином государстве в доермаковский период

1. Васильев В.И. Ненцы и энцы//Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 48; Долгих Б.О. Очерки по этнической

- истории. С. 64, карта 1; Хомич Л.В. Ненцы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 16.
2. Народы Сибири. С. 608.
 3. Васильев В.И. Указ. соч. С. 51; Народы Сибири. С. 661; Долгих Б.О. Очерки по этнической истории... Карта 4.
 4. Грачева Г. Нганасаны//Народы России: Энциклопедия. М.: 1994. С. 242.
 5. Лашук Л.П. Из этнографии Северо-Западной Сибири. С. 7; Бояршина З.Я. Степанов Н.Н. Указ. соч. С. 353.
 6. Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси)//Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 8-47; Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 87-88.
 7. Соколова З.П. Обские угры... С. 9; Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 88-90; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР. 1986. Карта.
 8. Соколова З.П., Туголуков В.А. Указ. соч. С. 79.
 9. Бояршина З.Я. Указ. соч. С. 57.
 10. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 143; Хайду П. Указ. соч. С. 43.
 11. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. С. 4; Соколова З.П. Ханты. С. 213; Народы Сибири. С. 570; Лашук Л.П. Из этнографии Северо-Западной Сибири. С. 72-73; Соколова З.П., Туголуков В.А. Указ. соч. С. 78; Минеев Н.А. Указ. соч. С. 84.
 12. Бояршина З.Я. Указ. соч. С. 56-58; Соколова З.П. Ханты. С. 214.
 13. Книга Большому Чертежу. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 168, 170.
 14. Бояршина З.Я. Указ. соч. С. 56-57.
 15. Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических территориальных групп у обских угров//Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 190.
 16. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 188-189; Соколова З.П. К вопросу о формировании... С. 188-189.

17. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Ч. 1. СПб., 1895. Стлб. 922.
18. РИБ. Т. II. СПб., 1875. Стлб. 176.
19. Летописи сибирские/Сост. и общая редакция Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 118.
20. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. Грамоты. С. 399.
21. Оболенский М.А. Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Федоре Алексеевиче//Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. М., 1850. С. 39.
22. Дмитриев А. Указ. соч. С. 92.
23. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. С. 3.
24. Памятники дипломатических сношений... Стлб. 118.
25. Плигузов А.И. Текст-кентавр... С. 144-145.
26. Устюжский летописный свод... С. 94.
27. Там же. С. 102.
28. Нестеров А.Г. Государства шейбанидов и тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв.: археология и история. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1988. С. 6-16; Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Указ. соч. С. 364-366; Бояршинова З.Я. Указ. соч. С. 103-116.
29. Летописный сборник: ПСРЛ. Т. XIII. первая половина. С. 248; Дополнения к Никоновской летописи. ПСРЛ. Т. XIII. вторая половина. СПб., 1906. С. 313.
30. Летописный сборник: ПСРЛ. Т. XIII. первая половина. С. 276, 285.
31. Бояршинова З.Я. Указ. соч. С. 144.
32. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 73.
33. Тизенгаузен В. Указ. соч. С. 238.
34. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе//Исторический архив. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 93.
35. Лимонов Ю.А. Первое упоминание о Сибири в русских источниках//Изв. СО АН СССР. N1. Серия обществ. наук. Вып. 1. 1967. С.

115-116.

36. Симеоновская летопись: ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 153.
Устюжский летописный свод... С. 70.
37. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 207; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII века. М.: Наука, 1972. С. 45.
38. Памятники дипломатических сношений... Стлб. 1042, 1043.
39. Там же. Стлб. 1013, 1021, 1023, 1026-1028, 1032, 1037.
40. Флоричский В.М. Заметка о происхождении слова "Сибирь"//Известия Томского ун-та. Кн. 1. отд. II. Томск, 1889. С. 3-14.
41. Бояршина З.Я. Указ. соч. С. 135.
42. Валеев Ф.Т., Исхакова С.И. К вопросу о происхождении термина "Сибирь"//Региональные проблемы межнациональных отношений в России: Материалы всероссийской конференции. Омск, 1993. С. 55.
43. Бояршина З.Я. Указ. соч. С. 138.
44. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 195.
45. Бояршина З.Я. Об историческом значении слова "Сибирь"//Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тезисы докладов и сообщений. Вып. 1. Новосибирск, 1981. С. 6-7; Она же. Население Западной Сибири... С. 140-141.

§3. Зарубежные европейские сочинения XIII-XVI вв. о населении северо-восточных земель

1. Аллатов И.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 119; Буланин Д.М. Указ. соч. С. 22-23.
2. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. СПб., 1890. С. 215; Лихачев Д.С. Своеобразие исторического пути русской литературы X-XVII вв.//Он же. Прошлое - будущему. Л.: Наука, 1985. С. 266; Пушкирев Л.Н. Основные периоды развития общественной мысли феодальной России X-XVII вв.//Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 г. М.: Наука, 1989. С. 158; Сидоров А.А. Рукописность-печатность-книжность//Рукописная и печатная книга. М.: Наука, 1975. С. 237.

3. Лутпов С.П. Книга в России в XVII веке. М.: Наука, 1970.
С. 16-18.
4. Повесть временных лет... Ч. I. С. 21.
 5. Латиноязычные источники... С. 299.
 6. Аннинский С.А. Указ. соч. С. 81.
 7. Там же. С. 81-82.
 8. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука.
М.: Изд-во геогр. лит., 1957. С. 47-48, 72.
 9. Там же. С. 48. О самогедах см. также с. 57 и 72.
 10. Там же. С. 48.
 11. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 14.
 12. Путешествия в восточные страны... С. 154.
 13. Там же. Примечания. С. 238; Алексеев И.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 18.
 14. Путешествия в восточные страны... С. 154.
 15. Некоторые современные авторы отождествляют эти "снаряды" с приспособлениями типа капканов (Головнев А.В. Историческая типология... С. 66). Другие исследователи отрицают наличие самоловных орудий у коренного населения Сибири в дорусский период (Павлов Л.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 161-162).
 16. Книга Марко Поло. М.: Изд-во геогр. лит., 1955. С. 226.
 17. Там же. С. 226, 341.
 18. Аннинский С.А. Указ. соч. С. 93.
 19. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 52-53.
 20. Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 122-124.
 21. Аннинский С.А. Введение//Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 1-4.
 22. Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 45-46, 119.
 23. Там же. С. 85, 45, 84, 118.
 24. Там же. С. 84, 117, 118.
 25. Там же. С. 85, 120, 121.
 - 26.. Там же. С. 117, 83, 122.

27. Bagrow Leo. A history of the cartography of Russia up to 1600. Ontario. 1975. Fig. 24, 35, 48, 50., 54, 65.
28. Огородников Вл. Донесение о Московии второй половины XVI века// Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. Кн. 2(245). М., 1913. С. 20; Английские путешественники..., С. 109; Меховский М. Указ. соч. С. 117; Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 86, 147, 150; Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 117.
29. Меховский М. Указ. соч. С. 117.
30. Герберштейн С. Записки о Московии. С. 164; Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII-XVIII вв./Под ред. А. В. Ефимова. М.: Наука, 1964. С. 16.
31. [Барберини Раф.] Путешествие в Московию в 1565 году//Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1842. С. 42-43.
32. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 155-156.
33. Огородников Вл. Донесение о Московии... С. 19.
34. Аннинский С. А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо//Исторический архив. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 335.
35. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Комментарии. С. 236.
36. В финно-угристике принято считать, что первым указал языковое родство венгров и обских угров в середине XV в. в сочинении "Космография" итальянский гуманист Э. С. Пикколомини (старший папой Пием II). Не исключено, однако, что европейские средневековые авторы до М. Меховского и С. Герберштейна описывали представителей собственно обских угров, а разрозненные группы венгров, обитавших на востоке Европы (Хайду Петер. Указ. соч. 342-343).
37. Меховский М. Указ. соч. С. 69, 83, 118.
38. Герберштейн С. Записки о Московии. С. 163.
39. Там же. С. 163.
40. Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 113-114, 137-138.
41. Меховский М. Указ. соч. С. 46.

42. Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану//Барбаро и Контарини о России. Л.: Наука, 1971. С. 159; Контарини Амброджо. Путешествие в Персию//Там же. С. 229; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 164.
43. Герберштейн С. Записки о московских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московском посольстве. С. 267.
44. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 147.
45. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 66.
46. [Барберини Раф.] Указ. соч. С. 41.
47. Меховский М. Указ. соч. С. 117.
48. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 87.
49. Английские путешественники... С. 108.
50. Атлас географических открытий... С. 16.
51. Меховский М. Указ. соч. С. 84.
52. Английские путешественники... С. 113.
53. Меховский М. Указ. соч. С. 84.
54. Атлас географических открытий... С. 16.
55. Огородников Вл. Донесение о Московии... С. 19.
56. [Барберини Раф.] Указ. соч. С. 42.
57. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 68.
58. Там же. С. 87.
59. Контарини А. Указ. соч. С. 229.
- 60.. Меховский М. Указ. соч. С. 117.
61. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... С. 87.
62. Атлас географических открытий... С. 16.
63. Английские путешественники... С. 108.
64. Там же. С. 114-115.
65. Меховский М. Указ. соч. С. 116.
- 66.. Герберштейн С. Записки о Московии. С. 160.
67. Bagrow Leo. A history of the cartography... Fig. 24. 26.
45. 48, 50, 51, 63. 65.
68. Атлас географических открытий... С. 16.

ГЛАВА II. КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ С КОНЦА XVI ДО 70-Х ГОДОВ XVII В.

1. Бояршинова З. Я., Шунков В. И. Присоединение Западной Сибири к Русскому государству и ее заселение//История Сибири. Т. II. Л.: Наука, 1968. С. 31-36; Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. С. 14-16; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: изд-во, 1989. С. 18-23.
2. Александров В. А. Присоединение Восточной Сибири к Русскому государству и ее заселение//История Сибири. Т. II. Л.: Наука, 1968. С. 41-49; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Указ. соч. С. 24-29; Никитин Н. И. Указ. соч. С. 23-30; Колысов А. Н., Полевой Б. П. Землепроходцы XVII в. и изучение Сибири//Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII-XIX вв.). Сибирь периода феодализма. Вып. 3. Новосибирск: Наука, 1968. С. 20; Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966. С. 52-54.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 589-602; Народы Сибири/Народы мира. Этнографические очерки. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 785; Полевой Б. П. Дючерская проблема (по данным русского документов XVII в.)//СЭ. №3. 1979. С. 47-59; Полевой Б. П., Таксам Ч. М. Этнографические исследования на советском Дальнем Востоке XVII-XX вв. М., 1980. С. 2-3.
4. Александров В. А. Указ. соч. С. 50-54; Никитин Н. И. Указ. соч. С. 36-39.
5. Вилков О. Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в.//Сибирь периода феодализма. Вып. 3. Новосибирск: Наука, 1968. С. 59-81; Он же. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI-начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. С. 36-113.
6. Долгих Б. О. Указ. соч. С. 615-618; Скобелев С. Г. Причины колебаний численности коренных народов Сибири в период включения их в состав русского государства в XVI-XVIII вв.//Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 1. Палео-

мография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма. (Тезисы докл. и сообщ.). Новосибирск, 1989. С. 33.

7. Стариков В.С. Дауры//Народы мира: историко-этнографический справочник. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 152; Абылкасымов А. Переселение енисейских кыргызов в начале XVIII в. и их историческая судьба//Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 81-99; Бутанаев В.Я. Угон населения Хакасии в 1703 г. и его последствия//Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 1. Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма. (Тезисы докладов и сообщений). Новосибирск, 1989. С. 34.

8. [Долгих Б.О.] Пояснение к карте "Расселение народов Сибири в XVII в."//Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1961. С. 8-10; Покшишевский В.В. Заселение Сибири: Историко-географические очерки. Иркутск: Областное гос. изд-во. 1951. С. 79-98; Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. Новосиб. кн. изд-во. 1953. С. 74-76; Минченко Н.А. К вопросу о расселении и родовом составе народов Нижнего Приобья в XVIII в.//Известия СО АН СССР. №6. Серия обществ. наук. Вып. 2. Новосибирск, 1969., С. 85.

§1. Сибирскиеaborигены в документальных памятниках

Обзор источников

1. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970. С. 15.
2. Лебедев Д.М. География в России XVII века. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1949. С. 6.
3. Огородников В.И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI-XVIII вв. Иркутск, 1920. С. 12-16.
4. Минченко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII-первой половины XIX в. Новосибирск, 1981. С. 23; Отголоски Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). М., 1895-1901. Ч. I. С. 41-42; Ч. IV. С. 31-32.
5. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в историч-

кой литературе XVII века. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1960. С. 75-88; Скалон В.Н. Русские землепроходцы-исследователи Сибири XVII в. М., 1951. С. 128; Михайлов Т.М., Зориктуев Б.Р. Историко-этнографическое изучение Бурятии в XVII-первой половине XVIII вв. //Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ, 1985. С. 4-11; Минерт Л.К. Источники и литература XVII-XVIII вв. о начальном этапе становления городов Бурятии//Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI-первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 81.

6. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 19.

7. Арсеньев В.В. Очерк сношений России с Китаем через Сибирь и Монголию до 1675 года//В кн.: Ник. Спафарий. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 году. СПб., 1882. С. 5-29.

8. Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Яльчева в 1567 г.)//Известия отд-ния русского языка и словесности Академии наук 1913 г. Т. XVIII. кн. 4. СПб., 1914. С. 257-304; Путешествие Федора Исаковича в Китай с 1654 по 1658 год//Сибирский вестник. Ч. XI. кн. 8-9. СПб., 1820. С. 113-158; Демидова Н.Ф., Ясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае ("Роспись" И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука, 1966. С. 49-58, 113-145.

9. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. М.: Изд-во вост. лит., 1959. С. 51-66 и др.

10. Оглоблин Н.Н. Указ. соч. Ч. III. С. 88.

11. Будинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетом до 1645 г. Харьков, 1893. С. 14.

12. Оглоблин Н.Н. Указ. соч. Ч. I. С. 90-106, 207.

13. Токарев С.А. Указ. соч. С. 48-50; Полевой Б.П. Сибирская картография XVII в. и проблема Большого чертежа//Страны и народы Востока. Вып. XVIII в. М.: Наука, 1976. С. 213-214; Он же. Трехсотлетие создания этнографического чертежа Сибири 1673 г.//СЭ. № 4. 1973. С. 86; Степанов Н.Н. Заметки по исторической географии и этнографии Сибири XVII в.//Изв. ВГО. Т. 81. Вып. 3.

1949. С. 297.
14. Книга Большому Чертежу. Изд-во АН СССР. 1950. С. 3-6.
 15. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 68. 71.
 16. Книга Большому Чертежу. С. 162. 168-170.
 17. Шибанов Ф.А. О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII в. //Уч. зап-ки ЛГУ. №104. Серия географ. наук. Вып. 5. Л., 1949. С. 284.
 18. Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII-XVIII вв. /Под ред. А.В. Ефимова. М.: Наука, 1964. №28. С. 18; Полевой Б.П. К трехсотлетию создания этнографического чертежа... С. 86-87.
 19. Титов А. Сибирь в XVII в. М., 1890. С. 9-22.
 20. Андреев А.И. Указ. соч. С. 30-31.
 21. ДАИ. Т. II. СПб., 1848. С. 243-248.
 22. Андреев А.И. Указ. соч. С. 38-39.
 23. Титов А. Указ. соч. С. 25-38; Шибанов Ф.А. Указ. соч. С. 284-285.

Занятия и материальная культура

1. Степанов Н.Н. Указ. соч. С. 301.
2. ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 57.
3. ДАИ. Т. X. СПб., 1867. С. 322; АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 105.
4. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 191.
5. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. документов. Труды Ист.-археол. ин-та АН СССР. Т. XIV. Мат. по истории народов СССР. Вып. 5. Л., 1936. С. 139-140.
6. ДАИ. Т. II. С. 242.
7. Инструкция письменному голове Пояркову//Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Январь-март. кн. 1. отд. 5. М., 1861. С. 1-2.
8. ДАИ. Т. II. С. 247-248.
9. Там же. С. 251.
10. Сборник князя Хилкова. С. 191.

11. ДАИ. Т. II. С. 258.
12. Инструкция письменному голове Пояркову... С. 4.
13. ДАИ. Т. III. С. 55-57.
14. Титов А. Указ. соч. С. 34.
15. ДАИ. Т. II. С. 256; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Приложения. С. 307.
16. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Вып. Улан-Удэ. 1960. С. 106.
17. Бытность в Мунгалии Степана Гречанина и Андрея Самсона у царя Алтына в 1636 году//Отечественные записки. Ч. 24. СПб. 1825. С. 401.
18. ДАИ. Т. IV. СПб., 1851. С. 18.
19. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 321.
20. Колониальная политика... С. 224.
21. Там же.
22. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сб. документов. М.: Изд-во Граф. лит-ры, 1951. С. 139.
23. Колониальная политика... С. 148.
24. Открытия русских землепроходцев... С. 121.
25. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С.
26. Там же. С. 60.
27. Народы Сибири. С. 384, 421.
28. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С.
29. Там же. С. 307; Народы Сибири. С. 384; Вайнштейн С. Краткая история этнографического изучения тувинцев//Проблемы археологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 1.
30. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С.
31. Открытия русских землепроходцев... С. 140.
32. ДАИ. Т. III. С. 173.
33. РИБ. Т. II. СПб., 1875. Стлб. 101-102.
34. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложения. С. 422-423.

Социальная структура и религиозные воззрения.
Сибирские древности

1. РИБ. Т. II. Стлб. 821; ДАИ. Т. II. С. 264; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 307.
2. Указатель первым десяти томам дополнений к актам исторических. СПб., 1875. С. 225-226 и др.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 8.
4. Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII в. Л.: Наука, 1969. С. 181.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 9. 75.
6. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 149, 321.
7. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 33, 38.
8. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. С. 55.
9. Мартынова Е.П. Община-ярт у хантов//Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. VII. М., 1991. С. 64-66.
10. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 228; РИБ. Т. II. Стлб. 155. 214.
11. Сборник документов по истории Бурятии. С. 10.
12. РИБ. Т. II. Стлб. 176.
13. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 21 и след.
14. Карлов В.В. Советская историография об общинных институтах и обычном праве народов Сибири//Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989. С. 150.
15. Титов А. Указ. соч. С. 19.
16. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981. С. 131.
17. Открытия русских землепроходцев... С. 426.
18. ДАИ. Т. III. С. 55, 57.
19. Косвен М.О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII-XVII вв.)//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 70.
20. Рубинштейн Т.Г. Материалы ясачного сбора о внутренней

- структуре якутского общества XVII в. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1991. С. 158.
21. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научн. труды. III, ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 65-66.
 22. ДАИ. Т. II. С. 264.
 23. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. С. 21.
 24. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 64-65. 191. 296.
 25. ДАИ. Т. III. С. 100.
 26. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 64-65. 191. 296.
 27. РИБ. Т. II. Стлб. 179-181.
 28. Там же. Стлб. 216-218.
 29. Колониальная политика... С. 218.
 30. РИБ. Т. II. Стлб. 213-216.
 31. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложения. С. 416.
 32. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 304-305; Огородников В.И. Указ. соч. С. 16; Кулешов В. Наказы сибирским воеводам в XVII веке. Ташкент, 1888. С. 40.
 33. АИ. Т. IV. СПб., 1842. С. 449.
 34. Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Научн. труды. Т. III, ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 38.
 35. Скалон В.Н. Указ. соч. С. 147-148.
 36. АИ. Т. V. С. 102.
 37. ДАИ. Т. II. С. 242, 258; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 362.
 38. РИБ. Т. II. Стлб. 213-216.
 39. Кузнецов Е.В. Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири // Тобольские губернские ведомости. №25. 1896.
 40. Там же. № 24.
 41. Пекарский П.П. Известие времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадавшихся в татарами могилах в Сибири // Изв. Археолог. об-ва. Т. V, вып. 1. СПб., 1866, С. 38.

42. Там же. С. 38-39.
43. Там же. С. 39; Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии//Историко-археологический сборник.. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 44.
44. Отглобин Н.Н. "Сысские дела" о кладах в XVII в. //Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. 7. Киев, 1893. С. 119.
45. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири: Спецкурс. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 64. *
46. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 58.
47. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Указ. соч. С. 116.
48. Кук А.В. Отсутствие археологического интереса в средневековой культуре (на примере Западной Сибири)//История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 36.

Автохтоны и русские

1. Никитин Н.И. К вопросу о взаимоотношениях пришлого и коренного населения Урала и Сибири в XVI-XVIII веках//Спорные вопросы отечественной истории XI-XVIII веков: Тез. докл. и сообщений Первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. Ч. II. М., 1990. С. 202.
2. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 74-75; Васильев В.И. Русско-самодийские этнические контакты в историческом аспекте//Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1986. С. 84-88; Сафронов Ф.Г. Распространение земледелия на северо-востоке Сибири в XVII-начале XX вв.//Исторические связи народов Якутии с русским народом: Сб. научн. тр. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1987. С. 28-39; Бураева О.В. О начальном этапе развития этнокультурных связей русских и бурят (XVII-начало XVIII вв.)//Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ, 1988. С. 128-142; Башарин Г.П. Историческое значение добровольного вхождения Якутии в XVII веке в состав Российской государства//Исторические связи народов Якутии с русским народом: Сб. научн. тр. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1987. С. 5-28.

3. Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии. С. 37; Анти Н.П. Географические открытия вологжан в Сибири в XVII в.// зап. Вологод. пед. ин-та. Т. VIII. Вологда, 1951. С. 81-82; (лон В.Н. Указ. соч. С. 152; Косвен М. О. Указ. соч. С. 46; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XV века. М.: Наука, 1972. С. 171; Оцирова Т.Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства//Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 139-140;
4. Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 329-335.
5. Он же. Крещение оstsяков и вогулов при Петре Велик Харьков. 1893. С. 11.
6. Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии. С. 36.
7. Александров В.А. Русское население Сибири XVII-нач XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 9, 300.
8. Преображенский А.А. Указ. соч. С. 166-171.
9. Залкинд Е.М. Из истории западного Забайкалья в кон. XVII-начале XVIII вв.//Уч. зап-ки Ленинград. ун-та. №98. Сер востоковедческих наук. Вып. 1. Л., 1949. С. 228; Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии. XVII- XVIII вв. М.: Наука, 1974. С. 27-28.
10. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Ч. 2. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. С. 228-231.
11. Башарин Г.П. Указ. соч. С. 7-8; Он же. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск: Якут. к изд-во, 1971. С. 79-81.
12. Александров В.А. Политика российского правительства нациальному вопросу (середина XVII-XVIII вв.)//Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. XI. Национальная политика в России. Кн. 1. Середина XVII-конец XVIII в. М., 1992. С. 14-15.
13. Огородников В.И. Указ. соч. С. 11.
14. Пытлив А.Н. История русской этнографии. Т. IV. СПб 1892. С. 180.
15. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. СПб., 1874. С. 26-27.
16. Драбкина Е.Я. Национальный и колониальный вопрос в цар

кой России. М.: Изд-во Ком. академии, 1930. С. 57-64.

17. Измайлова И.С. Счеты и просчеты имперских историков//Родина. №8. 1994. С. 29-30.

18. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI-начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. С. 192-209; Уманский А.П. Указ. соч. С. 24-33 и др.; Дульzon А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби//Уч. зап-ки Томского гос. пед. ин-та. Т. XIII. Томск, 1955. С. 115; Славинин В.Д. Типы жилищ кумандинцев//Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 95; Молодин В.И. Миграции в эпоху средневековья в Барабинской лесостепи//Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 1. Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма: Тезисы докл. и сообщений. Новосибирск, 1989. С. 45-46; Шелегина О.Н. Переселенцы, старожилы, коренное население Западной Сибири - результаты этнокультурного взаимодействия в феодальный период//Региональные проблемы межнациональных отношений в России: Материалы всеросс. конф. Омск, 1993. С. 302-305.

19. Кулемзин В.М. Отдельные наблюдения над взаимодействием традиционной хантыйской и русской культурой//Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. VII. М., 1991. С. 186; Томилов Н.А. Указ. соч. С. 22; Хвостов Н.А. К вопросу уроков истории в межнациональных отношениях (на примере взаимовлияния русского и казахского народов в XVIII-начале XX вв.)//Региональные проблемы межнациональных отношений в России: Материалы всеросс. конф. Омск, 1993. С. 295.

20. Томилов Н.А. Процессы сближения томских татар с русским населением//Материалы по этнографии Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. С. 126-128; Он же. Этническая история... С. 192-209, 230.

21. Козлов В.И. Исторические аспекты этносоциальной экологии (о проблемах экологического поведения)//ЗО. №1. 1994. С. 41.

22. Головнев А.В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII-XIX вв.//Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 9-11; Он же. "Свое и

- чужое" в представлениях хантов//Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. VII. М., 1991. С. 189-191; Кулемзин В.И., Толгий А.Т. К вопросу о механизме разрушения традиционных культур//Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 235-236.
23. Головнев А.В. Русское влияние на культуру народов... С. 11-18.
24. Полков Ю.В. Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука, 1990. С. 133.
25. Очирова Т.Н. Указ. соч. С. 139-149.
26. Ковалевкина Е.П. Российская государственная власть и "иностранский вопрос" в Сибири//Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 106.
27. Курилов В.Н., Люцидарская А.А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. //Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 42; Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII-начало XVIII в. Новосибирск: Наука, 1992. С. 83-84.
28. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. С. 71-85.
29. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложения. С. 365.
30. Кулешов В. Указ. соч. С. 15-16.
31. Миллер Г.Ф. Т. I. Приложения. С. 364.
32. ДАИ. Т. II. С. 162.
33. Колониальная политика... С. 223.
34. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. С. 51-53.
35. Миллер Г.Ф. Т. I. Приложения. С. 381.
36. Открытия русских землепроходцев... С. 426; Колониальная политика... С. 217, 238-239.
37. АИ. Т. IV. С. 449.
38. Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 225-226.
39. ДАИ. Т. I. С. 184.
40. РИБ. Т. II. Стлб. 169, 175-176, 764-766; АИ. Т. II. С. 10; АИ. Т. III. С. 165-166; АИ. Т. V. С. 346-347; ДАИ. Т. III. С.

- 174; Колониальная политика... С. 245-246; Сборник документов по истории Бурятии. С. 145-146; Кошкин Гр. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 74; Бахрушин С.В. Рец. на кн.: В.И. Огородников. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI-XVIII вв. Иркутск. 1920//Русский исторический журнал. Кн. 8. Петроград. 1922. С. 277-278; Оглоблин Н.И. Обозрение столбцов и книг... Ч. I. С. 98-99; Преображенский А.А. Указ. соч. С. 170; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 118.
41. АИ. Т. II. С. 78.
 42. Открытия русских землепроходцев... С. 427.
 43. АИ. Т. III. С. 222.
 44. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 332.
 45. Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 326; Огородников В.И. Указ. соч. С. 21.
 - 46.. Дякин В.С. Рец. на кн.: А. Каппелер. Россия как многонациональное государство. Возникновение. История. Падение. Мюнхен. 1993//Отечественная история. №6. 1994. С. 251.
 47. АИ. Т. III. С. 326-328; Т. IV. С. 53.
 48. Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 320-329; Огородников В.И. Указ. соч. С. 21-29.
 49. АИ. Т. II. С. 101.
 - 50.. АИ. Т. III. С. 166.
 51. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 216.
 52. Там же. С. 340. 352.
 53. Там же. С. 247.
 54. РИБ. Т. II. Стлб. 967; АИ. Т. V. С. 198.
 55. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложения. С. 417.
 56. РИБ. Т. II. Стлб. 145-146.
 57. ДАИ. Т. VIII. С. 3; Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг... Ч. I. С. 98.
 58. ДАИ. Т. VIII. С. 18-18; Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг... Ч. I. С. 98-99; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 246.
 59. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг... Ч. I. С. 102; Буцинский П.Н. К истории Сибири... С. 23-24.
 60. РИБ. Т. II. Стлб. 175-176.

61. Буцинский П.Н. К истории Сибири... С. 12.
62. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг... Ч. I. С. 106.
- 63.. Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. С. 87; Буцинский П.Н. Крещение остяков и вогулов... С. 15-16.
64. АИ. Т. III. С. 166.
65. РИБ. Т. II. Стлб. 199-200; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 228.
66. АИ. Т. V. С. 197; Колониальная политика... С. 224-225; Открытия русских землепроходцев... С. 130; ДАИ. Т. VIII. С. 9.
67. Колониальная политика... С. 225.
68. Открытия русских землепроходцев... С. 217.
69. ДАИ. Т. III. С. 392.
70. Записки русских путешественников XVI-XVII вв. М.: Сов. Россия, 1988. С. 381.
71. ДАИ. Т. III. С. 364-365.
72. АИ. Т. III. С. 348.
73. Открытия русских землепроходцев... С. 140.
74. АИ. Т. III. С. 348.
75. АИ. Т. II. С. 27; Т. III. С. 235.
76. РИБ. Т. II. Стлб. 144-148.
77. Залкинд Е.И. Указ. соч. С. 228; Бураева О.В. Указ. соч. С. 131-132.
78. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 323.
- 79.. Там же. С. 276.
80. Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 334.
81. Мостахов С.Е. Сподвижники путешественников и исследователей (Участие местного населения в географическом изучении северо-востока Сибири в XVII-начале XX в.). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1966. С. 30-55; Антипов Н.П. О роли коренного населения Сибири в русских географических открытиях XVII в.//Уч. зап-ки Вологод. пед. ин-та. Т. VIII. Вологда, 1951. С. 51-58; Ефимов А. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке на северо-востоке Азии//Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии: Сб. документов. М.: Изд-во Географ. лит-ры. 1951. С. 11.

82. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Указ. соч. С. 54-55.
83. РИБ. Т. II. Стлб. 374.
84. Степанов И.И. Первые русские сведения об Амуре и гольдах//СЭ. 1950. №1. С. 178. 181-182; Полевой Б.П. Об ошибках в освещении похода И.Ю. Москвитина 1639-1641 гг.//Известия ВГО. Т 123. вып. 2. Л., 1991. С. 185-191.
85. Мостахов С.Е. Указ. соч. С. 32.
86. Степанов И.И. Первая экспедиция русских на Тихий океан//Изв. ВГО. Т. 75, вып. 2. М.-Л., 1943. С. 47.
87. Инструкция письменному голове Пояркову. С. 7.
88. Там же. С. 4, 9.
89. ДАИ. Т. II. С. 262.
90. Записки русских путешественников... С. 377, 380.
91. Колониальная политика... С. 170.
92. Буцинский П.Н. К истории Сибири... С. 23-24; Колониальная политика... С. 217.
93. Открытия русских землепроходцев... С. 131.
94. Ковалышкина Е.П. Указ. соч. С. 105.
95. Лицидарская А.А. От "иноземцев" к "инородцам" (один из аспектов колонизации Сибири)//Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. II. Тезисы междунар. конф. Новосибирск. 1995. С. 165-169.
96. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. Приложения. С. 276.
97. Чистякова Е.В. К вопросу о формировании этноисторических представлений в русской общественной мысли XVIII-XIX веков//Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Историография освободительного движения и общественной мысли России и Украины. Днепропетровск. 1984. С. 120-127; Головнев А.В. "Свое и чужое" в представлениях хантов. С. 187-224; Фрейденберг М.М. Мир этнических образов далматинского средневековья//Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 128-129; Демин А.С. "Свои" и "чужие" этносы в "Повести временных лет"//Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 3-14; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на западе и востоке Европы//Славяне и их соседи: этнопсихологические

- стереотипы в средние века. М., 1990. С. 54.
98. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М.: Наука, 1982. С. 11-22.
99. Там же. С. 8.
100. Гофф Ле Мак. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 142-143; Коваленко Г.М. Русские глазами шведов. Этнопсихологический стереотип//Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 65.
101. Демин М.А. Взаимоотношения русского и коренного населения Сибири в ранней отечественной историографии//Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. II. Тезисы междунар. научн. конф. Новосибирск, 1995. С. 109.
102. Пудыкович О.Д. Взаимодействие культур и проблема межгрупповой враждебности//Стиль мышления и поведения в истории мировой культуры. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 33-53.
103. Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма: Учебное пособие. Новосибирск, 1986. С. 30.
104. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. С. 53-84; Гемусев И.Н., Люцидарская А.А. Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в XVI-XVII вв.)//Гуманитарные науки в Сибири. №3. Новосибирск, 1994. С. 64.
105. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука, 1988. С. 27.
106. Токарев С.А. Указ. соч. С. 45.
107. Кулемзин В.М. Указ. соч. С. 182.
108. Лашук Л.П. Проблема становления русской этнографической науки//Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 18.
109. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. С. 15; Иванов В.И. Историческая мысль в России XVIII-середины XIX в. о народах северо-востока Азии. М.: Наука, 1989. С. 27.

§2. Коренные обитатели Сибири в литературно-исторических сочинениях

Обзор источников

1. Андреев А.И. Указ. соч. С. 223; Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака//ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 467.
2. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.//Научн. тр. Т. III, ч. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 17-32, 40-43; Андреев А.И. Указ. соч. С. 195-226; Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 90-97, 105-135; Очерки русской литературы Сибири. Т. I. Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 30-76; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI-начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. С. 14-17; Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск: Наука, 1973. С. 36-125; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ериака. Новосибирск: Наука, 1982. С. 12-60.
3. Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965. С. 131; Очерки русской литературы Сибири. С. 51; Сибирские летописи. ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. М.: Наука, 1987. С. 4; Летописи сибирские/Сост. и общая редакция Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. С. 7.
4. Серова И.Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей//Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. С. 36; Сибирские летописи. С. 4.
5. Летописи сибирские. С. 193.
6. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации... С. 29.
7. Дергачева-Скоп Е.И. Указ. соч. С. 123-132; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 21-24.
8. Ромодановская Е.К. Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания)//Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск: Наука, 1980. С. 18-58.

9. Сперанский М.Н. Повесть о городах Таре и Тюмени//Труды комиссии по древнерусской литературе. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 13-27; Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири... С. 125-137.
10. Очерки русской литературы Сибири. С. 55.
11. Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания//ВИ. 1970. N12. С. 53; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 30.
12. Андреев А.И. Указ. соч. С. 215-217.
13. Летописи сибирские. С. 37.
14. Там же.
15. Андреев А.И. Указ. соч. С. 155.
16. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 415; Очерки русской литературы Сибири. С. 75.
17. Сергеев В.И. Сибирские летописи//Советская историческая энциклопедия. Т. XII. М.: Сов. энциклопедия, 1969. С. 823.
18. Очерки русской литературы Сибири. С. 74; Летописи сибирские. С. 247.
19. Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 412, 416.
20. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации... С. 42.
21. Копанев А.И. Пинежский летописец XVII в.//Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л.: Наука, 1972. С. 59.
22. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации... С. 21; Андреев А.И. Указ. соч. С. 210-213; Вовина В.Г. Новый летописец. Итоги и проблемы изучения//Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 77-78.
23. Аллатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 416-417; Глускина С.М. "Космография" 1637 года как русская переработка текста "Атласа" Меркатора//Географический сборник. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 79-99; Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII веке. М.: Наука, 1989. С. 20.
24. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Л., 1934.
25. Никольский В.К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума//Уч.

зап-ки Института истории Российской ассоциации научн.-исслед ин-тов общественных наук. Т. II. М., 1927. С. 137-167.

26. Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. VII. СПб., 1791. С. 198-224; О ведомости о Китайской земле и о глубокой Индии//Памятники древней письменности и искусства. Т. 133. СПб., 1899. С. 19-35.

27. Долгов С. Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индии//Памятники древней письменности и искусства. Т. 133. СПб., 1899. С. 14-18; Андреев А.И. Указ. соч. С. 37.

28. Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. С. 3.

29. Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири... С. 33.

30. Очерки русской литературы Сибири. С. 58-61.

31. Там же. С. 47-50.

Расселение и особенности культуры

1. Сибирские летописи. С. 32. Географо-этнографическая канва Румянцевского летописца, как и большинство других сибирских летописей, охватывает значительную часть Западно-Сибирской равнины, а не ограничивается подобно сказанию "О человечех незнаемых..." только ее северными областями. В связи с этим утверждение о совпадении территориальных рамок сказания и исторических сочинений XVII в. (Лаврентьев А.В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники//Исследования по источниковедению истории СССР XIII-XVIII вв. М., 1986. С. 125-126) вряд ли правомерно.

2. Там же. С. 129.

3. Там же. С. 45.

4. Там же.

5. Там же. С. 91.

6. Летописи сибирские. С. 126.

7. Там же. С. 140.

8. Там же. С. 264.

9. Там же. С. 258, 260.

10. Там же. С. 136, 160; Сибирские летописи. С. 53.

11. Летописи сибирские. С. 164.
12. Там же. С. 258-259.
13. Там же. С. 152, 250, 256; Сибирские летописи. С. 60. По мнению В.И. Шункова, сведения Кунгурской и более поздней Ремезовской летописей о земледелии и хлебных запасах у сибирских аборигенов чрезмерно преувеличены. Под "овощами", подносимыми местными жителями русским воинам, исследователь понимал не продукты огородничества в нашем представлении, а травы и коренья (Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII-начале XVIII веков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 98-108).
14. Соболев В.И. Раннесредневековые города татарского населения Западной Сибири//Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск. 1988. С. 52.
15. Летописи сибирские. С. 50, 258.
16. Там же. С. 44. В издании А.Н. Попова "Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции" (М., 1869. с. 401) написание некоторых этнонимов отличается от публикации Е.И. Дергачевой-Скоп. что привело, например, С.А. Токарева к ошибочному предположению о связи шилягов с нижнеамурскими гиляками (С.А. Токарев. Указ. соч. С. 60).
17. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 167-173.
- 182.
18. Токарев С.А. Указ. соч. С. 60.
19. Летописи сибирские. С. 46.
20. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX-первая четверть XVIII вв.). М.-Элиста, 1994. С. 158; Эрдинцев У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. С. 75; Дуковская Н.Л. Калмыки//Народы России: Энциклопедия. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1994. С. 178.
21. Летописи сибирские. С. 48.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же. С. 50.
- 25.. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 178, 219. Некоторые исследователи в смыслах видят предков современных селькупов (Пелих Г.И. Указ. соч. С. 70).

26. Летописи сибирские. С. 50.
27. Народы Сибири. С. 122; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 272-273.
28. Летописи сибирские. С. 50.
29. Глускина С.М. Указ. соч. С. 80; Александровская О.А. Указ. соч. С. 20.
30. Изборник славянских и русских сочинений и статей... С. 466.
31. Космография. 1670. СПб., 1878-1881. С. 13. 32. Андреев А.И. Указ. соч. С. 157; Титова З.Д. Обзор этнографических материалов XVII-XIX вв. о народах Сибири отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина//СЭ. №2. 1972. С. 75.

Религиозные верования

1. Сибирские летописи. С. 45.
2. Там же. С. 32.
3. Летописи сибирские. С. 50.
4. Сибирские летописи. С. 130.
5. Там же. С. 131, 132.
6. Летописи сибирские. С. 126.
7. Там же. С. 128, 138, 140, 162, 173 и др.
8. Там же. С. 140, 142.
9. Там же. С. 166.
10. Там же. С. 174.
11. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского Чудотворца//Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 1-2. Вятка. 1912. С. 35-37.
12. Казанская история/Под ред. Адриановой-Перетц. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1954. С. 91-92. 149.
13. Сибирские летописи. С. 48.
14. Там же. С. 49-50.
15. Там же. С. 380, 50.
16. Там же. С. 51, 69.
17. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора

- Ивановича всея Руссии//ПСРЛ. Т. 14. первая половина. СПб.. 1910.
С. 4.
18. Синопсис. СПб.. 1746. С. 6.
 19. Летописи сибирские. С. 44.
 20. Сибирские летописи. С. 45.
 21. Летописи сибирские. С. 44.
 22. Там же.
 23. Там же. С. 172.
 24. Блажес В.В. Ермаковские предания XVII в. в составе Кунгурской летописи//Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. С. 36-47.
 25. Летописи сибирские. С. 260.
 26. Там же.
 27. Там же. С. 258.
 28. Там же. С. 254, 256.
 29. Там же. С. 254.
 30. Там же. С. 264.
 31. Бахрушин С.В. Туземные легенды в "Сибирской истории" С. Ремезова//Исторические известия. № 3-4. М.. 1916. С. 13-14.
 32. РИБ. Т. II. Стлб. 216-218.
 33. Гуревич И.С. Культ священных камней в тундровой зоне Евразии//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 230-239.
 34. Летописи сибирские. С. 34.
 35. Там же. С. 258.
 36. Там же.
 37. Житие протопопа Аввакума... С. 102.

Прошлое сибирских народов

1. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. I.
2. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири... С.
30. Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 58.
3. Сибирские летописи. М., 1907. С. 17-19; Сибирские летописи: ПСРЛ. Т. 36. ч. 1. С. 46-47.

4. Сибирские летописи: ПСРЛ. Т. 36. ч. 1. С. 46.
5. Там же. С. 47.
6. Там же. С. 32.
7. Там же. С. 108.
8. Там же. С. 129-130.
9. Летописи сибирские. С. 50.
10. Там же. С. 208.
11. Там же. С. 196.
12. Там же. С. 211.
13. Новый летописец: ПСРЛ. Т. 14, первая половина. СПб., 1910. С. 33.
14. Лашук Л.П. Чудь историческая и чудь легендарная//ВИ. №10. 1969. С. 214; Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М.: Наука, 1990. С. 94.
15. Лашук Л.П. Чудь историческая... С. 208; Агеева Р.А. Указ. соч. С. 95-99.
16. Богословский И.И. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 1.
17. Агеева Р.А. Указ. соч. С. 106.
18. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложения. С. 377-378.
19. Сибирские летописи: ПСРЛ. Т. 36. ч. 1. С. 47.
20. Костров Н.А. Предания томских инородцев о подданстве их России. Труды IV археолог. съезда. т. I. Казань, 1884. С. 202-203; Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сб. этнограф. статей и исследований. М., 1893. С. 135; Городцов В.А. Чудь (западно-сибирская легенда)//ЗО. №1-2. 1906. С. 113-114.
21. Миненко Н.А. Предания о чуди и народная концепция присоединения Сибири. (К изучению этнокультурных контактов русских с сибирскими татарами)//Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск. 1986. С. 52-53.
22. Лашук Л.П. Чудь историческая... С. 214.
23. Феоктистова И.К. Локальные особенности преданий о чуди//Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. I. Филология. Тезисы междунар. конф. Новосибирск, 1995. С. 335-337; Легенды о чуди записаны нами в 1989 году во время архео-

логических раскопок в Новошульбинском районе Семипалатинской области республики Казахстан.

24. Летописи сибирские. С. 50.
25. Там же. С. 48.
26. О ведомости о Китайской земле... С. 32-34.
27. Там же. С. 35.

Аборигены и русские

1. Сибирские летописи: ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 92.
2. Там же. С. 56.
3. Очерки русской литературы Сибири. С. 70-71; Сперанский М.Н. Указ. соч. С. 14-18.
4. Сперанский М.Н. Указ. соч. С. 29.
5. Там же. С. 31.
6. Там же. С. 32.
7. Демин А.С. Русская литература второй половины XVII-начала XVIII века. М.: Наука, 1977. С. 147.
8. Казанская история. С. 150, 152, 155.
9. Сперанский М.Н. Указ. соч. С. 28.
10. Курилов В.Н., Люцидарская А.А. Указ. соч. С. 41.
11. Летописи сибирские. С. 140, 172.
12. Копанев А.И. Указ. соч. С. 79.
13. Летописи сибирские. С. 256, 262.
14. Там же. С. 264, 260.
15. Там же. С. 260, 262, 264.
16. Там же. С. 144.
17. Казанская история. С. 131-133, 174.
18. Изборник славянских и русских сочинений и статей... С. 183.
19. Житие протопопа Аввакума... С. 106-107, 113.
20. Сибирские летописи: ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 57.
21. Там же. С. 133:
22. Ромодановская Е.К. Погодинский летописец. С. 38, 43.
23. Рукописи Археографической комиссии/Описал Н.П. Барсуков. СПб., 1882. С. 162.

24. Сибирские летописи: ПСРЛ. Т. 36. ч. 1. С. 57.
25. Там же. С. 17.
26. Ромодановская Е.К. Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. С. 13-14; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири... С. 85-86, 108.
27. Сибирские летописи: ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 56.
28. Сперанский М.Н. Указ. соч. С. 27-32.
29. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. С. 28-33; Сперанский М.Н. Указ. соч. С. 16-18; Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири... С. 100-102, 110-124, 161-162; Порохова О.Г. Указ. соч. С. 66; Очерки русской литературы Сибири. С. 69-70.
30. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худ. лит-ра, 1981. С. 134, 138, 140, 142, 162, 164, 184, 192, 204 и др.
31. Летописи сибирские. С. 128.
32. Там же. С. 178.
33. Там же. С. 258, 260, 262.
34. Там же. С. 254.
35. Житие протопопа Аввакума... С. 91, 98, 102, 103, 106, 107, 113, 118.

§ 3.. Иностранные авторы об автохтонном населении Сибири

1. Петрей Петр де Ерлезунда. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 54-57.
2. Там же. С. 67-68.
3. Там же. С. 55-56.
4. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке. СПб., 1898. С. 154-158.
5. Рейтенфельс Як. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. СПб., 1905. С. 211; Ламартинье П.М. Путешествие в северные страны (1653 г.) // Записки Московского археологического института. Т. XV. М., 1912. С. 111; Флетчер Дж. о государстве русском или образе правления русского царя. СПб., 1906. С. 87; Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских

путешественников и писателей. Т. 1, ч. II (2-я половина XVII в.). Иркутск, 1936. С. 15; Он же. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. //Исторический архив. Т. I. М.-Л., 1936. С. 177; Петрей П. Указ. соч. С. 54; Путешествие Антиохийского патриарха... С. 156; Полевовой Б.П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века (О сочинении Адама Каменского-Длужника) //СЭ. N5. 1965. С. 124, 126.

6. Маргерет Мак. Состояние Российской империи и Великого княжества Московии//Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 229; Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 15; Путешествие Антиохийского патриарха... С. 155-156. 158; Рейтенфельс Як. Указ. соч. С. 202, 211; Ламартинье П.М. Указ. соч. С. 73, 93.

7. Ламартинье П.М. Указ. соч. С. 111.

8. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 166.

9. Там же. С. 169-170.

10. Там же. С. 167-168.

11. Рейтенфельс Як. Указ. соч. С. 209-210.

12. Ламартинье П.М. Указ. соч. С. 111.

13. Олеарий А. Указ. соч. С. 167.

14. Флетчер Дж. Указ. соч. С. 86; Рейтенфельс Як. Указ. соч. С. 210-211.

15. Флетчер Дж. Указ. соч. С. 86.

16. Хомич Л.В. Ненцы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 200.

17. Рейтенфельс Як. Указ. соч. С. 206.

18. Полевовой Б.П. Забытый источник сведений... С. 124-126.

19. Монтень М. Опыты. Кн. 1. М.: Голос, 1992. С. 227, 228, 232.

20. Олеарий А. Указ. соч. С. 171.

21. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 18.

22. Цетлин М.Н. Исаак Масса и Юрий Крижанич о Сибири//История географических знаний и историческая география. Этнография. Вып. 4 (Материалы Московского филиала Географического об-ва СССР). М., 1970. С. 30.

23. **Масса Исаак.** Краткое известие о Московии в начале XVI в. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 4-5.
24. **Алексеев М.П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII-XVII вв. Иркутск, 1941. С. 256-262.
25. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 16; Он же. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII-XVII вв. С. 212, 256.
26. Петрей П. Указ. соч. С. 43-44.
27. Флетчер Дж. Указ. соч. С. 73.
28. **Олеарий Адам.** Описание путешествия в Москвию//Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 410.
29. **Ламартинье П.М.** Указ. соч. С. 70.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Амелькин А.О. Национальное самосознание России XVI века в свете татарского вопроса//Русская история: проблемы менталитета: Тезисы докладов научн. конф. М., 1994. С. 52-56.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ - Акты исторические
ВГО - Всесоюзное географическое общество
ВИ - Вопросы истории
ДАИ - Дополнения к актам историческим
ЛГУ - Ленинградский государственный университет
МГУ - Московский государственный университет
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
РИБ - Русская историческая библиотека
СО АН - Сибирское отделение Академии наук
СЭ - Советская этнография
ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы Института
русской литературы (Пушкинского дома) РАН
ЭО - Этнографическое обозрение

Демин Михаил Александрович

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СИБИРИ
В РАННЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Учебное пособие

Редактор Н. В. Чесновицкая
Оформление обложки О. А. Федоренко

Подписано в печать 20.12.95. Формат 84x108/32.
Бумага типографская № 1. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 1293. Уч.-изд. л. 10.7.

Издательство Барнаульского государственного педагогического университета - 656099. Барнаул. пр. Социалистический. 126

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета - 656099. Барнаул. ул. Димитрова. 66